

Ставропольская
духовная семинария

**Священномученик
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

ВО ДНИ ВОЙНЫ
ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 3–4

Ставрополь
2024

УДК 242

ББК 86.372 + 68.1(2Рос)

По благословению
митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р24-413-3293; ИС Р24-413-3294)

Восторгов Иоанн, священномученик

Во дни войны. Голос пастыря-патриота / ред. протоиерей П. М. Самойленко, священник Е. Н. Шишкин. Вып. 3–4. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2024. 320 с.

ISBN 978-5-6053150-0-1

В сборнике представлены проповеди священномученика Иоанна Восторгова (1867–1918), произнесенные в первый год великой войны, впоследствии названной Первой мировой (с мая 1915 по март 1916 года). Уроженец Кубани, воспитанник военного духовенства Кавказской армии, выпускник Ставропольской духовной семинарии, протоиерей Иоанн Восторгов встретил события 1914 года на Красной площади – настоятелем храма Василия Блаженного. Его пламенное слово к тому времени уже заслужило признание современников – Златоустом называл его святой праведный Иоанн Кронштадтский. В основу настоящего издания положен исторический памятник – прижизненные сборники проповедей протоиерея Иоанна Восторгова с его авторским заглавием, изданные московской типографией «Русская печатня» в 1916–1917 годах. Книга будет полезна военным священникам, преподавателям учебных заведений, солдатам и офицерам Российской армии, казакам, а также широкому кругу читателей, любящих историю и духовные традиции Святой Руси.

СОДЕРЖАНИЕ

Выпуск 3

Борьба двух начал.	
Духовный смысл современной великой войны	
I. Человекобожие	8
II. Богочеловечество.	16
Воину русскому доброе слово-напутствие	24
Чудеса веры православной	27
Христианство жизненное	32
Православие в истории России.	38
Продолжим великое дело святого князя Владимира.	50
В скорбные дни	
I. Не суди.	56
II. Покаяемся!	59
III. Не отчаивайся!	62
Надежда России	66
«Знак храбрых».	70
Борьба духа и плоти.	72
Одухотворение торгового дела	76

В праздник святого Василия Блаженного	
I. Подвиг молитвы и покаяния	82
II. Мир	85
О познании тайны жизни Божества	89
Во дни заповедного поста и покаяния	
I. Заповедь церковная	96
II. Духовный подъем	100
III. Целожизненный подвиг	105
IV. Верность Христу	111
V. Борьба за трезвость	116
VI. Плоды, достойные покаяния	127
Святой борец за Русь Святую	132
Всемирная духовная радость	134
Оружие непобедимое	142
Крестные ходы	147
Пожалейте беженцев из Польши!	153
Иосиф, экзарх Болгарии †	154
Преступление пред христианством	156
Залог единодушия	160
Хранение святыни	165
Патриотизм истинный	171
Пагубный путь	180
Забота о беженцах	187
Жертва	189
Вторая Отечественная война	191
Чистота душевная	200

Памяти миссионера воина	204
Памяти митрополита Флавиана	207
Война – продолжение войны мировой и премирной	210
Искупляющее страдание	213
Пережитки язычества	218
Архиепископ Алексей († 20 декабря 1914 г.)	227
Религиозное и нравственное равнодушие	
I	229
II. Воины-палачи и воины-мученики	234

Выпуск 4

Мир истинный и мнимый	240
Испытание терпения	244
Новое и старое по разуму Церкви.	249
Дух миссионерства	253
Скорби и надежды миссии.	260
Нравственный смысл помощи беженцам	268
Во славу святого Иоанна Блаженного	
I. «Странен во своем языке».	272
II. Истинная духовная ценность	274
Благородная душа	278
Дело любви к семьям защитников Родины	
I. Новое откровение миру	281
II.	284
Пути Промысла.	286
Примиренность.	290
Дух Православия	294
Покаяние	301
Слово крестное.	306
Храм для воинов	
I. Воинство верное	314
II. Чаша Жизни	316

Выпуск 3

БОРЬБА ДВУХ НАЧАЛ. ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ¹

1. ЧЕЛОВЕКОБОЖИЕ

Пречистою плотию воскресший, «с пречистою плотию» вознесся и на Небо Господь Иисус, обещав ниспослать Святого Духа на искупленное Им человечество. «Недр отеческих не разлучся, и с земными яко Человек пожив», ныне от горы Елеонския вознесся во славе, «и падшее естество наше милостивно вознес, Отцу спосадил», – так песнь церковная изображает смысл великого праздника Вознесения Господня (стихира на «Господи, возвах...»). В других песнопениях еще шире и глубже уясняется та же мысль и приходит к указанию и прославлению *богочеловечества* Христова. «Ангелы удивленные» как бы реяли около учеников Христовых: «Кто есть Сей, глаголаху, – не человек точию, *Бог же и Человек* совокупленно и явленно, Сей есть Иисус, *Человек Бог, Бог Человек* паки приидет, Судия живых и мертвых» (5 стихиры на литии).

Здесь глубина богословия христианского. Однако говорить ныне собственно о богочеловечестве Иисуса Христа у нас не достанет ни времени, ни сил. Мы можем только в текущей жизни христианского мира отмечать в поучение себе, верен ли он, а с ним и мы, – верны ли мы этой основе христианства и Церкви,

¹ Два церковных слова; сказаны в Троице-Сергиевой Лавре в праздник Пятидесятницы 10 мая 1915 г. за всеобщей и литургией.

то есть этому союзу вечному богочеловеческому?... Пред нами страшная война народов, пред нами ужасы сражений между народами христианскими. Идет война, льется кровь, вырисовываются беспримерные жестокости и злодеяния врага... Весь мир недавно содрогнулся при известии о совершенно преднамеренном, ничем не вызванном, бессмысленно жестоком потоплении в море 2 000 человек совершенно мирных людей и среди них – сотен грудных младенцев (пароход «Лузитания»). Но весь мир уже начинает сознавать и то, что нынешняя мировая война в глубокой сущности своей никоим образом не может быть признана и названа только борьбой народов за лучшие и естественные границы, за права отдельных племен или за торжество права и свободы. Последнее, чаще всего теперь приводимое в печати и в отзывах политических деятелей основание войны, привлекающее внимание и сочувствие людей, идеально настроенных, есть, несомненно, не первичное и не главное основание, а выводное, в свою очередь тоже нуждающееся в более глубоком обосновании, без него непонятное и необъяснимое. Пред нами борьба двух начал мировых и вечных, борьба двух культур, как теперь принято выражаться, двух мировоззрений – христианского и антихристианского. И здесь именно причина того, что Германия, образованная и культурнейшая страна образованнейшей части света, Европы, стоит во главе наших врагов, что она и начала эту войну-бойню, и ведет ее с упорством, причем открыто и сознательно устами не только военных вождей, но и мыслителей немецких, писателей и ученых оправдывает и даже восхваляет злобу, мстительность, жестокость, бессердечие и прямо заявляет, что «сила – выше права».

Неужели же, спросите вы, такова по существу европейская культура?

Да, именно такова, если она отходит от христианских начал, от того, что есть сущность христианства: христианство же в сущности своей есть *богочеловечество*. Такова она, эта культура, если сохраняет и развивает древнеязыческое начало, которым жил древний образованный греко-римский мир: язычество же, в противоположность христианству, есть *человекобожие*.

Правда веры и правда жизни всегда связаны взаимно, и, наоборот, неправда веры всегда в конце концов скажется неправдою жизни. Отсутствие любви, жестокость и мстительность у евреев-талмудистов или у мусульман, конечно, не есть явление случайное, не есть только и исключительно свойство наций, исповедующих указанные религиозные учения, – нет, эти отрицательные свойства связаны с мусульманством и талмудизмом внутренними связями, как причина и следствие. Например, русские люди, по несчастью, принявшие еврейство, так называемые субботники и еврействующие, удивительно быстро теряют духовные особенности русского человека, быстро принимают и усваивают все отрицательные стороны евреев, хотя живут совершенно отдельно и независимо от евреев. Подобно сему и народы Европы, если они уклоняются от начал христианских в вере, неизбежно с течением времени склоняются к язычеству и в жизни.

Правда христианства уже тысячу лет омрачена и искажена на западе Европы, особенно же она затемнена в протестантизме, – и вот теперь пред нами совершенно естественные плоды этого великого отступления от чистоты истины Христовой.

Не собирают с терновника винограда и от репейника смоквы – это вечно жизненный закон Евангелия.

В чем же, спрашивается, мы видим отступление Европы от начал христианских, в чем человекобожие, заменившее бого-человечество?

Вдумчивому историку и наблюдателю жизни европейских народов видно, как постепенно ставились своего рода *идолы* пред сознанием европейских христианских народов и заменяли собою истинное богопочитание. Идолы эти тем опаснее, что они были являемы не в кумирах видимых, и не в статуях языческих богов, а утверждались и жили внутри духа европейского человека: это преклонение пред человеческим *разумом* и его якобы всемогущею и непогрешимою силою; преклонение пред человеческою *личностью* и ее безграничною свободою и правами; преклонение пред *материей*, пред землю, пред плоть, – заслонившее Небо и в виде последних слов европейской жизни – социализма и анархизма – прямо заявившее об устройении Царства Небесного на земле, и только на земле. Такова тройственная похоть духа европейской жизни, таково тройственное идолопоклонство европейского культурного человека. Объединяются и обобщаются эти направления жизни в одном начале – в человекобожии.

Человек объявлен богом; человеку надо поклоняться; человек есть мера вещей, первый и последний непогрешимый судья мира. К этому сводится и знаменитое в истории возрождение наук и искусств, в сущности, начавшее собою историю нового европейского просвещения, и реформация Лютера, и «великая французская революция», и либерализм, и борьба за права, и обожание «труда», и увлечение внешнею культу-

рою после целого ряда открытий и изобретений, и развитие философской мысли у Канта, Гегеля и их искажителей-последователей, особенно у Фейербаха и Ницше, и новые, уже отмеченные нами искания в области устройства общественной жизни (социологической) – социализм и анархизм, причем первым и последним основанием жизни, ее фундаментом и крышей здесь объявляются только экономические и материальные интересы.

И вот теперь – по дереву видим и плоды. Народ немецкий по преимуществу воплотил в своей жизни все указанные черты человекобожия; он нашел для них основу в своих природных свойствах жестокости, отмеченной и в его языческой мифологии, и в наблюдениях историков еще до Рождества Христова; он дал им теперь, в христианскую эпоху, даже религиозное освящение и оправдание в виде лютеранства. На полях кровопролитной брани, им начатой, немецкий народ явил и являет пред миром и историей все следствия, неизбежно вытекающие из этого богоборного направления. Вот откуда и вот почему пред нами эта планомерная, сознательная жестокость; вот почему ее оправдывают в Германии и ученые, и мыслители, и поэты, и писатели, и публицисты, и проповедники-моралисты. Вильгельм-император есть плоть от плоти своего народа, есть вполне естественное исчадие протестантства и европейской обоготворившей себя культуры; он – яркий выразитель именно человекобожия, а вовсе не случайный выродок из народа, не безумец. Объявляя, что «сила – выше права», что всякая любовь и жалость есть преступление, давая приказы об уничтожении целых городов, селений, о расстреле детей и стариков, о потоплении кораблей, ничего общего с военными действиями не имеющих, о грабеже

мирных жителей и т. п., – Вильгельм следовал и следует не своему только личному характеру, не своим только личным склонностям, а общему течению и направлению европейской культуры, в своих окончательных выводах и крайностях проявившей себя именно в Германии. Не нужно забывать, что сто лет назад, как исчадие революции, действовал так же Наполеон. Не нужно забывать, что такое же помешательство, безумие гордыни, стремление к обладанию всем миром теперь охватило Германию и Вильгельма, как некогда Францию и Наполеона. Где после сокрушения этого сатанинского помешательства гордыни снова в будущем возродится «наполеонизм»? Конечно, там, где будут продолжать действовать те начала человекобожия, плоды которых мы теперь пожинаем. Конечно, там, где, невзирая даже на добрые природные расположения того или другого народа, эти начала путем долгого воспитания обратятся во «вторую природу» посредством привычки. Конечно, там, где молодым поколениям будут прививать отмеченную нами тройственную похоть, тройственное идолопоклонство, – кумиры преклонения пред человеческим разумом и его непогрешимостью, пред человеческою личностью и ее свободой от всяких нравственных обязательств, иначе говоря, пред правами человека, затемняющими всякие обязанности, и, наконец, пред безусловною силою, значимостью и самодовлением земли, материи, плоти и материальных благ.

И менее всего можно ожидать проявления такой сатанинской гордыни со всеми ее гибельными последствиями там, где будут господствовать начала богочеловеческие, о которых во все эти дни святой и светлой Пятидесятницы нам возвещала Святая Божия Церковь.

Так ли обстоит дело у нас, среди русского образованного общества, в вопросах направления общественной мысли и жизни, в вопросах воспитания молодых поколений? Что у нас хвалят и что осуждают? Пред чем преклоняются и от чего отворачиваются? Спросим еще определеннее и яснее: что у нас предпочитают, начала ли человекобожия и основанной на нем европейской, то есть немецкой, культуры, или начала богочеловечества, то есть состояния скинии Бога с человеком, соединения с Божеством, устремления к Небу, изыскания и исполнения воли Божией, искания вечной жизни в лоне Божией любви как цели, и устройства земной жизни только как временного средства и пути к жизни вечной и небесной?

Увы, если бы всего год тому назад мы заговорили об отрицательных сторонах европейской культуры, то против нас ополчились бы вся так называемая передовая печать и передовое общество. Да и теперь молчание печати – лишь кратковременная уступка фактам и событиям, столь поражающим и красноречивым, что против них нельзя возражать. Но чрез какой-либо месяц после окончания войны начнется то же, что мы слышим на Руси уже второе столетие: преклонение пред европейскою культурою, искание прав и забвение об обязанностях, проповедь неограниченности личности, проповедь об условном значении нравственности, преклонение пред реформацией Лютера, пред протестантством и пред всяким вообще видом протеста, оставление благ материальных и требование их в равной мере для всех... и так далее без конца. Идеалы «сынов человеческих», а не «Сына Человеческого» и вместе Бога, завещанные в Евангелии, идеалы человекобожия, а не богочеловечества – вот что мы, русские образованные люди, имели всегда пред собою, – правильнее сказать, эти идолы, а не идеалы, достойные чело-

века, вот на чем воспитывали мы общественные настроения, вот чем мы пропитывали государственное строительство, вот что внушали подрастающим поколениям, – и если мы не глухи и не слепы, и если мы не дошли еще до хулы на Духа Святого, то есть до упорного противления истине, если на нас не исполняется слово пророка: «Били меня, и я не почувствовал боли», то есть если мы не сделались совершенно бесчувственными и еще сохранили способность внимать урокам свыше, то мы должны теперь всем народом одуматься, покаяться, отказаться от прежних увлечений идолами западной языческой культуры, уразуметь, оценить свою родную, русскую, христианскую, православно-церковную культуру, в ней искать теперь и поддержки в тяжкие переживаемые дни войны, и утешения в переживаемых скорбях и лишениях, и спасения в будущем, и единственно верного и надежного направителя жизни. Эта культура дает и давала Русской земле не великих и богатых, не физически мощных людей, а людей *святых*, не сынов человеческих, а сынов Божиих. Эта культура говорит нам о *богочеловеческом обществе*, как образе жизни, указанном Воскресшим и Вознесшимся Христом Спасителем и утверждаемой Духом Святым, ниспослание Которого миру мы ныне торжествуем.

Здесь, во святой Лавре, пред нами преподобный отец наш Сергей, этот благодатный воспитатель русского народа. Пред его ракою, пред его духовным образом, в заключение дней Пятидесятницы, особенно знаменательны все эти указания и напоминания. Если Богу угодно будет, то завтра за литургией продолжим эту речь о том же предмете в назидание наше в нынешнее время, столь тяжелое и вместе столь богатое самыми глубокими уроками и назиданиями. Аминь.

II. БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Глубокое смирение – вместо духа гордыни; вера – вместо идолопоклонства пред человеческим разумом; ограничение воли человека, грехом искаженной и направляемой, вечною и неизменною волею Божиею, вечным и неизменным нравственным законом – вместо обожествления и неограниченной свободы личности; устремление к небу и вечной жизни – вместо привязанности и обоготворения земли и земных благ: вот в чем основы и неиссякаемые родники культуры христианской, православно-церковной. В ней воспитан и свидетельствован в течение девяти веков русский народ, и она есть та воистину драгоценная, бесценная жемчужина Царствия Божия, некогда обретенная и переданная своему народу святым и равноапостольным князем Владимиром Великим, которого скоро, в день девятисотлетия со дня его блаженной кончины, будет празднественно прославлять и ублажать вся Православная Русь. Влиянием этих начал жизни и объясняется то, что в нынешней мировой войне русское воинство удивляет весь мир и высоко религиозным христианским воодушевлением, и христианским достойным поведением, а русский народ – своим беззлобием, терпением и смирением. И если, как мы уже сказали, жестокость и как бы кровавое сладострастие немцев есть явление не случайное, а вытекает из основ их культурной жизни и из всего духовного уклада этого народа: то и высокое настроение русского воинства, мягкость, человеколюбие, жалостливое отношение к раненым и пленным врагам, наше беззлобное всенародное настроение по отношению к врагам, – все это тоже не случайное явление, а прямое след-

ствии тысячелетнего воспитания под руководством Святой Церкви.

Где же ярче всего и осязательнее всего сказалось и воплотилось самое существо нашей православной церковной культуры? Ответ на этот вопрос особенно близок, понятен нам и прямо готов именно здесь, в древнейшей обители, у раки мощей преподобного Сергия, в Лавре, давшей до пятидесяти отпрысков в виде монастырей, ею основанных по всей России, пред лицом великого сонма святых учеников преподобного Сергия, воспитанных им при жизни, воспитанных и, чаем, донныне воспитываемых незримо им же, его благодатным словом и немеркнувшим примером его жизни. Да, в монастырях сказалась и проявилась русская православно-церковная культура. Мы уже заметили, что в то время, как Запад давал людей великих и сильных, Русь давала *святых*, – и в этом отличительная черта нашей культуры. Но более трехсот святых на Руси – все монахи, а другие святые, заметьте, – все князья и воители. Почему так? Да потому, что и на воинское звание православная Церковь, верная учению слова Божия, смотрит не западно-европейскими глазами: воин православный, русский – это не изящный и красивый рыцарь, это не человек красивой и картинной позы, это не «неистовый воитель», это не безжалостный победитель, несущий огонь, меч и смерть, нет, – это *подвижник*, идущий не убить, а умереть, *вынужденный* идти на ратное дело... «Ты же *злопостражди*, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2, 3), так заповедует апостол Павел возлюбленному ученику своему Тимофею, и в этом кратком наставлении дает самое глубокое объяснение воинского звания, именно как подвига. Не из этой ли святой обители преподоб-

ный Сергей послал бывших воинов Пересвета и Ослябю снова на воинский подвиг в дни Мамаева нашествия? Не в этом ли удивительном событии столь простое и жизненное объяснение *всего* уклада веры и жизни, – а это и есть культура русского народа! Иже добродетелей *подвижник*, яко истинный *воин* Христа Бога нашего: таков был и сам преподобный Сергей.

«Православная христианская вера есть вера аскетическая, подвижническая», – такое определение дал недавно один из выдающихся современных русских архипастырей-богословов. Можно говорить о неполноте такого определения, но нельзя спорить против его меткости и жизненной правдивости. В противоположность Православию, немецкое протестантство есть вера совершенно не аскетическая, с ненавистью относящаяся ко всякому подвигу, будто бы ограничивающему и разум, и волю, и вообще личность человека, обожествленную и сделавшуюся в Европе идолом. Вот почему монахи и монастыри воспитали и воспитывают русский народ, вот почему и наше воинство теперь, по воззрению народному, пребывает на подвиге, и мы смотрим на войну, как на подвиг, и на воинов, – как на подвижников. Впрочем, всякая религиозность, если она искренняя, непременно аскетична. Тем более – христианская религиозность. Если есть Бог как личность, – а без признания этой истины нет и религии, – то Он имеет и изъявляет Свою волю в мире, и человек должен этой воле Божией подчинять свою волю, удобопреклонную ко греху: вот начало аскетизма. Если есть мир как создание Божие, и этот мир после греха человека совоздыхает с нами, желает и ищет свободы от греха (Рим. 8, 22), ибо весь во зле лежит (1 Ин. 5, 10), то человек-христианин не может быть ра-

бом мира, должен торжествовать над его соблазнами, должен отходить от его греховных радостей, должен помнить, что все богатства и сокровища мира не стоят только одной души одного человека (Мк. 8, 36): вот еще основание аскетизма. Если есть грех в человеке, – а этот грех есть, и он породил мучительную двойственность в душе нашей; если навеки верно слово апостола: «Доброе, которого хочу, которое люблю, не творю, а злое, чего не хочу, что ненавижу, то делаю» (Рим. 7, 19), – то человек-христианин живет по закону духа жизни во Христе Иисусе, по закону благодати, его укрепляющей (Рим. 8), борется с живущим в себе и в окружающем мире злом: вот также основание аскетизма. В сих основах веры и жизни свидетельствованы древние русские православные люди. Эти основы аскетизма, в широком и общем смысле понимаемого, обязательны для всех православных чад Церкви, а не для одних иноков, которые дают только высшие и совершеннейшие *виды* общего для христиан аскетического служения. И не только они обязательны, но и для всех доступны. Воины на брани – это подвижники. Сестры милосердия, удивляющие теперь весь мир своими трудами, терпением, любовью, – это подвижницы. Царь на престоле, страдающий теперь за народ, непрерывно объезжающий и армию, и лазареты, разве не подвижник? Мы все, принимающие участие в великой отечественной войне и молитвою, и словом утешения и назидания, и материальными жертвами, и содержанием больных и раненых воинов, и потерю наших близких, непосредственных участников войны, и терпеливым перенесением всех и всяких неудобств и лишений, связанных с войною, – и мы в подвиге. Но и в обычное время, при обычном течении жизни

аскетизм, как общее начало веры и нравственности в Православии, должен быть господствующим и руководительным началом нашего поведения. И все это есть основное начало того богочеловечества, того богочеловеческого общества, которое и составляет сущность христианства: все в Боге, все для Бога, все в связи и общении с Богом, все по Его воле, все в предчувствии и ожидании того вечного Царства, где будет новый Иерусалим и Сион, новая и вечная скиния Бога с человеками, и они будут *Его* людьми, а Он будет *их* Богом, где отрет Господь всякую слезу от очей их, и смерти, и плача, и скорби, и воздыхания уже не будет, где раздастся глас: се творю все новое... (Апок. 21), яко из Того и Тем и к Тому всяческая (Рим. 11, 36).

Таков голос святых обителей, таков голос, который мы слышим и в этой Лавре от преподобного отца нашего Сергия. Таковы идеалы, а не идолы, в которых воспитался православный русский народ, – воспитался так, что лучшие русские писатели зовут наше образованное общество учиться у нашего народа его прекрасным свойствам и качествам, а европейцы, как это мы читали недавно в обращении английских писателей, признаются, что «русский народ есть самый сердечный народ в мире, благороднейший народ», что он в то время, когда «материалистическая европейская цивилизация обнаруживает лживость своей сердцевины (какое знаменательное признание!), отличается неизменным тяготением к ценностям духовным, в обход материальных, и неизменно присущим русскому народу, глубоко человеческим духом, что запечатлелось в произведениях его искусства, литературы и науки». «Всюду подвиг, нет рабской погони за роскошью, *только в церквах благолепие*», – так ха-

рактирует русский народ и его жизнь английский писатель, долго живший в России, и заключает, обращаясь к русским людям: «Величие вам готовит история».

Да, Бог в истории готовит нам величие, но в том только случае, если мы не заменим начал богочеловечества идолами человекобожия, если образованное наше общество не только не будет презирать народа русского с его церковно-православными идеалами аскетической жизни, но, напротив, само ими проникнется, если оно не поклонится началам протестантизма, которое и в науке, и в школе, и в общественной жизни, и особенно в постоянно покровительствуемом в нашей передовой печати немецком сектантстве, баптизме и адвентизме сознательно и бессознательно насаждается нашими передовыми мыслителями и руководителями жизни.

В народе нашем, даже в отбросах его, жив и не умирает этот идеал. В XVII веке беглецы, казаки с Дона, были заперты турками и осаждены в Азове; им пришлось бороться против неприятеля, отлично вооруженного и в 20 раз превосходившего их численностью. Эти отбросы русской жизни, присужденные к казням и бежавшие, сами знали, кто они и как на них смотрят: «Очередь свою, – пишут они, – мы ведаем; нас на Руси не почитают и за пса смердящего»... Но в годину тяжелого испытания и пред лицом смерти вдруг они воспрянули к исполнению заветов всего церковного аскетического русского воспитания: наложили пост и молитву, видели чудеса от святынь... Пошли на бой, разбили 240 тысяч врагов, «бусурманов на вылазке побили и в море утопили». Осталось их из 14 тысяч только «полчетверта тысячи»... «Остальцам» готовилась великая на Руси слава, награда, а они что же сделали? «Взяли икону Иоанна Предотечи

и Николы Чудотворца и пошли на тихий Дон, и там сотворили обитель Иоанна Предотечи, атамана поставили игуменом и в монастыре учили жить и Богу молиться»...¹.

Не в монастыри мы зовем вас этими речами, возлюбленные. Монашество – это только высший и совершеннейший вид обязательного для всех аскетизма. «Не погубят ризы белые»; «не место спасает и не ризы черные», – так говорит наша древняя отеческая и назидательная литература. Но «и в миру сый, подвигнися угодити Богу; мощно бо и в миру сущу творити заповеди Божии, а не творим, то о том нам будет лют ответ». И богатство, и могущество, и вся внешняя культура, со всем ее комфортом и удобствами жизни «несть зло, аще добре строим»; но добре строить можно только при аскетическом начале Православия, при памятовании о том, что мы живем в богочеловеческом обществе, в котором все эти блага – условные блага, и они – не цель, а только средство и путь к благам вечным, уготованным от Бога для любящих Его.

Иначе – лют ответ будет нам и не только пред Богом, но и пред историей. Иначе – мы пойдем путем теперешнего немецкого безумия, – безумия гордыни, властолюбия, корыстолюбия, бессердечия, жестокости и конечной гибели. Иначе – не величие, а неизбежное уничтожение и смерть духовную приготовит нам история.

Уразумеем, оценим, полюбим нашу православно-русскую церковную культуру, проглянем, войдем с любовью в ее вечную красоту, и как заветы и следствия войны, после пережитых разо-

---

¹ Факты взяты из статей В. З. Завитневича «Что следует понимать под так называемым “разрывом” русского интеллигентного общества с народом» (Труды Киевской Духовной Академии, 1907. Т. 2. № 7. С. 351–394) и «Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации» (Киев, 1915).

чарований в началах европейских идолов, перейдем к исконно-русским идеалам домостроительства по Христу, а оно возможно только в святом богочеловеческом обществе, в богочеловеческом житии, в богочеловеческом союзе, то есть в Церкви, в устремлении к вечности и к Богу.

Тогда «величие готовит нам история», и спасение вечное уготовляет нам Христос Господь в Церкви Своей, исполненной ныне дарами Святого Духа. Аминь.

ВОИНУ РУССКОМУ ДОБРОЕ СЛОВО-НАПУТСТВИЕ¹

Христолюбивый воин! Господь попустил быть великой войне русского народа с врагами православной веры и славян. Царь послал тебя идти на защиту родной земли Русской и на освобождение православных племен, угнетаемых немцами. Тебя давно зовут туда, за австрийскую границу, во-первых, православные сербы, плененные Австрией в числе двух миллионов человек, а во-вторых, пребывающие под гнетом того государства твои же русские братья, составлявшие прежде одно с нами государство и одну Православную Церковь. Это – малороссы, называемые галичанами и угроруссами. Они были просвещены святым князем равноапостольным Владимиром, который сам был в земле Галицкой и сам проповедовал там святое Евангелие. Они оторваны от России и от Православия и вовлечены в еретическую униатскую веру, а те из них, которые принимают снова нашу святую веру православную, подвергаются гонениям и тюремному заключению. Им не дозволяют строить в Галичине православных церквей, не дозволяют иметь и православных священников. И вот они уже более шестидесяти лет ждут, со слезами ждут, – когда же придут их русские братья и освободят их от иноземного и иноверного ига? Они видели у себя наших русских в 1848 году во время венгерского похода, и с тех пор их скорбная душа прилепилась к России, и они молят нас прийти и взять их под материнскую сень Православной Церкви и под отеческую власть Русского Государя. Видели эту любовь к нам наших

---

¹ Печатаем это поучение на случай перепечатки особым листком для раздачи воинам.

братий их угнетатели и сами дерзновенно вызвали нас на бой. Отныне пред нами две задачи: защищать Россию от нападения врагов и вызволить из-под их власти наших единоверцев и единоплеменников. Русский воин! Смотри, на какое святое, на какое великое дело призвал тебя твой Царь! Он зовет тебя исполнить и отстоять великое дело святого князя Владимира. Будь же достоин этого великого призвания, ибо сказано пророками: «Проклят всяк, творяй дело Божие с пренебрежением» [Иер. 48, 10].

Кроме Австрии, ведет с нами войну Германия. Как воры и разбойники, немцы давно уже с жадностью простирают руки к Русской земле, желая взять ее в собственность и обратить русских в своих рабов и данников. Идите, наши родные воины, идите на дело защиты Родины!

Как же быть достойным святого дела?

Первое – иди на него с молитвой и с радостью, без уныния и без ропота. Ты русский, ты потомок праведных предков. Русские никогда не боялись смерти и не дорожили этою земною жизнью ради дела Божия; да если и так Бог посылал смерть, то покорно подчинялись Его святой воле, лишь бы не умереть без покаяния, не умереть во грехе.

Не смущайся и временными неудачами на войне. Взяли мы Галичину, оставили ее, снова возьмем: все в руках Господних, все в Его воле, мы же должны бесстрашно и безропотно исполнить долг свой до смерти.

Итак, если желаешь оградить себя от страха, от постыдной трусости и от уныния, то заранее обреки себя на смерть ради святой веры и Родины. Тогда ничего не будешь бояться, а сам будешь страшен для врагов и для самой смерти. Так и сказано о верующих христианах в службе святому Каллистрату мученику:

«Прежде Твоя крестная смерти, Господи, страшна бысть человеком смерть: ныне же человек бысть страшен для смерти». Не бойся смерти – это первое.

Не опасайся за участь твоей семьи – это второе. Бог и Царь не оставят солдатских сирот. Читай, что написал царь Давид в 36 псалме: «Я был молод и состарился, и не видел праведника оставленным и детей его просящими хлеба».

Третье тебе увещание: не слушай христоненавистных искусителей-бунтовщиков и не читай их прокламаций и газет; не верь их притворной волчьей жалости к солдату, чрез которую они стараются возбудить в душе твоей ропот на начальство, непослушание и нетерпение во дни лишений и скорбей. Эти люди ненавидят Россию и в душе презирают простой народ, желают ему гибели чрез всякие забастовки и бунты, а сами остаются невредимыми, прячась за спины простаков.

Помни и сие четвертое наставление: храни себя в целомудрии и трезвости; вражеская пуля и бомба боятся неоскверненного блудом христианского тела и летят мимо него, как огонь в Вавилонской печи не осмелился коснуться трех целомудренных отроков иудейских.

Далее: не обижайся на резкое слово начальника, не завидуй успеху товарища, но радуйся за тех, кого прославит Бог, а себе славы не желай, а желай подвига для славы Отечества. Во время битвы мысленно призывай Бога; пред битвою мирись со всеми, после битвы благодари Господа.

Друг! Господь с неба видит твою душу и ничему не попустит быть для нее бесполезному, лишь бы ты сам не губил ее грехами и непослушанием. Итак, с покорностью Богу иди на святое дело и, если Он благоволит, возвращайся невредимым и победителем.

ЧУДЕСА ВЕРЫ ПРАВОСЛАВНОЙ

Празднуем сегодня память святого равноапостольного русского князя Владимира; вспоминаем вместе с тем и то дело, которое совершил он и за которое прославлен у Бога и у людей, то есть крещение России в православно-христианскую веру.

Святой Владимир был сначала язычником, как и все наши предки. Его жизнь в язычестве не отличалась ничем хорошим: жил он в свое удовольствие, любил только себя, имел много жен, воевал, пировал, мало заботился о своем царстве. Он был таким, какими были все язычники; иным он быть не мог, так как не знал Бога истинного, не ведал закона евангельского, мало понимал, что хорошо, что худо, и некому было научить его. Такая жизнь мало отличается от звериной, потому что есть, пить, спать и иметь заботу о сохранении своей жизни и о собственных удовольствиях свойственно и скотам неразумным. Человек со светлым умом и с доброю душою не мог оставаться спокойно в язычестве. Душа человека так создана, что ищет веры в Бога истинного; сердце человека стремится к добру, желает святости, а языческая вера не могла дать такого успокоения. Так прожил Владимир пору юности и мужества, пережил все, чем хочет наполнить человек жизнь, чтобы быть счастливым: ел, пил, веселился, а счастья не нашел, потому что не в этом разумное счастье, а в Боге. И стало приходить Владимиру на ум, что смерть скоро придет, близок час разлуки с землей, а что ждет его дальше? Не может душа человека успокоиться на том, что все кончится с земною жизнью, и верится помимо воли, что будет после смерти тела жизнь вечная духа. Что обещала эта

жизнь язычнику-Владимиру? Заслужил ли он счастье в будущей жизни, когда он не знал даже, чем заслужить его? В таком-то расположении мысли Милосердный Бог призвал его к чудному свету Христовой веры. К Владимиру явился из православной Греции священник-монах и ответил на тайные его думы: показал, что ждет его в будущей жизни. Он развернул пред ним картину Страшного Суда, где изображены были направо ликующие праведники, а налево – плачущие грешники. «Хорошо тем, кто по правую сторону», – сказал простодушно Владимир. «Веруй во Христа, – ответил священник, – и ты будешь с ними». И стал говорить ему священник о Боге Едином и Истинном, о Христе Спасителе, о законе Евангельском, стал говорить ему, что все люди равны по духу пред Богом, всех Бог любит, всем хочет спасения, всех зовет в Свое пренебесное Царствие, но войдут в него не все, а только те, кто здесь, на земле, исполнял закон Божий, был полезен своим ближним, кто свой долг выполнял, и если он князь или простолюдин, богатый или бедный и даже последний раб во дворе князя, – все равно, князь, крестьянин, отец, мать, сын, дочь и прочие, лишь бы каждый исполнил свою должность по совести, и они не остаются у Бога без награды.

Смутилась и затрепетала душа язычника-князя Владимира. Что сделал он, чтобы получить награду от Бога? Он был князем, много добра мог бы сделать народу, много пользы принести, много слез людских отереть. А он только ел, пил со своими женами, пировал с дружиною, жил в свое удовольствие. С тех пор не знал покоя князь Владимир и задумал сам переменить веру и народ свой вывести из тьмы язычества на путь вечного душевного спасения. Долго рассказывать о том, как Владимир посылал послов узнавать разные веры, как он сам принимал

послов от различных народов, которые хотели иметь могущественного князя своим единоверцем. Довольно сказать, что князю Владимиру более всего понравилась вера христианская, православная, – та, которую исповедовала в то время Греция, и которую теперь содержим мы с вами. Крестился князь Владимир, крестилась его семья, крестилось его войско – дружина, крестился русский народ.

Это случилось более 900 лет тому назад. Как не бывало прежнего князя-язычника Владимира! Не слышно стало о пирах, не видно разгула, нет дикого распутства, не забыты нужды народа. С утра до вечера ласковый князь Владимир судит свой народ, защищает правых, помогает вдовам, избавляет от притеснения сирот. Ходит он по тюрьмам, милует преступников кающихся; каждый день целыми возами рассылает с княжеского двора милостыню. Всегда он в совете с духовными пастырями, строит церкви, заводит училища, путешествует по всему лицу земли Русской. Так и остался он в народной памяти под именем Владимира, ласкового князя – Красное Солнышко. Вот какую перемену произвела в князе Владимире святая вера Христова. Он сам сказал о себе: «Был я, как зверь, жил я совершенно поскотски, а теперь познал я Бога истинного».

Что случилось с одним человеком, то случилось и с народом. Русский народ, когда был в язычестве, отличался дикостью, злобою, распутством, обжорством и пьянством. А теперь это – народ, который удивляет всех своею набожностью.

Иностранцы, посещающие Россию, изумляются тому, сколько у нас храмов Божиих, как благочестив и набожен наш народ, как он покорно переносит несчастья, как он предан Святой Церкви и благочестивым Царям своим. *Русский народ на-*

зывается народом-богоносцем. И правду сказать, если бы не православная вера, если бы не набожность русского народа, давно бы погиб он от множества врагов. В пору нестроений и неурядиц, в пору нашествия татар, поляков, ливонцев, шведов, французов, – всегда русский народ, сознавая себя единым, никогда не раздроблялся, и этим единением служила православная вера. Она же воспитала в нем все добрые качества души. Она же воспитала много великих мужей, которые в годину народного горя не щадили живота своего и во имя Христа, во имя Православия жертвовали собою для спасения Родины.

Братие! Христиане православные! Хранить нам должно свою веру, как неоцененное сокровище, беречь нам нужно свое Православие, как верный и единый залог спасения! Сознавая величие русского народа, данное нам святою верою, не будем закрывать глаза и на свои недостатки. 900 лет прошло с тех пор, как Русь наша сделалась Святою Русью, а народ русский стал крещеным, христианским, но у нас еще осталось кое-что от язычества. Что это? – спросите вы. От язычества осталось многое в нравственной жизни – пьянство, обжорство, распутство, отвратительное сквернословие, или, как говорят у нас, скверно-матерное слово, которым так часто оскверняет свой язык русский человек, и много других пороков. Нужно употреблять нам все меры, чтоб избавиться от этих последних остатков язычества.

А затем, так как верой Христовой мы спасаемся, и так как царство наше до сих пор стоит только Православием, то нужно содержать святою веру в том виде, в каком мы приняли ее от времен святого князя Владимира. Небесный Домовладыка засеял плодovitую ниву нашей родимой земли пшеницею чистого Православия, но диавол, всегдашний враг всего доброго,

посеял плевелы на ниве и взошли от этого посева раскольники, хлысты, баптисты, адвентисты, «братцы» и другие сектанты, о которых со скорбью теперь часто приходится слышать. Не было их при святом Владимире, и не должно быть теперь. Святая православная вера идет от Христа Спасителя и Его апостолов, а сектанты появились на наших глазах. Поэтому не могут быть они истинными христианами, так как учение их сообщил не Бог, а человек. Господь Иисус Христос, отправляясь на крестную смерть, молил Небесного Отца, чтобы все Его последователи-христиане были едино; способствуют ли сектанты этому единению верующих, – сами судите; не только не способствуют, а, напротив, разъединяют христиан, отвлекая их от Православной Церкви. Значит, они – враги Божии. Мы же, ученики Христовы, от лет святого князя Владимира принявшие Православие, будем крепко любить и хранить свою святую веру, будем послушны Святой Церкви. Не смущайтесь тем, что есть в России враги Церкви – сектанты. Сам Господь Иисус Христос имел ведь врагов и Сам Он предсказал, что будут ереси и лжепророки. Но Господь Иисус Христос – един, едина истина, едина Церковь: кто в Церкви, тот спасен будет, а кто вне Церкви, – осужден будет.

Придет время, здесь ли, на земле, или там, на Небе, – не все ли равно, – когда верующие в Господа Иисуса Христа все будут в союзе и единении. Ибо Сам Он сказал: «И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести и глас Мой услышат: и будет едино стадо и един Пастырь» [Ин. 10, 16].

Молитвами святого князя Владимира да пребудем и мы в этом святом избранном стаде, под пастырством Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

ХРИСТИАНСТВО ЖИЗНЕННОЕ

За много до нашего времени, 900 лет тому назад, в Русской земле царствовал князь Владимир, ныне воспоминаемый Церковью как святой просветитель русских людей, названный равноапостольным. Князь Владимир долго не веровал во единого истинного Бога, во Христа Спасителя, а признавал и почитал богов многих. Такая религия, признающая многих богов, называется язычеством. В то время, как вера Христова *сообщена людям Богом* Небесным, язычество, наоборот, *выдумано самими людьми*, а так как человек может ошибаться, человек стремится только к тому, что ему нравится, что ему выгодно, то и языческая религия была ошибочна и всецело служила только телу: язычники много веселились, при служении богам допускались у них и пьянство, и обжорство, язычество допускало распутство и многоженство, не только не запрещало, но советовало дикие кровавые расправы, мстительность и жестокость. Хорошим и достойным похвалы, по мнению язычников, был тот, кто никому не дастся в обиду, кто, напротив, всем другим покажет свою силу, кто умел весело, хорошо, всласть пожить, повеселиться. Вы видите, что заботы о душе, заботы о вечном спасении, заботы о чужом горе, о других людях у язычников не было. В язычестве хорошо жилось только знатным, сильным и богатым, а таких всегда немного. Наконец, в язычестве не было и мысли о том, – а что же будет после смерти? Будет ли то же веселье, не будет ли, напротив, горя и мучения, и чем заслужить нужно вечное спасенье, чем умилоstitивить Бога, избавиться мук вечных? Многие язычники задавались этими вопросами, но кто может их

решить, кто на них может ответить? Один Господь может разъяснить это и, действительно, разъясняет во святом Евангелии, в учении Христовом, но этого-то учения язычники и не знали.

Князь Владимир обладал светлым умом. Как язычник, жил и он разгульно, любил пьяные пиры и дикие забавы, имел множество жен, часто со своей дружиной нападал на соседей, убивал сотни и тысячи людей, уводил в плен отцов и матерей, избивал беззащитных младенцев. Но ничто это не удовлетворяло души князя, не находил он в этом разгуле счастья; а время шло, приближало его к смерти, и все чаще и чаще задумывался князь над своею жизнью, над своею бедною душой, над своим будущим после смерти. Не раз, конечно, с тоскою и печалью он спрашивал своих богов, призывал идольских жрецов, но боги не давали ответа потому, что были ложны и немы, а идольские жрецы удивлялись, что князь, богатый и сильный, может быть печальным, и советовали князю заглушить тоску опять в вине, в плясках, в пирах и боевых набегах. Тогда князь стал искать ответа в других религиях, но ни одна его не успокаивала, ни одна ему не понравилась. Раз явился к нему священник-монах православный и познакомил князя с истинной верой, а после беседы показал ему картину Страшного Суда, где по правую сторону изображены были ликующие праведники, радостно идущие к вечному блаженству, по левую сторону – плачущие грешники, идущие в муку вечную. Князь сказал с грустью: «Хорошо тем, кто по правую сторону»; священник ответил: «Веруй и крестись и ты будешь с ними». С тех пор князь стал готовиться к Крещению. Господь поразил его слепотою и исцелил после Крещения, чтобы сильнее уверить в истине Христовой. И действительно, Владимир отдался вере Христовой всецело. Слово Божие, ко-

торое он теперь узнал, ясно говорило ему, что князья должны быть отцами для своих подданных, и он, узнав счастье веры истинной, пожелал дать это счастье и своему царству. Так он крестил наших предков, крестил Русскую землю и, таким образом, сделал то, что делали некогда апостолы, за что и назван просветителем России, равноапостольным. Святая Церковь прославляет его многими песнями. Она сравнивает его с апостолом Павлом и всех призывает величать его равноапостольным. По словам церковной песни, Господь отнял у него в купели Крещения слепоту телесную, вместе и духовную.

Совершенно изменился князь Владимир после Крещения: из буйного и гневного стал кротким и тихим, из жестокого и кровожадного обратился в милостивого и смиренного. Кончились пиры, прекратилось пьянство и распутство, перестал он жить для себя и стал заботиться о других – о своих близких, о своих подданных, стал щедрым на милостыню нищим, на жертвы храмам, стал богомольным и трудолюбивым. Он сам говорил о себе: «Я был прежде как скот, жил я хуже всякого зверя, пока не узнал Бога истинного». Так повлияла вера Христова на Владимира.

Князь просветил верой Христовой и землю Русскую. Наше Отечество этою верою росло и крепло; ею и строилась наша земля, соединилась воедино из множества отдельных княжеств, побеждала врагов и сделалась теперь могущественным в мире государством. И теперь русский человек, когда говорит с любовью о своем Отечестве, называет его Святою Православною Русью, и теперь, когда мы хотим похвалить кого, то выше похвалы не находим как сказать: «Он истинный православный христианин».

Так погибло на Руси язычество и воцарилась вера Христова, вера православная.

Мы видели, каков был князь Владимир язычником и каким стал после принятия христианства. Теперь с тех пор прошло более 900 лет. Русь стала православно-христианской. Пало и уничтожилось язычество, и сияет христианство. Что же, нет ли в нас до сих пор чего-либо языческого, совершенные ли мы христиане?

К сожалению, если рассмотреть наши дела, наши мысли, наши желания и чувства, то едва ли мы по чистой совести можем назвать себя вполне последователями Христовыми.

Язычник живет для тела, христианин должен жить для духа; язычник живет для земли и временной жизни, христианин живет для Неба и вечной жизни. Нам сказано: дух есть, иже животворит, плоть же не пользует ничтоже [Ин. 6, 63]; нам заповедано: вышних ищите, горняя мудрствуйте, а не земная [Кол. 3, 3]; нам каждую обедню твердят: всякое ныне житейское отложим попечение, горе имеем сердца, то есть к Богу; нам апостол говорит: во всем, братие моя, только то, что истинно, что честно, что пречисто, что достойно похвалы и что может быть названо добродетелью, – о сем помышляйте [Флп. 4, 8].

А мы? Мало ли у нас сквернословия, мало ли обжорства, пьянства, распутства, мало ли гордости, скупости, жадности, мало ли обмана для приобретения денег и других земных сокровищ? И неужели все это мы готовим для Неба? Неужели все это свойственно христианину? И выходит поэтому, что по имени мы христиане, а на деле у нас много еще языческого.

Дальше: язычник живет для себя, и только для себя. Христианин, напротив, помнит и о Боге и о своих ближних. Нам ска-

зано: возлюби ближнего, как самого себя [Мф. 22, 39], не своих только выгод ищите, но и о близких помышляйте [1 Кор. 10, 24]. О родных апостолом заповедано: кто о близких, особенно же о родных, не заботится, тот веры отвергся и хуже язычника [1 Тим. 5, 8], и даже о врагах нам повелено: любите врагов своих, благотворите ненавидящим вас [Мф. 5, 44], если голоден враг твой – накорми его, если жаждет – напои его [Рим. 12, 20]. А о старших, о начальниках, о пастырях духовных нам что заповедано? Заповедано повиноваться им, слушать их учение, заповедано не доверять собственному разуму, а веровать так, как учит Церковь Христова устами своих служителей. А о всех вообще сказано: воздадите всем должная... [Рим. 13, 7].

А мы? Мало ли у нас ссор, вражды, зависти, ненависти, мало ли осуждения, упорства, неповиновения? Куда же нам любить врагов, когда мы дома с близкими жить не умеем – муж с женой, дети с родителями, пасомые с пастырями. И опять мы приходим к печальному выводу, что мы по жизни язычники и только по имени христиане.

Братие возлюбленные! Что пользы от дерева, когда на нем нет ни плодов, ни даже листьев? Какое удобство от реки, когда в ней нет ни капли воды? Точно так же, что пользы от того, что мы крещены и называемся христианами, а дел и мыслей, чувств христианских не имеем? Один из святых отцов говорит: если в источнике нет воды, то не должно и называть его источником; так, если у христианина нет добрых дел, то напрасно и звать его христианином. Спаситель сказал, что всякое дерево, не приносящее плода, отсекают и бросают в огонь [ср.: Мф. 7, 19]. Побоимся этого грозного определения. Постараемся быть христианами не по имени только, но и самым делом.

Братие, – говорит апостол, – вы были некогда тьмою в язычестве, ныне же свет о Господе – в христианстве; ходите же, как дети света, а не тьмы, как служители добра, а не зла, как дети Бога, а не диавола. Ныне же отложите все прежнее языческое: гордость, гнев, злобу, блуд, чревоугодие, срамословие от уст ваших. Наши предки были язычниками и в язычестве имели много пороков, но они не знали закона Божия и в этом могли иметь оправдание; мы же знаем, что добро, что зло, и если не творим добро, то потому только, что не хотим. Но, поступая так, мы собираем себе гнев на день гнева, по слову апостола; ибо непреложно грозное прещение Спасителя: «Раб, не знавший воли господина и не сотворивший, будет бит мало, а раб, знавший волю господина и не сотворивший, будет бит много» [ср.: Лк. 12, 47–48]. Аминь.

ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

*Сия вера апостольская, сия вера отеческая,
сия вера православная, сия вера вселенную утверди.
(Из чина Православия)*

Среди народа русского сложилось и живет одно трогательное и умильное сказание: наши предки рассказывали, будто бы Сын Божий, умирая на кресте среди родного Ему, но отвергшего Его и богоубийственного народа, распят был так, что Его хребет обращен был к Иерусалиму, а потухающий взор – к далекому неизвестному северу. И вот, когда наш Искупитель в священном молчании висел на кресте, когда уже холод могилы проникал в Его тело и мрак смерти застилал налитые кровью Его очи: тогда в последний раз взглянул Он по направлению к нашей родной стране, и, распростертыми Божественными руками, призывая весь мир в любовь Свою, в этот предсмертный час умолял Отца дать Ему в обладание народы далекого севера.

Пришло время, и предки наши, русские славяне, услышали в душе призыв Господа Иисуса, и сущей тьме, и в мрак глубок засияла над ними вера христианская. Сияет она и теперь над ними.

Тысячу лет назад, окончив на семи вселенских соборах борьбу с лжеучениями, отстояв истину Христову и ценою крови – в гонениях, мучениях и ссылках, и ценою неимоверного духовного напряжения – в пастырской просветительной деятельности святых отцов и учителей, – Святая Церковь установила на все времена, в прославление векам минувшим и в назидание всем

будущим векам, воспоминание торжества Православия. Отстояв свою веру, во всеуслышание миру, в богослужебном чине этого дня, она заявляла и заявляет: *сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди*. Тысяча лет – время, достаточное для того, чтобы судить, как до конца исполнились эти высокие слова над судьбами мира, над судьбами народов, исповедующих наше святое Православие. Станем в положение беспристрастных зрителей судеб мировой истории в эту последнюю истекшую тысячу лет. Вот вскоре, после учреждения чина Православия (842 год), чрез какие-нибудь двадцать лет (862 год), юные и сильные, богато одаренные славянские племена святыми братьями-просветителями Кириллом и Мефодием призываются в лоно Православия. Но не на дальнем западе, не на берегах Дуная и Моравы суждено было укрепиться делу святых братьев: на берегах Днепра и вокруг озера Ильменя нашлось славянское племя, которому Господь судил, столетием позже, воспользоваться священным наследием святых просветителей и привиться, как дичку, к плодовитому древу Православия. Святой равноапостольный князь Владимир продолжил дело Кирилла и Мефодия и крестил Русь. И нужно быть слепым, нужно совсем закрыть глаза на правду, на уроки истории, чтобы не видеть, *какие неисчислимы блага принесло Православие нашему Отечеству*.

Мы радуемся, мы не можем не радоваться почти необъятному величию Русской земли. Это чувство так естественно, так законо... Но не нужно забывать, что в пределах царства Русского до просвещения его христианством обитали различные племена славянские, разделенные, даже враждебные между собою. О всех них кратко, но выразительно замечает древний рус-

ский летописец: *«Живяху, якоже всякий зверь»*... Православная вера дала им человеческий образ существования, уничтожила звериные нравы, слила воедино враждебные роды и племена и образовала из них один многочисленный, сильный и единоплеменный народ русский. Она указала этому молодому народу величайшую историческую мировую задачу – нести свет христианства и блага культуры диким племенам севера, и востока, и юга Европы, а потом и народам неизмеримой Сибири и Азии. Плодом этой высокой духовной работы было то, что многие мелкие племена, дикие и варварские, чуждые нам по крови, силою Православия сделались братьями нашими по вере, слились в единый народ и сроднились с нами крепкими, нерасторжимыми узами родства духовного. Теперешние чисто русские центральные губернии, как Московская, Ярославская, Владимирская, не говоря уже о других, были населены инородцами; Волга, Ока, Москва-река были местом населения финских и других нерусских племен. Но единая православная вера соединила и слила их с русским народом и образовала единое и могучее царство.

Изнемогал народ русский в тяжелую годину удельных усобиц, и близок казался конец его, но при множестве князей, при разнообразии и полной противоположности интересов отдельных княжеств, одна вера православная, с одним языком богослужебным, одна власть Церковная была Ангелом Хранителем единства русского народа, поддерживала в нем сознание родства по духу и плоти и вызвала у летописца нашего другое глубокое замечание о славянах: *«Все сии племена – род един христианский»*.

Распадался потом народ русский на части, стонал под властью поработителей: Русь западная, казалось, навсегда была в

насильственном соединении с царством неправославным, которое не без успеха стремилось к тому, чтобы подавить самую народность русскую. Но в течение стольких веков, после стольких переворотов, посреди врагов от востока и запада, севера и юга, Православие соблюло и сохранило нашу народность для великого будущего. Оно послужило живою и крепкою связью насильственно разъединенных частей Русского царства и неудержимо влекло их друг к другу; оно осватило и укрепило любовь к общему Отечеству в любви к вере и Церкви Православной. Православию мы обязаны и тем, что не знали внутреннего разделения, не знали этой губительной вражды власти духовной и светской, – а будь у нас эта внутренняя вражда, не устоять бы царству нашему среди ударов от врагов внешних, среди ужасных исторических испытаний. Мы не знали мучительного раздвоения совести, мы не стояли перед страшным вопросом, к кому пристать: к голосу ли пастырей, интердиктами и проклятиями громивших царя и Отечество и призывавших подданных отказаться от присяги и от повиновения государю, или к голосу царя, повелевавшего отступить от Церкви, от пастырей, от спасительных утешений веры. Слуги Отечества вдохновлялись у нас на свои подвиги в пользу Родины не вопреки вере, как нередко бывало на Западе, а благодаря ей: Православие единой России создало единодержавие; Православие призывало сынов своих на защиту Отечества; Православие воодушевляло героев Невских и Донских, воздвигало и укрепляло Авраамиев и Гермогенов, вдохновляло князей Пожарских и Смоленских, граждан Мининых и Сусаниных, – и тысячу героев, безмолвно положивших души и polegших костями за родимую землю. И поле Куликово, и поле Бородинское прежде и после кликов во-

инских слышало звуки церковных молитв, воодушевлявших воинов. А в переживаемые нами дни, что, как не Православие, с его молитвами о Царе и воинстве, может вдохнуть в народ наш такой высокий патриотизм? А нашим героям-воинам на поле брани что служит источником воодушевления, что утешает их в трудах и подвигах, что обещает им награду на небе за смерть и мучения, – что, как не вера православная? И разве за все за это – за единую, неделимую Россию, за свободную и великую Россию, – разве не достойно принести благодарный поклон святому Православию от сердца, любящего Родину в ее прошлом и настоящем?

Мы не можем, далее, обойти молчанием вопроса о том, что служит условием внутренней твердости царства Русского. Где основа ее? Православная вера изначально дала народу нашему слово Божие на родном его языке, а слово Божие научило нас повиноваться Царю и власти не по страху, а по совести; оно освятило законы государственные, вдохновило их евангельским духом христианской любви и милосердия, возвестило о святости и непреложности взаимных прав и обязанностей; вера православная научила любить сограждан, любить и самых врагов и далеко по всему миру сделала славным имя народа русского, как народа незлобивого и кроткого, мягкого, необыкновенно благородного и великодушного к покоренным или присоединенным народностям. Столько раз и так жестоко оскорбленный и даже доньше часто у себя же на Руси неблагодарно оскорбляемый иноверцами, иноплеменниками, русский народ не развил в себе той национальной исключительности, злобной мстительности и несправедливой алчности в пользу свою и в ущерб другим народностям, что видим мы доселе на Западе...

Вообще мы можем с удовольствием указать на многие истинно прекрасные свойства народа нашего: на его простоту, прямоту, правдолюбие и отсутствие гордыни, на его терпеливость без забитости, на его смирение без приниженности; мы любуемся многими трогательными его обычаями, мы видим в нем умение жертвовать собою во имя долга, прощать и забывать обиды; видим его милосердие к преступникам, мягкость к врагам, его щедрую благотворительность, радушное гостеприимство к знаемым и незнаемым, его сердечное сочувствие к горю отдельных лиц и целых народов. Здесь стоит вспомнить, что не один, а несколько народов обязаны православной России самими собою, то есть своею свободой государственною. Это беспримерный подвиг в истории. Полагаем, что выдающимся писателям русским нельзя отказать ни в уме, ни в наблюдательности, ни в нравственной чуткости, а ведь они зовут людей образованных учиться нравственным свойствам у народа. Естественно спросить: откуда же у народа все это? Где получили воспитание прекрасные свойства души народной, при нашей скудости материальной, при обширности нашей земли, при отсутствии школ и просветительных учреждений? Кто это так воспитал наш народ? Кто? Ответ ясен. От Ледовитого моря до Черного, от Балтики до океана Великого, от островов Соловецких до Ситхи и Сахалина, от Колы и Архангельска до Ташкента и Самарканда, при всей народной скудости, на громадном протяжении, без путей сообщения, посреди дремучих лесов и топких болот, при редком населении, несмотря на тяжкие исторические испытания, требовавшие напряжения всех сил народных, Церковь Православная насадила храмы Божии: в них-то и воспитался народ наш, в них он учился прекрасным нравственным свой-

ствам; книги церковные до самого последнего времени были его любимым, единственным чтением. Не одними героями брани и государственного строения силен и славен народ наш! Нет, он просиял великими праведниками, – это никто отрицать не смеет; он приумножил данные ему таланты веры, он пронес слово благовестия евангельского, а с ним и блага порядка христиански государственного до последних пределов земли, куда ни ступала нога образованного человека. Наши святые: Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский, Петр, Алексий, Иона и Филипп Московские, наши Сергей и Герман Валаамские, Зосима и Савватий Соловецкие, Стефан, просветитель Пермский, Трифон Печенгский, Феодорит Кольский, просветители лопарей и самоедов, Трифон Вятский, преподобный Герасим Вологодский, Вассиан Олонецкий, Кирилл Челмогорский и до последних времен святые Макарий, Иннокентий, Димитрий, Митрофан, Тихон, Феодосий, Серафим, Иоасаф, Питирим, наши многие еще не объявленные святыми старцы, подвижники, духовники народные – Софроний, Иоанн, Павел Тобольский, Филарет Киевский, Парфений, Иларион, Макарий, Амвросий, Феофан, Иоанн Кронштадтский и другие, из которых многие только недавно почили, а многие и живы, – все это – плод Православия, все это – герои нравственные, и их у нас целое небо духовное, целый сонм живых носителей христианского идеала, которые и доселе служат примерами для подражания. Имеющие очи видеть и уши, чтобы слышать, находили их и доньше находят то под покровом смирения и безвестности в пустынях, в обителях, а иногда и под покровом высокого священноначальствования, взятого, как бремя, во имя послушания... Все эти неоцененные духовные сокровища принесло нам Православие.

Мы любим язык наш сильный, благозвучный и прекрасный, богатый и разнообразный. В нем отразилось духовное богатство наше, сказалась духовная красота нашего племени. Народ, имеющий такой язык – великий народ, – говорит один из выдающихся наших писателей. Теперь на этом языке написаны такие произведения, которые, вышедши за пределы Руси, приобрели почетную известность среди всех образованных народов мира.

Нужно ли указывать, кто впервые образовал и упорядочил самый язык наш и сделал его из бедного и грубого языком богатым и книжным? Кто приспособил его к выражению высших мыслей и понятий, кто без конца обогатил его и как бы освятил его переводом Слова Божия, бесчисленных церковных песнопений, гимнов и молитв? Это сделало святое наше Православие. Эту заслугу его дано понять и оценить не всякому. Но не будь этой заслуги и благоденствия Православия, народ наш никогда бы не поднялся до величия...

Мы, без сомнения, сочувствуем распространению образованности в нашем Отечестве. Мы, без сомнения, чужды дикой фанатической ненависти ко всему иноземному. Но мы хотели бы взять оттуда одно доброе; мы хотели бы при заимствованиях со стороны не переделаться в чужеземцев, не потерять основ своего религиозного и народного быта, не потерять своей духовной личности, а остаться тем, чем нас Бог создал, потому что быть русским – и славно и почетно. Но кто же, кто принес к нам впервые и сокровища образованности? Известно, что Западная Европа от Востока получила сама эти сокровища, и под влиянием Византии началось в ней возрождение наук и искусств. Но задолго до этого времени, из той же Византии принесенное к нам Православие дало нам вместе с тем блага образованности

и литературы, сколько мы принять их могли по тогдашнему своему развитию. Потом Православная Церковь русская в своих монастырях образовала первых учителей, пастырей и проповедников, которых хватило для проповеди Евангелия до самой Камчатки и даже далекой Америки: она же дала нам первых писателей, летописцев, переводчиков; она же соблюла в целостности большую часть древних памятников письменности в години наших государственных испытаний; она сохранила у нас духовный свет среди мрака в бедственные дни татарщины и смутного времени. И за все это: за свет, за жизнь, за святое святых нашей жизни разве не достойно принести благодарный поклон до земли родному Православию, святому Православию, от сердца любящего Родину в ее прошлом и настоящем?

Когда же история поставила нас в необходимость принять и новое возникшее на Западе просвещение, опять и оно долго и исключительно держалось в церковных училищах, и служители Церкви Православной из западной Руси призваны были преобразователем России Императором Петром к себе в непосредственные помощники. Не раз с тех пор наука, увлекаясь образцами Запада, становилась во враждебное отношение к вере и Церкви; не раз русские образованные люди, даже те, кому вверены были судьбы Отечества, оторвавшись от родной почвы, не сумевши узнать и полюбить родную Церковь, боялись ее будто бы властолюбивых замыслов, потому что смотрели на нее глазами Запада, привыкшего к борьбе начал религиозного и мирского. Все снесла родимая Церковь Православная, и среди незаслуженных оскорблений и унижений от родных своих детей, православных по имени и русских по недоразумению, осталась и целою, и близкою народу. Возражения и обвинения,

взятые напрокат с Запада, сыпались против нее, против Самого Бога и Христа Его, возникали, множились, – и забывались, и пред лицом Божией истины таяли, как иней под лучами солнца. Церковь Православная не следовала образцам Запада, не сжигала своих врагов по примеру католиков и протестантов. Но силою слова и нравственного воздействия на верующих Православие остерегало и теперь благодетельно оберегает и учит нас отличать и в новом западном просвещении истинное от ложного, полезное от вредного, пшеницу от плевел, от которых нередко страдают народы, славящиеся просвещением; оно всем нам дает достойный вечной памяти завет и урок: вся испытующе добрая держите – все испытывайте, доброго держитесь! (1 Сол. 5, 21).

Таковы, в кратком очерке, плоды Православия для нашей Родины. Мы могли бы остановиться долее на общечеловеческом всемирном значении Православия. Но и сказанного довольно, чтобы проникнуться глубочайшим уважением к нашему родному Православию, которому мы обязаны самими собою. На заре русской истории оно послужило живительным семенем, которым как бы духовно пророс и как бы силою внутреннего духовного сцепления крепко отлился народ наш в единый и могучий исторический организм. В преемстве поколений, среди всех превратностей времени, среди всех изменений нравов, языка, обычаев, умственного развития, Православие и доселе служит началом, связующим наше прошлое, настоящее и будущее. Станьте где-либо в людных местах народного богомоления у старинных заветных святынь наших. Станьте, например, в Лаврах Киевской, Сергиевской или в Успенском соборе Москвы, станьте у почитаемых святынь в Соловках, Воронеже, Задонске

или Иркутске, или в Сарове... когда к святыне движутся народные волны. Вот где видимое преемство поколений, живущих и отшедших, вот где живая неумирающая связь прошлого с настоящим! Сколько вздохов, сколько слез, сколько молитв видели эти святыни! И два, и три, и пять, и десять столетий назад пред ними так же проходили народные волны, и так же молились предки наши, и веровали, и уповали, и вдыхали это благоухание святыни, как это мы видим доньше. И если бы отдаленнейшие предки наши встали вдруг из гробов, то среди изменившейся до неузнаваемости жизни они все-таки сразу узнали бы в нас своих близких, своих родных братьев, – узнали бы в святой православной вере, в той самой, которою и они дорожили больше всего на свете; узнали бы нас в наших храмах, часто в тех самых, в которых некогда стояли и они на молитве; узнали бы нас в почитаемых нами святынях древности, и в чине нашего богослужения, и в словах наших молитв, – во всем, что некогда их утешало на земле, что составляло их душевное сокровище. О, страшно и ужасно стать вне этой могучей вечно жизненной Церкви Православной! Страшно веточке или листочку оторваться от родимого дерева, и безумно надеяться, что веточка не завянет, что листок не засохнет, не погибнет! Почтим же родное Православие наше словом благоговейной хвалы, чувством глубокой благодарности! Почтим его любовью и сердечною преданностью. Почти тысячу лет оно было живительною и зиждительною силою народа нашего! Что принесет нам будущее, – то ведомо Единому Богу. Но недаром же Господь вызвал к бытию и сохранил целым и невредимым народ наш и дал ему великую историческую задачу. И мы верим, верим от всей души, и не обманет нас голос горячо верующего и горячо любящего сердца: будет, будет под сенью

Православия расти и крепнуть наше дорогое Отечество. А изменим мы Православию: неминуемо погибнем, как ветвь, оторвавшаяся от дерева. Но теперь, когда уже на западе Европы и в дальних странах – Абиссинии, Японии и Америке начинают чтить и с изумлением видеть красоту нашей святыни, нашего Православия, прильнем мы к нему с особою верою и любовью, будем дорожить им, не смущаясь теми, которые от нас изыдоша, но не беша от нас [1 Ин. 2, 19], – разумеем простых и титулованных, образованных и невежественных наших сектантов и тех вредных политиканов, которые равнодушны ко всякой религии и прямо сатанински-враждебны Православию. Пусть святая вера православная будет душою нашей жизни, управляющею и движущею силой всей нашей деятельности! Спасительная она была для нас в прошлом, такую же останется она для нас и в будущем. Верно слово и всякого приятия достойно: «Сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди»!

Утвердит она и сохранит в силе и славе и Русь Святую, наше дорогое Отечество...

ПРОДОЛЖИМ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Христианство есть жизнь, а не смерть, христианство есть непрерывное духовное развитие, а не мертвое пребывание на одном месте. Потому-то и Спаситель сравнивает святое Царство Божие, христианство на земле, Церковь Свою, – сравнивает не с величественною скалою или горою, не с твердым и несокрушимым металлом, а с *семенем*, с маленьким семенем горчичным, из которого вырастает великое дерево, многоветвистое, дающее приют птицам небесным...

Вот почему вода слова Божия никогда не стоит, не растекается, но, подобно свету и воздуху, постоянно стремится к распространению. Вот почему и просветитель народа русского святой и равноапостольный князь Владимир немедленно после Крещения своего и после Крещения народа в Киеве то лично сам предпринимает путешествия с апостольскою целью проповеди святой веры, то посылает веропрповедников, пастырей Церкви, и притом не только к русским славянам, но и к многочисленным инородческим племенам, обитавшим в пределах нынешнего Русского государства. Так, в Новгороде произошло такое же низвержение Перуна, как и в Киеве, было и Крещение народа в Волхове. Из Новгорода проповедники пошли в Ростов и Ростовскую землю. Сам святой Владимир посещал с проповедью веры землю Волынскую и Русь Червонную, Галицкую, сам же он крестил в Киеве нескольких князей печенежских, то есть инородцев, живших к югу от Киева. Всюду посылал святой князь

священников, строил Церкви, заботился о том, чтобы русские и инородцы были объединены родством духовным вместо кровного, телесного. Муром, Полоцк, земля Древлянская, Владимир-Волынский, Галич, Смоленск, Псков, Луцк, Тмутаракань – везде появилось христианство во дни святого князя Владимира; везде язычество давало отпор христианской проповеди, но везде являлись ревностные проповедники, являлись и мученики за апостольское дело, – и христианство постепенно вытесняло язычество. Святой Михаил, первый митрополит Киевский, святые Леонтий, Исаия, Авраамий, Кукша, Никон, Евстратий и многие другие распространяли христианство одинаково и среди русских, и среди мордвы, муромы, меря, вятичей и разных коуев, торков, берендеев, турпеев, печенегов, половцев, – среди племен, имена которых теперь уже забыты вследствие того, что они, благодаря христианству, слились духовно воедино с народом русским. На крайнем севере, известно, уже во дни святого Владимира крестились финские племена ижоры и корелы.

Так самая государственность Русская была, так сказать, воцерковлена и стала преследовать те же цели, что и Церковь Христова. Может быть, не было и нет в мире другого народа, у которого Церковь и государство так тесно связаны в своей деятельности и взаимопомощи, как это видим у народа русского. И истекшие девятьсот лет постоянного возрастания Русского царства и объединения духовного на основах православной веры показали воочию, как благодетельно было для государственности нашей проникновение ее началами церковности. Объединение разрозненных славянских племен, сознание их единства даже во времена бесконечных удельных усобиц, слияние инородческих племен, сильных и многочисленных, с народом

русским, внутреннее укрепление Русского царства единством нравственного закона и внешним единством церковной жизни и власти, сохранение русского народа в печальные дни татарского ига и в дни насильственного отторжения западной Руси от восточной, нравственная сила народа, развитие его просвещения, его языка, поддержание в православной вере живой связи и живого единства поколений прошлых, настоящих и будущих, отсюда – цельность и жизненность народа и его особое место и призвание в истории человечества: вот достойные плоды святой веры, великие ее благодеяния русскому народу, вот великое дело святого князя Владимира.

Но окончено ли это дело? Прежде всего мы должны непрестанно внутренне возрастать в вере, ибо эта вера постепенно на основе Евангелия должна преобразовывать всю нашу жизнь, постепенно истребляя грех в мертвенном теле нашем [ср.: Рим. 6, 12] и возводя нас к святости, по образу Создавшего нас и Искупившего нас: в этом отношении действие веры никогда на нас не кончится. Но и с внешней даже стороны дело святого князя Владимира и донныне не окончено русским народом, ибо среди него и доселе обитают миллионы язычников, евреев и магометан, или не знающих Христа, не верующих в Него, или даже враждебных святому Евангелию. Мы еще не так сильны духом и истиною, не так возросли духовно и нравственно, чтобы покорить Христу свободным пленом святой веры неверующих в Него. Мы еще не так объяты огнем, пламенем и горячностью веры, чтобы растопить тот лед неверия, который сковывает сердца многих инородцев, находящихся во тьме язычества и мусульманства, или в погибельной злобе талмуда против Христа Распятого. И как сыны христианского государства, имею-

щего задачу нести свет Евангелия всем подданным и среди них поддерживать, охранять и распространять дело Христово, и как сыны Церкви, живой и действенной, коим заповедано возвещать Евангелие всей твари [ср.: Мк. 16, 15] и научать все народы, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа [ср.: Мф. 28, 19], – мы еще не исполнили до конца заветов святого князя Владимира.

В нынешний знаменательный день священного юбилея, 900-летия со дня блаженной кончины святого князя Владимира, в день и священных воспоминаний о нем, особенно близок нам по духу святой наш просветитель, духовный отец и зачинатель духовной жизни русского народа. С высоты небес блаженный князь окинет ныне взор Русскую землю. Что он увидит? Увидит, как возросла она, и от Днепра и Ильменя, от берегов Оки и северной Волги, где он полагал рубежи своего царства, простерлась она до Великого океана: возрадуется сердце его этому величию Русской земли. Увидит он, что по всему необъятному пространству Русской земли ярко горят звезды и льют вокруг себя свет: это десятки тысяч храмов православных, которые полны народа, в которых слышно пение во славу Христа... И затрепещет его святая душа в радости несказанной. Но вот, после первых впечатлений света, его взор остановится на черных пятнах, безобразящих общую светлую картину: эти мрачные пятна – то меньше, то больше, а местами, на севере Сибири, по ее непроходимым тундрам, на юге Сибири у Байкала и за Байкалом, они сливаются с тьмою соседнего дракона, царствующего в Китае, и, к большей скорби, увидит блаженный князь, что по странам, которые и ему были близки и ведомы, по Волге, за Тмутараканью, по горам Кавказа, в Средней Азии, простира-

ется «черное море» многомиллионного мусульманства, сливаясь с издыхающими царствами мусульманскими – с Персией и Турцией, увидит на западе, где он сам проповедовал Христа, в Червонной Руси, вековое отделение от земли Русской и искажение чистоты православной веры. От запада долетят до слуха его шум оружия, клики воинские, стоны раненых и умирающих: то борцы за великое единство Руси, за славянскую свободу отстаивают и доканчивают дело святого князя Владимира, и он благословит их, и он вознесет свою молитву о ниспослании небесной помощи русским богатырям, пребывающим в крестном подвиге борьбы за Русь Святую. Увидит он и на юге, что крестоносные знамена уже колышутся в пределах мусульманской Турции, там, где при нем была правоверная Византия, уже развеваются на огромных кораблях, бороздящих Черное, – прежде именуемое «Русское» море... И снова заблещет радостью его взор и вознесется к Богу его молитва. Но что он увидит в пределах Русского царства, мирных и спокойных, внутри него, где, к удивлению блаженного и равноапостольского просветителя нашего, также лежат и полосы, и огромные пятна густой и черной тьмы, царит язычество, торжествует мусульманство? Увидит он здесь маленькие, незначительные светлые точки: это малочисленные веропрповедники! Лишенные средств, без поддержки, без церквей, без школ, без книг, терпя нищету и лишения, совершенно как бы оставленные и забытые русским народом, одинокие, они продолжают дело святого князя, едва теплят, едва-едва поддерживают огонь его священной и вековой лампы...

О, братие! Не затуманится ли печалью взор святого равноапостольного нашего отца, породившего духовно народ русский? Не упрекнет ли он нас в этот день священного торжества, во сла-

ву его совершаемого, не скажет ли он нам, что в остающемся столетии до истечения тысячи лет со времени Крещения Руси лучшим, богоугоднейшим делом для Руси и самым радостным делом для святого князя будет проповедь и просвещение верой Христовой всех живущих в России иноверных ее обитателей?

О, братие! Не содрогается ли, не омрачается ли и наше сердце, наша совесть, не давят ли, не жгут ли мучительно и нас внутри упреки: как мало мы сделали и как мало делаем для Христа, для проповеди Его Евангелия, для исполнения и осуществления заветов святого князя Владимира, для продолжения великого, единственного по величию дела его?! Но что в упреках?

Поспешим словом и делом, духовным сочувствием и материальными пособиями оказать содействие делу веропроповедников! Поспешим сделаться членами *Православного Миссионерского Общества*¹, имеющего своею целью и задачею нести проповедь христианства среди язычников нашей Империи. Поспешим стать в ряды соратников Христовых, сотрудников апостольских, продолжателей великого в веках и родах, пред Богом и человечеством, славного и благодетельного для русского народа дела святого равноапостольного князя Владимира! Поспешим, поспешим, чтобы содействовать исполнению в нас и чрез нас обетования Христа, нашего Господа: «И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести, и глас Мой услышат, и будет едино стадо и един Пастырь» (Ин. 10, 16). Еже буди, буди на нашей Руси Святой!

---

¹ Общество существует более 40 лет, присоединило к Церкви сотни тысяч язычников, содержит до 30 миссий и миссионерских учреждений. Пожертвования на Общество и запись в члены его (взнос 3 руб. ежегодно, до 50 руб. одновременно) принимаются в Совете Общества (Москва: Лихов переулок, Епархиальный дом).

В СКОРБНЫЕ ДНИ

I. НЕ СУДИ¹

Снова мы на нашей еженедельной молитве пред Богом, на молитве, которую мы совершаем под удар любящего сердца, как патриотический долг. Только сейчас на молебствии слышали мы слово Спасителя, единственное по силе уверенности, единственное по непреложности обетования: «Просите, – и дастся вам, ищите, – и обрящете, стучите, – и отворят вам» [Мф. 7, 7]. Никогда не раздавалось слова более решительного, более утешительного!

И если бы, действительно, мы просили Отца Небесного, как дети, то, несомненно, всякое бы прошение наше исполнилось. И если бы мы имели, действительно, пред очами Искупителя, как искупленные Им, то над нами исполнилось бы Его слово: Чего ни попросите вы от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне [Ин. 14, 13].

Но мы наследуем по грехам своим другое обетование и прещение: просите и не приемлете, зане зле просите [Иак. 4, 3]...

Да, велика и неизъяснима по величию и глубине действия сила истинной, искренней и святой молитвы! Ибо, если мы – верующие люди, то должны помнить, что много может молитва праведного, верою споспешествуема. И если мы пред нашими любимыми ближними, в час их страдания или грозящей опасности, сверх прямого дела помощи, считаем долгом проявить

---

¹ Сказано на еженедельном молебствии пред Спаскими воротами, на Красной площади.

к ним любовь молитвою, – то не тем ли более это мы должны помнить относительно страдающей Родины?

Но что бы мы сказали о людях, которые вместо того, чтобы помочь страдающему ближнему, только отравляли бы его душу и оскверняли бы его слух ругательствами, выискиванием виновных, осуждением их, забывая, что и они сами – в числе этих виновных, забывая, что если они в данную минуту ничего не делают для облегчения страданий ближнего, то через это одно они уже являются в числе его врагов?

Однако, нечто подобное мы наблюдаем теперь, во дни войны. Одни из русских людей, – и их огромное большинство, – молятся, работают, стараются помочь Государю, правительству, воинству, народу. Они терпеливы и покорны воле Божией при неудачах войны. Что ж, если и не всё оказалось у нас готово? Что ж, если и не всё, и не все оказались на высоте? В делах человеческих нет совершенства... К тому же многое, может быть, если разобраться внимательно, спокойно и по справедливости, и не требует строгого осуждения, – многое произошло естественно и было неизбежно. Во всяком случае, что бы ни было, прошлого не вернешь, и надобно теперь не судить всех и всё, – особенно если сам ничего не делал, а только занимался болтовней, – надобно не злобствовать, а делать то, что требуется для блага Отечества. Упущено прошлое, – зато в наших руках настоящее и будущее.

Но есть среди нас люди другого склада, другого направления. Как навозные жуки, они знают только сор и грязь, и ими питаются. Как хищные совы, они ищут только тьмы и ее любят. Они выискивают виновных, они забрасывают обвинениями, они требуют наказаний виновным, без исследования вины, без суда и разбора. Их дело – только злобствовать, кричать, звать. Их

крики волнуют нервы, нарушают общее спокойство, мешают напряженному труду. Многим кажется со стороны: какие это благородные люди, какие опытные советники, какие незаменимые деятели! Вот их бы призвать к делу, им и поручить и подготовку войны, и снабжение армии, и ведение воинских действий. Тогда все пошло бы хорошо, тогда бы мы утешались победами.

Так ли это? Всегда ли строгие судьи сами бывают прекрасными работниками и деятелями? Ах, если теперь искать виновных в нашей неготовности, то ведь вместо упреков и вопросов, задаваемых правительству, можно поставить другие вопросы, вспомнить иные недавние обстоятельства, разразиться иными горькими упреками... И эти упреки будут направлены как раз против тех, кто теперь так строго склонен судить представителей власти. Не будем, однако, ни упрекать, ни осуждать! Не суди теперь никого, не суди теперь, а работай. Время взаимной розни и раздоров миновало.

Русский народ созрел и не даст себя ни запугать, ни обмануть никаким пустословам и злословам. Не судить будем правителей, не искать виновных, – а будем трудиться и молиться, молиться и трудиться, исполним каждый свой долг пред Родиной, – каждый в меру сил и возможности. И помнить будем, что не те спасают Родину, кто хорошо злословит и судит направо и налево всех и вся, а те, кто в смирении, молчаливо, не покладая рук, служат общему делу. Помнить будем, что под громкими словами злословящих чаще всего скрываются пустота, лицемерие, бездарность и личные порывания к власти и силе.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое! Изми мя, Господи, от человека лукава и от мужа неправедна избави мя [Пс. 139, 1]! Аминь.

II. ПОКАЖИТЕСЯ!

Обращали ли вы когда-либо внимание на то, что иконы Божией Матери чудотворные, большею частью, и по первоначальному своему происхождению, а главное – по дальнейшим проявлениям присвоенной им Божественной благодати являются действенными прежде всего и более всего в общественных нуждах и бедствиях, а затем уже в частных и личных горестях каждого из нас? Такова и Смоленская икона Богоматери, пред которою сегодня мы собрались в молитвенном подвиге. Знает ее древняя православная Византия, где икона эта именовалась Одигитрия, то есть Путеводительница, ибо она обыкновенно сопровождала царей и православное воинство во всех победах. Знает ее и Смоленск, – куда в XI веке она была передана греческим императором в благословение, – ибо город этот освобожден был по молитвам Богоматери, после чудодейственного Ее явления, от нашествия Батыя в XVIII столетии; знает ее и Москва, где пребывала эта святая икона во дни бедственные для Смоленска, когда этот город был взят врагами и отторгнут от России, и где, по возвращении святой иконы в Смоленск, список ее оставлен великим князем Василием Васильевичем, в память возвращения Смоленска к России. Знает ее и русское воинство под Бородином, видевшее Заступницу и Царицу Небесную, в Смоленском Ее образе, обносимом по всем частям воинским, пред которым склонялись вожди и воины наши пред смертным Бородинским боем.

¹ Сказано в часовне Смоленской иконы Божией Матери, что у Спасских ворот Кремля, за все-нощной 27 июля 1915 г.

Русские люди в свое время, в уповании на помощь Небесную, перенесли терпеливо и спокойно и взятие врагами Смоленска, и даже – оставление самой Москвы...

Знаменательные нам напоминания!

И теперь оставлены Львов, Перемышль, оставлены нами многие русские города, на днях оставлена и Варшава: таковы превратности и неизбежные требования войны. Пусть только не оставит нас спокойствие, пусть не оставит нас бодрость, пусть не оставит нас упование на то, что покинутые нами города и местности к нам возвратятся, если... Пусть не оставит нас упование на то, что Пресвятая Богородица, именуемая в этой чтимой Ее иконе Смоленской – Одигитрией, то есть Путеводительницей, – что Она, действительно, будет Путеводительницей и нашего российского воинства в борьбе его с сильным, злобным, коварным и упорным врагом, изготовившимся давно для войны и нежданно обрушившимся на наш мирный русский народ. И Она, действительно, будет нашей Одигитрией, если...

Если... Но в чем же это если? Что же привлечет нам милость Божию и благоволение Пресвятой Богородицы? Какие условия требуются нам теперь для спокойствия нашего народа, для успехов нашего воинства?

Говорят теперь громко, что готовность к войне должна быть и на передовых позициях, и в глубоком тылу, внутри России. Разумеют при этом снаряды и орудия воинские. Но нельзя забывать и орудия духовные...

Обращали ли вы внимание на то, что во всех молитвах ко Пресвятой Богородице указывается всегда на чувство покаяния, как на путь привлечения Ее милости? Она, – говорит песнь церковная о Пречистой Матери Господа, – источает неоскудную

милости на богобоящихся и благонравных рабы своя (кондак 22 октября). И сегодня мы слышим:

«К Богородице прилежно ныне притецем *грешнии и смиреннии* и припадем, в *покаянии* зовуще из глубины души»... [тропарь Одигитрии Смоленской].

Итак, не судить и злобствовать, как делают это иные в наши дни, не требовать к ответственности и наказаниям тех или других лиц, не раздражаться и злословить, – а каяться и молиться и в очищенной совести трудиться: вот к чему теперь зовет нас святая вера наша и Святая Церковь.

Вспоминается древнее призывное слово пророка, сказанное к народу Божию в такие же дни тревог военных, какие и мы теперь переживаем:

«Вострубите трубой на Сионе, и бейте тревогу на святой горе Моей! ... Обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердце ваше, и обратитесь к Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии... Да плачут священники, служители Господни, и говорят: “Пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы”» (Иоил. 2, 1–17).

Есть ли у нас скорбь? Есть ли покаяние? Скорбь, растворенная злобою и мстительностью, не есть христианская скорбь, а животная, даже сатанинская. Сожаление о неудачах, сопряженное со злобными исканиями виновных и с забвением о своих грехах, не есть христианское покаяние. Увеселения, театры, веселые поездки, безумные траты на удовольствия, которые у всех у нас перед глазами в нашем городе, – все это не говорит о том, что мы сознаем себя грешными и смиренными... Искание

причин наших неудач и несчастий только внешних и земных, с забвением о наших всенародных недавних грехах пред Богом, – это все не говорит о том, что мы дозрели и возвысились до духовного понимания жизни и проникновения в самую сокровенную причину всякой скорби, то есть в греховность нашу, которая ищет и требует от нас только покаяния.

О, братие! К Богородице прилежно ныне притецем грешнии и смиреннии и припадем, в *покаянии* зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщимся, *погибаем от множества прегрешений* [тропарь Одигитрии Смоленской].

И верьте, – к скорбным, смиренным и кающимся ниспослано будет и благоволение Господа, и молитвенный покров Пресвятой Богородицы! Аминь.

III. НЕ ОТЧАИВАЙСЯ!

Второй раз во время текущей тяжелой войны мы здесь совершаем установленное в веках минувших празднество в сей день в честь Гребневской чудотворной иконы Богоматери и затем всенародное моление на людной Лубянской площади.

Святая икона была принесена сюда, в Москву, знаменитым героем русским, князем Димитрием Ивановичем Донским, более 500 лет тому назад, и принесена была уже как древняя, прославившаяся чудотворениями в городе Гребни. Она пришла в Москву, как знамение победы, одержанной русским воинством над полчищами безбожного Мамаю.

Тяжел был подвиг Димитрия Донского. Мало было для него оснований надеяться на благополучный исход предстоящего

---

¹ Сказано в церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке, в Москве, 29 июля 1915 г.

сражения на поле Куликовом. Все, напротив, говорило за то, что ему грозит разгром от соединенных сил Орды, Литвы и изменника Олега Рязанского. Но князь и народ шли на брань, укрепленные молитвою и благословением свыше, они не опускали рук пред грозящею опасностью, они не падали духом, они общими силами, все города и области Русской земли, соединились вместе в труде и подвиге и шли «людны, конны, оружны», изготовившись на брань, шли в осенении святой веры: и Господь послал им победу.

Не раз потом та же Гребневская икона сопутствовала русским князьям и войскам в их победах: и великому князю Иоанну III, построившему для нее этот святой храм, в котором мы теперь молимся, и русским войскам во дни смутного времени, здесь, в Москве, на Сретенке, отразившим нападение врагов. Сохранилась святая икона во дни неоднократных страшных пожаров (1617, 1737 и 1812 г.) в Москве, сохранилась и во дни Наполеонова нашествия на Россию.

Столько светлых и умирительных воспоминаний связано с Гребневскою иконой Богоматери! И вот, переживаем мы теперь эти воспоминания, но среди тяжелых и скорбных обстоятельств.

Не ждали мы в прошлом году, когда здесь молились в начале войны, – не ждали, что после побед нашей армии придется нам чрез год теперь переживать действительно тяжелые и скорбные дни неудач военных. Но позади нас, в веках минувших, в осенении святых воспоминаний и благодатных чудотворений святынь всенародных, стоят укрепляющие дух наш воспоминания. Не такие тяжелые времена переживала Русь, и, однако, не погибла. Не такие бедствия терпело русское воинство,

и, однако, не теряло жизнеспособности, целостности и восставало после отступлений и поражений в новой силе.

И ныне пред этой святой Гребневской чудотворною иконой, пред этим победным знаменем, священным воспоминанием некогда бывшей великой Куликовской победы, – и мы воспрямим духом, и мы, все русские люди, не дадим в душе места унынию или отчаянию. В меру бедствий пусть возрастает и мера бодрости, воодушевления и силы. Геройски сражается наше воинство, являя образ борьбы живых людей и механической мертвой силы. Удивляет оно весь мир силой своего сопротивления. Победы не радуют самих наших врагов, которые уже не скрывают, что цена, которую они их покупают, столь высока, что приравнивает победы к поражениям. С каждым днем растет боевая готовность армии нашей, нарастает сила ее, – и тает сила вражеская. Весь мир сходится в одном мнении, что удачи нашего врага суть удачи случайные и временные, и что окончательное его поражение в конце концов неизбежно. Жизнь победит мертвый механизм германского зверства!

В истории святой Гребневской иконы как бы символизируются черты русской истории и русского народного характера: ни в огне, ни в воде, ни от грабежа она не погибла, – ни нашествие нового Мама в лице Вильгельма, ни измена всяких Олегов, домашних раздорников, не сокрушат единения русского народа, не поколеблют его мощи и его жизни.

Так говорит даже обыкновенный человеческий расчет. Но что такое этот расчет пред великою силою веры народа русского, на котором от лет древних наречено имя православной истины, Православной Церкви? Великие святыни всенародные, коими Господь ущедрил наш народ, и в ряду их святыня Греб-

невского образа Богоматери, пусть укрепят и укрепляют сердца русских людей в твердой уверенности и в твердом уповании, о котором гласит пророческое слово:

С нами Бог, разумеите языцы, и покоряйтесь! Могуции покоряйтесь! Аще бо паки возможете, *и паки побеждени будете*. И иже аще совет совещаеете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас. Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся. Господа же нашего Того освятим, и Той будет нам в страх. И аще надеяся буду на Него, будет мне во освящение. И уповая буду на Него и спасуся Им: яко с нами Бог! [Стихи Великого повечерия; ср.: Ис. 8, 9–14]. Аминь.

НАДЕЖДА РОССИИ¹

*Яко клятятся Господь Давиду истиною, и не отвержется ея:
от плода чрева твоего посажду на престоле твоем
(Пс. 131, 11).*

*И положу на море руку его, и на реках десницу его...
И Аз первенца положу его, высока паче царей земных
(Пс. 88, 26–28).*

Царю святому, царю и пророку, царю по сердцу Божию и по сердцу народному, – славному Давиду Господь дает милость, которая оказывается самой великой: Он обещает ему, что, не в пример другим царям, не в пример предшественнику Давида – Саулу, Он даст Давиду наследника, и престол царства утвердит в его роде даже до пришествия Христова. От плода чрева Твоего, говорит Господь, посажду на престоле твоем! Как велика была эта милость, как высоко было это обетование в те века кровавых войн, постоянных переворотов внутри государства, жестокостей и насилия, видно из того, что Сам Господь, – страшно сказать, – сопровождает Свое обетование клятвою: Яко клятятся Господь истиною и не отвержется ея... В те далекие века постоянных насильственных перемен в царствующих династиях утвердить преемственность царей в одном роде, предотвратить кровавые столкновения партий, добивавшихся для своих избранных царского престола после смерти или удаления прежнего царя, – это значило утвердить и самое царство, обезопасить, предохранить его от гибели, предотвратить междоусобия и разделения

---

¹ Поучение воинам в день рождения Наследника Цесаревича 30 июля 1915 г.

внутри государства, сделать жизнь его спокойною. И поэтому-то милость Божия к царю и царскому роду была милостью Божией и к народу. Так было в древности, так останется и донине, так будет и впредь, пока на земле будут государства и люди не выродятся в бродячее состояние.

Итак, понятно, почему и сегодня вся Россия призывается Церковью вознести благодарственные молитвы Царю царей и царств по случаю воспоминания о рождении Наследника Всероссийского Престола. Одиннадцать деть тому назад рождение Его было светлым солнцем, выглянувшим из-за мрачных туч, облежавших русское небо. Была тяжелая война с Японией. Русского войска было по численности недостаточно. Отправление его за десяток тысяч верст на Дальний Восток было слишком затруднительно, снабжение его всем необходимым было чрезвычайно тяжело. Неудачи за неудачами преследовали нас в этой несчастной войне. И вот, в довершение всех зол, и внутреннее единство русского народа было нарушено смутами и волнениями...

Тогда-то, в самую печальную и скорбную пору жизни русского народа, мы были утешены вестью о том, что Господь даровал Царю нашему, в то время глубоко страдавшему за народ свой, – даровал Сына, Первенца и Наследника. Он родился после долгих лет ожидания и Царственных Родителей, и всего русского народа. Он родился, как плод молитв Царя и народа к преподобному Серафиму, тогда новоявленному преподобному подвижнику и чудотворцу всероссийскому. Он родился, и прежде всего принес со своим рождением уверенность для Царя и народа в том, что будущее Царского рода и России обеспечено от всяких потрясений. Ибо знает и наша родная история,

как тяжело проходили для нашего Отечества те времена, когда пресекался царственный род, когда не оказывалось законного наследника престола, и престол царства делался игрищем в руках различных честолюбцев и, еще хуже, – различных политических и иных партий. Прошло десять лет с того времени, – и они показали, что рождение Наследника было воистину благословенным, было знамением Божией милости: война с Японией кончилась благополучно; внутренняя смута наша постепенно стихла; Россия вступила на путь обновленной жизни; мы увидели, как чудодейственно быстро залечены были старые раны на государственном теле; народное и государственное благосостояние видимо стало возрастать.

Так исполнилась наша радость.

Но Господь попустил теперь омрачить эту радость нашу новым тяжелым испытанием. В исходе первого десятилетия жизни Царственного Первенца коварная Германия объявила России, мирной и не готовившейся к брани, войну на жизнь и смерть. Время и обстоятельства показали потом, что враг наш надеялся именно на нашу неготовность и нерасположение к войне, а сам сорок лет тайно готовил ковы и жил злобнозавистливыми и жадными замыслами против России. Нет ничего удивительного поэтому в том, что после блистательных побед русской армии мы теперь видим ее временные неудачи, и через год войны находимся в необходимости вновь готовить и людей, и вооружение всякого рода с утроенными усилиями. Да не смущается же сердце наше пред этим новым испытанием. Да не будет уныния и отчаяния за Россию.

Будем верить, – и мы имеем все основания верить, – что и эти неудачи наши, подобно тому, как это было десять лет на-

зад, являются временными. Будем верить крепко, что Господь даст нам силы победить врага совместно с нашими союзниками, изгнать его из пределов России и сокрушить его гордыню, – сокрушить, выражаясь словом псалмопевца, зубы грешнику [ср.: Пс. 3, 8], и тем лишить его возможности впредь приносить нам вред и колебать мирную жизнь нашего народа. Будем верить, что и будущее Наследника Престола – светло и преисполнено надежд: Он воистину – надежда России. И да исполнится над ним Божественное обетование: положу на море руку его и на реках десницу его... и Аз первенца положу его высока, паче царей земных [Пс. 88, 26–28].

Дорог Он России, но особенно дорог Он христоролюбивому воинству, – вам, возлюбленные братие! Ибо кто же, как не армия, охраняет Престол? Кто соделывает его неколебимым? Кто, как не армия, охраняет и Престолообладателя Царя и Его Престолонаследника? Кто, как не армия, хранит и защищает целость и сохранность царства?

Понятно посему и то, что Государь Император, в порыве отеческой радости о рождении Наследника Престола, одиннадцать лет назад, – прежде всего армию, стоявшую тогда на поле брани, поздравил с этим радостным событием и армию всю сделал восприемницей Своего Сына от колыбели рождения и купели Крещения.

Молитесь же, воины, молитесь со всею Россией: Господи, дни на дни приложи Царю и лета на лета [Пс. 60, 7]! Боже, суд Твой Цареву даждь и правду Твою Сыну Цареву [Пс. 71, 1]. И положи на море руку его и на реках десницу его; руки его да взыдут на плеща врагов наших, – и управи престол царства нашего яко дние века! Аминь.

«ЗНАК ХРАБРЫХ»¹

Поздравляем вас, возлюбленные, с получением этого редкого знака отличия – военного ордена, который по справедливости можно и должно назвать «Знаком храбрых». Украшая вашу грудь, он будет внушать к вам уважение всех окружающих. На всю жизнь вы будете иметь заслуженное по справедливости право на уважение за проявленное мужество. Кому Бог дал или даст удел иметь семью и детей, у того дети будут с чувством понятного и высокого умиления и достойной радости показывать на этот знак отличия на груди своих отцов и в себе углублять и все более возгревать к вам любовь и уважение.

Все это прекрасно, все это воспитывает окружающую нас жизнь, ибо умение и способность уважать чужие заслуги, преклоняться пред ними, ценить их – это признак духовно развитого, достойного человеческого общества и народа.

Но вам самим, чтобы сохранить Богу и людям любезное смирение, чтобы не впасть в гордыню и не убить в себе ростков духовной жизни, – не следует увлекаться тем, как смотрят или смотреть должны на вас другие. Вам нужно себя самих воспитывать и назидать.

И прежде всего помните и верьте, – как и видите сейчас, – что за Богом молитва, а за Царем служба не пропадает. И пусть это исполнит вас чувства удовлетворения и расположит к новым и новым подвигам пред Богом и к новым, неустанным трудам пред Царем и Родиной.

---

¹ По случаю освящения и раздачи знаков святого Георгия Победоносца отличившимся воинам.

Знай­те еще и то, что нет такого дела доб­ро­го и славно­го, ко­то­рое не могло бы быть еще лучше и славнее, – и по­се­му рас­по­ла­гай­те се­бя снова к слу­же­нию в ря­дах ар­мии, как и свя­той апостол го­во­рит: пре­ж­нее за­бы­вая, впе­ред я ус­трем­ляюсь, с усер­дием ищу почести вы­ше­го звания.

Знай­те, на­ко­нец, то, что кто ос­та­но­вил­ся на пу­ти ду­хов­но­го воз­ра­ста­ния, тот не­пре­менно и не­из­бе­жно по­шел на­зад. И по­се­му снова и снова в этом име­йте по­буж­де­ние не ос­та­нав­ли­вать­ся в сво­ей слу­ж­бе, не за­сты­вать в са­мо­до­воль­стве, а ис­кать слу­чая но­вых и но­вых по­д­ви­гов, вы­даю­щих­ся по труд­но­сти ис­пол­не­ния, слу­чаев для но­вых ус­луг на­шей Ро­дине.

Блажен, кто знал и испытал и пережил хоть раз высокое счастье самозабвения, самоотречения и самоотвержения, счастье духовного подъема, всезахватывающего воодушевления: у того есть способность повторять это счастье в жизни бесконечно, у того, несомненно, высокая духовно-утонченная природа души. Блажен, кто умел бесстрашно заглянуть в лицо смерти: ему не учиться мужеству и стойкости; ему можно после того до­верить всякое дело.

Вы это счастье пережили и испытали. Хвала вам, храбрые и мужественные! И дай Бог вам достойно и с поль­зою ду­шев­ною носить этот пре­крас­ный «Знак храбрых»!

БОРЬБА ДУХА И ПЛОТИ¹

Молимся ныне всенародно Всемилостивому Спасу. Вспоминаем далекие времена: в православной Византии и в православной России одновременно император Мануил и русский князь Андрей Боголюбский (в половине XII века) вели священную брань против врагов Креста Господня и веры Христовой – мусульман, и одновременно же, в первый день августа, православные вожди и воины видели чудесный свет, исходящий от святых, сопровождавших ополчение: от Креста Господня, от образа Спаса и Пресвятой Богородицы. Господь даровал победу православному воинству, укрепленному чудным видением.

В силе тяжелой тогда наступали мусульманские полчища. Православным царствам и народам суждено было Промыслом Божиим первым принять на себя сокрушающий удар неизмеримого числа свирепых сарацин и затем вести с ними многовековую борьбу. Бывали времена – целыми столетиями, – мусульманские народности одолевали христиан, ниспровергали целые царства, сокрушали города, обращали в развалины цветущие христианские страны. И, тем не менее, что же сказала история? В конце концов почти все христианские народы возвратили себе свободу, восстановили свои царства, так что буквально ни одна христианская народность не стерта с лица земли, и если еще есть теперь христиане, которые томятся под игом мусульман, то уже они видят впереди зарю загорающегося над ними дня свободы... А мусульманские царства все лежат в развалинах,

---

¹ Сказано на всеобщем бдении у Спасских ворот и Спасской часовни в Москве, в канун праздника Всемилостивого Спаса, 31 июля 1915 г.

переживают последние дни, и если Турция еще не похоронена теперь, то это только потому, что ее стала поддерживать изменившая Кресту и Евангелию Германия.

Где причина такого величественного исторического явления? Почему оказались столь сильными и жизнеспособными христианские народы?

Здесь сказалась разница религий. Христианство – религия духа, мусульманство – религия плоти. Христианство всегда уповало на силу духа, мусульманство преклонялось всегда перед силою плоти, уповало только на оружие, принуждение, водилось злобою и мстительностью. Оттого-то после даже многовековых побед и успехов мусульманства оно все-таки ослабело и гибнет на наших глазах, а христианство после многовековых страданий воскресило, казалось, уже погребенные народы к новой жизни.

К глубокому горю и стыду христианского мира, среди именуемых христианских народов появилось великое отступление: Лютер, создавший протестантство, по-видимому защищавший «духовное» христианство и христианство «евангельское», на самом деле создал в протестантстве чисто-национально-немецкое преклонение пред плотью, с поруганием и с отвержением всего того, что питало христианство как религию духа: молитвы, смирения, покаяния, богообщения в Тайне Причащения, общения со святыми, общение с умершими и молитвы за них, всякого вида аскетизма и всякой обрядности. На наших глазах ныне сказались и плоды мнимо духовного христианства: народ, принявший лютеранство в чистом его виде, именно немцы, оказались по мировоззрению последователями «старого немецкого бога» Одина, то есть, как и следовало ожидать, восстановили

в сущности и по духу старо-германское язычество, в котором, судя по его мифологии и баснословиям, боги занимались только войною и взаимным истреблением. Теперь понятно, почему именно эта лютеранская отрасль христианского мира, – в сущности скрытое отрицание христианства в исповедании, в науке и жизни немецкого народа, – подала руку общения мусульманству.

Но что же говорит нам история? Мы уже сказали, каков ее приговор о мусульманстве: его успехи и победы оказались временными, и дух, в лице христианских народов, в конце концов победил плоть, в лице мусульманских народностей и государств.

Вот почему и теперь не следует нам смущаться видимым временным успехом в продвижении немецких полчищ. Немцы – служители плоти, и вместе с турками они служат одному и тому же противохристианскому началу. Пожар войны, зажженный немцами во всем мире, есть исконная война зла против добра, тьмы против света, сатаны против Бога, Веельзевула против Христа. Пусть в этой вековой борьбе временами попускаются Господом Промыслителем, в Его премудрых и всеблагих целях, для вразумления и воспитания христианских народов, те или другие временные успехи, временное торжество служителей плоти. Мы знаем в истории оставшееся неизгладимым в памяти народов наивысшее торжество служителей зла: они в свое время вознесли Самого Сына Божия на крест и, конечно, полагали, что окончательно прияли победу. Но Крест Господень является навеки теперь символом не только страданий Иисуса Христа, но и символом Его Воскресения, Его победы, нашего искупления и вечного спасения: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим!

И теперь будет то же, что было: добро в конце концов одолеет зло, Христос победит велиара, христианство восторжествует над антихристианством, дух будет выше и сильнее плоти.

Будем же исполняться духа! Будем истинными последователями нашей святой духовной веры – религии духа и свободы! Будем возрастать в вере, в смирении, в молитве и богоуподоблении, будем жить, – в полном смысле *жить* в Церкви, Церковью и с Церковью, ибо жить с нею значит – жить со Христом и во Христе. Будем всем народом верить Кресту Христову, будем всем народом верить православной истине, будем всем народом служителями духа, а не плоти!

Дух животворит, плоть же не пользует нимало; этими словами Христа, нашего Искупителя и Спасителя, определится исход переживаемой нами теперь великой мировой войны. Аминь.

ОДУХОТВОРЕНИЕ ТОРГОВОГО ДЕЛА¹

Отрадно видеть и отметить, что ни тяжелая война и внешние затруднения, испытываемые нашим народом, ни внутренние тревоги, переживаемые всеми нами в последнее время, – ничто не отклонило вас, возлюбленные братья, представители торгового дела, от ежегодно в столь торжественной обстановке и в столь высоком церковном благолепии совершаемого благодарственного ко Господу молебствия после окончания великого Нижегородского торга. Здесь новое доказательство того, о чем не раз мы говорили по поводу таких же наших молитвенных собраний: что торговое дело не есть нечто только касающееся грубых интересов человека, выгоды и наживы, но, как и все у христианина, оно может и должно быть проникнуто духом высокого благочестия, может быть обращено и в повод, и в средство служения Богу и благу ближних, – может быть одухотворено.

Святой апостол заповедует христианам: едите ли вы или пьете, или что иное творите, – все во славу Божию творите. Итак, если эти физического характера потребности и действия наши, как еда и питье, должны быть обращаемы во славу Божию, то не тем ли более занятие огромного класса людей, занятие, являющееся столь важной и значительной отраслью жизни всего государства и общества? Сказанное святым апостолом о пище, питии и всяком ином деле приложимо поэтому и к вашему торговому делу, возлюбленные братие.

---

¹ Речь на молебствии, совершенном по просьбе купечества после Нижегородского торга [август 1915 г.].

И смотрите, поучаясь, как часто в истории мира торговля, действительно, имела огромное значение не только в том, что называется материальным и культурным развитием и преуспеванием человечества, но и в области, которая, казалось бы, далеко отстоит от мирских занятий и тревог, от земных и вещественных интересов, – в области религиозно-нравственной.

Апостол Павел и другие святые апостолы какие города и места обыкновенно избирали центрами своей веропроповеднической деятельности? Избирали людные *торговые* города, из которых, благодаря постоянному общению в них множества людей, благодаря удобным *торговым* путям на суше и на морях, с удобством, как бы само собою, чрез обращенных ко Христу, благовестие веры легко растекалось по окрестностям, проникало в селения и близлежащие провинции; из городов же и мест, имевших значение всемирное, или значение для обширных частей Римской империи, христианство распространялось не только по окрестностям, но и далеко-далеко по обширным областям и даже до тогдашних последних пределов земли. Для этого, конечно, нужны были благоприятные условия: мирные времена, единство языка, хорошие дороги, безопасность и порядок жизни. Все это давала все уравнивавшая римская государственность, но не одна она. После внешней завоевательной силы нужно отдать главное внимание в деле объединения и умиротворения жизни делу торговому, которое, таким образом, в значительной степени послужило для того, чтобы создать и подготовить благоприятные условия для проповеди Евангелия. Страны и народы приведены были к единству коммерческих интересов и устройства жизни материальной, чтобы удобно воспринять и усвоить единство жизни духовно-религиозной.

В новое время европейская цивилизация быстро проникла в страны, прежде мало ведомые, к народам Африки, Азии, Австралии и Америки; торговые интересы европейских народов в этом проникновении цивилизации и культуры имели первенствующее значение. Таким образом, торговля имела огромное значение для культурного преуспевания диких стран и народов. Но вместе с нею или вслед за нею пошли и христианские веропроповедники, и теперь Китай, Япония, Корея, Канада, Новая Зеландия, южная Африка и другие страны наполнены проповедью спасения евангельского. Сибирь, Ташкент, вся Средняя Азия, как в прошлом и наше Поволжье и Приуралье, одновременно с движением русской государственности, культуры и торговли принимали и принимают вместе с тем и посев евангельского зерна слова Божия. Будущий историк христианства отметит великое значение в этом отношении и того всероссийского торгового слияния рек Волги и Оки в Нижнем, который в течение долгих лет дает общение разновременным народностям, населяющим Россию и живущим даже за пределами России, и который является наглядным показателем мощи и влияния русской христианской государственности.

Мусульманство, которое посылает на этот торговый стольких своих представителей, на наших глазах разлагается на Ближнем Востоке, разлагается вообще под влиянием европейской цивилизации и воздействия на мусульманский мир христианских народов. Но кто же станет отрицать, что первые пути вторжения европейских народов в жизнь мусульманского Востока проложила торговля?

Теперь мы переживаем тяжкое время тяжелой войны. Да не оскорбится слух ваш, если мы скажем, что, сражаясь с вра-

гами, можно и должно многому доброму и учиться у врагов. Недаром Великий Петр «за учителей своих», за шведов, с которыми воевал и которых потом победил, провозгласил здравницу в присутствии их пленных вождей... Немецкая торговля давно сделалась национальным оружием национального немецкого величия. При всем языческом, жестоком, узком, материальном характере этой силы влияние немецкой торговли простерлось даже и в религиозную область, прививая начала искаженного немцами христианства, в виде протестантизма и протестантских сект, даже христианским народностям. Это тяжкое влияние испытываем и мы в виде баптизма, адвентизма, штунды и других зловреднейших в религиозном и государственном отношении сект. Сынове века сего мудрейше суть сынов царствия в роде своем: но, не подражая немцам в губительном извращении Евангелия на основе гордыни разума, научимся у них воодушевлению и энергии, с которыми они работали над тем, чтобы и самую торговлю свою сделать орудием национального величия и в собственном смысле – военной мощи, опирающейся на торговлю и промышленность. Теперь и у нас в России, мы видим, торговля и промышленность призваны к великому патриотическому делу; все вострепнулись, все пожелали работать на одной основе: «все для войны».

Знаем, что чем с большей высоты упадешь, тем сильнее расшибешься. Знаем, чем выше по нравственной цене то или другое движение, чем шире и глубже оно захватывает общество и государство и даже человечество, тем больше присасывается к нему людей корыстных, себялюбивых, лицемерных, которые хотят использовать его для личных, или партийных, – что в сущности все равно, – целей. Так бывает с религией, которую же-

лают использовать ханжи, лицемеры, религиозные обманщики, сектантские вожди, искатели наживы или влияния; так бывает с наукою, которою прикрываются часто люди недостойные для своих целей, с искусством, которое обращается в ремесло, в орудие корысти, а в театрах – в орудие общественного разложения и развращения.

Так может быть и с патриотизмом и, в частности, с патриотическим воодушевлением деятелей торговли и промышленности. Честный человек желает быть полезным для дела, интриган – старается стать необходимым для дела. Честные слуги Родины, желающие послужить ей посредством торговли и промышленности, имеют в виду стать полезными для Родины в тяжелую годину ее жизни, а бесчестные – желают стать необходимыми, чрез это – требовательными, чтобы искать своих личных или партийных выгод и вожделений и, в сущности, оказаться полезными не для Родины, а для самих себя. Однако, оттого, что огнем злоупотребляют, не следует, что надобно погасить и уничтожить огонь в мире. Так и злоупотребление патриотизмом не должно охладить нашего и вашего патриотического воодушевления. Не будем прикрываться именем блага народа, а будем его действительно искать... Постараемся быть, а не казаться...

Пожелаем же вам, возлюбленные, успехов в вашем деле; пожелаем вам полного освобождения от зловредного немецкого засилья и влияния, чтобы дело ваше служило во благо родному православному нашему народу; пожелаем, чтобы сума торговая служила и делу Божию на земле поддержанием Церкви и всего того, что Церковь благословляет, и делу русско-народному и государственному; пожелаем

блистательных побед нашей армии, и будем молить о том Господа, чтобы она своими завоеваниями открыла новые, широкие, почетные и благотворные пути для вашего дела. Пожелаем, чтобы дело ваше, освободившись от иноземного, особенно от немецкого влияния, шло и развивалось русским путем, открывая и пролагая вместе с тем пути ко влиянию Евангелия, христианства, Православия, и к русской мощи, и к русской славе! Аминь.

В ПРАЗДНИК СВЯТОГО ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

1. ПОДВИГ МОЛИТВЫ И ПОКАЯНИЯ¹

Почти четыреста лет тому назад (в 1521 г.) в Москве совершилось великое чудо избавления ее от врагов по молитвам святого и блаженного Василия. Ночью, – читаем в житии блаженного, – пришел святой Василий на свою обычную молитву к Успенскому собору в Кремле. Видно, что благочестивых людей в то время было не мало в столице, ибо блаженный Василий оказался здесь не один: с ним стояли на молитве и другие усердные богомольцы – бояре и простые граждане Москвы. Святой стоял прямо против запертых входных дверей собора, и на сей раз с особым усердием и воодушевлением, весь в слезах долго-долго молился. И вдруг произошло нечто удивительное и ужасающее: послышался в храме сильный шум; двери выходные сами собою раскрылись, и внятный голос, исходящий из собора, обличал беззакония и грехи жителей столицы. Оцепеневшим от страха богомольцам предстало грозное явление: чудотворная икона Божией Матери, пребывающая в соборе, невидимую силою сама сдвинулась с места, а в храме в это время послышались слова о том, что Пресвятая Богородица хочет со святителями русскими, нетленно почивающими в древнем Успенском храме, удалиться из города за грехи и нечестие его жителей. Одновременно сразу во всем храме показался яркий

---

¹ Слово в соборе святого Василия Блаженного 2 августа 1915 г. за всенощной и литургией.

огонь, так что пламя выбрасывалось в окна и двери, и далеко вокруг виден был собор, весь как бы огненный.

Когда видение прекратилось, блаженный Василий и богомольцы ушли из храма, но на другой день известили население города о том, чему они были свидетелями. Москва тревожно ожидала какого-то несчастья, о котором говорило грозное видение. Между тем, казалось, ничто не предвещало его; казалось, все было спокойно. И вдруг через несколько месяцев совершенно неожиданно подступил к Москве грозный тогда и сильный крымский хан (Махмет-Гирей) со своими полчищами, выжег на далекое пространство окружающие города, села и деревни и, наконец, осадил Москву. Столица наполнилась беженцами. Жители были в страхе и смятении. Близок был голод, всем грозили лишения. Тогда-то жители Москвы вспомнили о грозном видении, о слезной молитве святого Василия Блаженного; в то время, как воинство русское готовилось защищать город от врага, все жители столицы обратились к Богу с молитвою и покаянием, в посте и усердном посещении храма Божия, в благотворении пострадавшим и беглецам, голодным сиротам и убогим являя силу и искренность своего покаяния. И Господь отвел карающую руку от православного царства нашего. Грозный хан со своими полчищами по неизвестной причине вдруг сам оставил и Москву, и пределы России.

Через четыреста лет повторяется теперь древняя история, только повторяется в других размерах и под другими именами. Враг не подступил к столице, но он – в пределах России. Беглецами наполнилась и Москва, и другие города русские. Людей, которые терпят всевозможные лишения от войны, – великое множество.

И путь нашего избавления – все тот же путь, что был и прежде. Пусть воинство наше исполняет свой долг на поле брани, на огромном пространстве в 500 верст, отражая врага злобного, многочисленного, хорошо вооруженного. Мы здесь, в глубоком тылу, должны помогать воинству, снабжая его всем необходимым, усиливая средства обороны, давая уход раненым, увечным воинам, помогая детям убитых и облегчая жизнь беглецам из занятых неприятелем местностей. Но все это требует воодушевления, а воодушевление дается молитвой. Все это требует милосердия и благословения Божия, ибо от Него всяко даяние благо и всяк дар совершен, а милосердие Божие дается покаянию.

С грустью мы отмечаем, что не видно в столице нашей общего покаянного настроения. С грустью отмечаем, что зрелища и места увеселений, театры, кинематографы переполнены и поражают своими бесстыдными объявлениями о бесстыдных зрелищах, на которых присутствуют раненые солдаты и дети. И когда же назначают эти зрелища? Читаем, что даже в канун 1 августа, когда мы выносим Крест Господень, символ страдания Христова, искупления греха и нашего покаяния! Поистине – это «пир во время чумы»! Поистине – «били меня, и я не почувствовал» [ср.: Притч. 23, 35], по слову пророка.

Но род избранных, однако, есть, и семя свято на Руси не умерло! Есть и смиренные богомольцы, как были они во дни святого Василия блаженного, и нынешнее ваше молитвенное предстояние – тому живое доказательство. Ради избранных рабов Божиих, как некогда ради молитвы блаженного Василия и его сомолитвенников, Господь избавит и нас от врагов.

Помолимся же усердно, покаемся и воздохнем пред Богом и ради нашей усердной молитвы и церковного торжества прине-

сем сегодня наши лепты на те нужды, которые вызваны войной, особенно на этих несчастных беженцев, на которых, сами вы знаете, нельзя смотреть без слез; рассказов, жалоб и просьб которых нельзя слушать без содрогания!

II. МИР

*Тем Христа Бога моли, да избавит нас
от варварского пленения и междоусобных брани,
и мир миру подаст и душам нашим велию милость.
(Тропарь святому Василию Блаженному)*

Молитва ко святому и блаженному Василию напоминает нам о самом желанном благе для людей: мира миру и душам нашим спасения и велией милости, – вот чего просим мы себе, вот о чем просим молитвенного ходатайства блаженного Василия. Одновременно просим и об устранении того, что мешает этому единственному и самому великому благу: избавления от варварского пленения и от междоусобных брани.

Если когда, то теперь, в переживаемые дни напряженной борьбы с врагом-насильником, особенно умирительно и назидательно звучит это моление к блаженному Василию.

Какого блага искали блаженные-юродивые? Из-за чего они отреклись и от своего ума, с его прирожденной гордыней, и от внешнего уважаемого положения в среде окружающих людей, и от всех даже дозволительных и законных удобств жизни? Чего они искали больше всего на свете?

Искали того, что заповедал искать Спаситель в Евангелии: какая польза, – говорит Он, – какая польза человеку, если он

приобретет весь мир, а душе своей повредит, или что даст человек взамен души своей? Этого-то спасения души искали блаженные-юродивые, искали особыми, редкими путями, которые совершенно недоступны для всех людей, а открыты только редким и избранным. Но цель их стремлений была та же, какая должна воодушевлять и всех нас, всех христиан, членов Церкви Христовой. И мы превыше всего должны ставить спасение души своей, и мы, каждый своим особым жизненным путем, исполнять должны заповедь апостола: со страхом спасение свое соделайте [ср.: Флп. 2, 12].

Значит ли это, что Евангелие отрицает и отвергает всякое земное устройство, всякое государственное бытие и общественное устройство? Значит ли это, что юродивые были, по нынешнему принятому выражению, – анархистами?

Нисколько! Святой апостол на все века с удивительной силой и вместе с краткостью определяет цели, с одной стороны, условия и средства для этой цели – с другой, для всякого христианина. Молю, – говорит он, – прежде всех творить молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте, сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим, нашим Богом, иже всем человеком хочет *спастися и в разум истины приити...* [1 Тим. 2, 1–4].

Итак, познание истины и спасение – наша цель; тихое и безмолвное житие земли – это необходимое условие для достижения цели, а государственное устройство, правление Царя и тех, иже во власти суть, – это средство для того, чтобы нам обеспечить необходимые условия в земной жизни для достижения общей и вечной цели христианина – спасения души.

Не ясно ли теперь, почему мы просим молитвенного предстательства и ходатайства святых пред Богом о том, чтобы нам избавиться от варварского нашествия и пленения, – то есть иметь мир внешний, и от междоусобной брани, – то есть иметь мир внутренний, – тихое и безмолвное житие? Не ясно ли, что прошение это есть в сущности прошение о спасении душевном? Не ясно ли, что молитва ко святому и блаженному Василию об этом благе вовсе не стоит в противоречии с его подвигом юродства, что юродивые в согласии с Евангелием не отвергали всего внешнего быта и устройства жизни людей, а только учили словом, а главное, примером и жизнью, которая была сплошною своего рода притчею и образом, – учили тому, чтобы средство – устройство жизни – не обращать в цель, и из-за средства не забывать цели, то есть вечного душевного спасения.

Итак, мир внешний и мир внутренний, – наше единение, взаимное согласие, – вот что нам нужнее всего, чтобы иметь тихое и безмолвное житие, дающее среду, путь, условия для беспрепятственного служения вечному спасению.

И вот, как ни странно, этот мир достигается иногда только войною, как мы и теперь можем видеть и наблюдать. Не русский народ начал войну с Германией, не русский народ сорок лет готовился для войны; не русский народ, а народ немецкий предупредительно накапливал невообразимые по количеству запасы и склады всяких военных снарядов, храня все это в тайне от соседей. Русский народ вынужден был выйти на войну, и русское воинство обязано было идти против варварского нашествия, чтобы избавить ближних, то есть Родину, от варварского пленения, дать ей мир, столь необходимый для духовно-нравственного преуспевания и спасения душ наших. Ибо не всякий

мир есть действительно мир. Уступить врагу, предоставить злу торжествовать, отойти в сторону пред насильником, как поучает Толстой, – это значит не мир блюсти, а себя самого, только себя возлюбить, свой покой, притом мнимый, охранить и показать не миролюбие, а простую трусость, дряблость духа и уступчивость пред злом. Отдать города на разграбление, Церкви на поругание, население на бесправие и насилия, лишить всех мирного и безмолвного жития, обратить всех в беженцев, которыми теперь переполнились наши города, – это не подвиг миролюбия, заповедуемого христианством, а измена делу христианства. Мир не есть позорная сдача пред злом, и не есть лукавое прикрытие собственного себялюбия, не есть сделка совести...

И посему пусть усердною и воодушевленною звучит наша молитва о православном нашем воинстве, на брани подвизающемся, пусть не будет и помысла о возможности для России мира позорного, и пусть ныне до глубины души нас трогает и волнует и из глубины сердца изливается молитва ко святому и блаженному Василию: тем Христа Бога моли да избавит нас от варварского пленения и междоусобных брани, *и мир мирови* подаст и душам нашим велию милость. Аминь.

О ПОЗНАНИИ ТАЙНЫ ЖИЗНИ БОЖЕСТВА¹

*Преобразился еси на горе, Христе Боже,
показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху;
да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный...*

Якоже можаху... Так видели апостолы преобразившегося Господа. Не может конечный, ограниченный и тварный разум человека вместить бесконечное, неограниченное существо Творца, как не может малый сосуд вместить в себя более того, что в него входит, как не может горсть человека захватить и вместить вселенную. Конечно, говоря так, мы берем только образ, сравнение, подобие, и, конечно, не количественная сторона разумеется в нашем рассуждении. Но на человеческом языке нашем нет слов, в нашем воображении нет красок, нет образов, которыми мы могли бы определить в точности самую сущность Божества и наше к нему отношение: мы делаем это, как и апостолы: якоже можаху, – в образе видимого и доступного нам мира. Видим ныне, яко зеркалом в гадании – как бы сквозь тусклое стекло и гадательно, – так говорит и апостол (1 Кор. 13, 12).

Знала это ветхозаветная древность. Моисей-Боговидец, тот самый, что ныне явился преобразившемуся на горе Богочеловеку, некогда просил Господа: «Яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя» (Исх. 33, 13). И получил в ответ: «Не может человек видеть лице Мое и не умереть» [ср.: Исх. 33, 20].

---

¹ Поучение в праздник Преображения Господня 6 августа 1915 г.

Знает это и христианское сознание. Блаженный Августин, один из величайших и вдумчивых религиозных мыслителей, вооруженный всем образованием века и самыми редкими талантами блистательного ума, однажды долго, до полной усталости и изнеможения, размышлял о тайне жизни Божества во Святой Троице, о чем он писал большую книгу. Утомленный чрезвычайным напряжением ума, он вышел на морской берег на отдых, но и здесь течение его мыслей направляло его все к тому же предмету. Вдруг видит он на берегу мальчика необыкновенной красоты, который производит какие-то странные и непонятные действия: маленькою серебряною ложечкой он черпал воду из моря и выливал ее в небольшую яму. К нему подошел Августин, заинтересованный виденным, и спросил: «Что ты делаешь, дитя?» Ребенок ответил: «Хочу вычерпать море и поместить в эту ямку»... «Но ведь это явно невозможно», – заметил Августин. И в ответ он слышит от чудного отрока, – а это был Ангел, – следующие слова: «Но ведь скорее я вычерпаю моею ложкою море и помещу его в эту яму, чем ты вместишь в твой ум и в твою книгу неведомую тайну Божества во Святой Троице»... Другой величайший богослов, «ум крайнейший», то есть проникший до самых последних глубин доступного человеку познания о Боге, святой Григорий Богослов, замечает: «Божество необходимо было бы ограничено, если бы оно постигалось мыслию, ибо и понятие уже есть вид ограничения». Наука о познании только в недавнее время уразумела и научную ценность этого учения святого отца.

Вот почему в Ветхом Завете Сам Господь возвещает людям: «Я говорю к пророкам и умножаю видения, и чрез пророков говорю в притчах» (Ос. 12, 10), то есть Бог доступен нам только

в образах, подобиях и символах или в Своем только отражении в жизни природы и людей. Так, на солнце не может смотреть глаз человека и видит его в отражении в воде...

Вот почему и апостолам дано было видеть славу преобразования в земных образах, – якоже можаху, – говорит песнь церковная, или в другом песнопении – «якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша».

Свет Божества есть свет присносущный; человеку конечному и не вечному по началу бытия как же постичь Вечного?

Свет Божества есть свет Существа Всесвятейшего: как же грешник уразумеет Всесвятого?

В жизни обыкновенной человеческой разве ребенок в состоянии понять планы, мысли и действия взрослого человека? Объяснять их ему бесполезно, как бесполезно слепому от рождения объяснять цвета и глухонемому – звуки. Человек и взрослый, малообразованный и малоспособный, часто совершенно не может постигнуть и как бы войти в состояние, в настроение и миропонимание другого человека, образованного и одаренного; человек, привыкший руководиться в жизни одними соображениями грубой материальной пользы и чувственности, не в состоянии понять настроения и действия человека духовно-настроенного. Но если так в отношениях людей между собою, то что же сказать об отношении человека к Богу, твари к Творцу, конечного к Бесконечному, грешного к Всесвятому? «Горе тому, – говорит пророк, – кто препирается с Создателем своим, – черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: «Что ты делаешь?» И твое дело скажет ли о тебе: «У него нет рук?» (Ис. 45, 9).

Но ребенок постепенно приближается к взрослому, не ученый – к ученому и при этом тот и другой могут даже и перерасти

и превзойти тех, кто был выше их: в отношениях человека к Божеству также есть бесконечное развитие меры и способности восприимлемости познания Божества, бесконечное постепенное развитие человека, духовное и нравственное, но только без возможности достигнуть полной меры познания Божества, сравняться с Ним или превзойти Его. «Не насытится око зрением, не наполнится ухо слышанием» (Еккл. 1, 8).

Для человека-христианина здесь открывается бесконечное счастье, бесконечная жизнь, ибо где остановилось развитие, там остановилась и жизнь. Для людей всегда оставалось и остается законом: они познавали Бога и всегда будут познавать Его, как и апостолы: «якоже можаху», «якоже вмещаху», в меру духовного возраста, в меру степени своей духовной восприимлемости. Закон этого роста восприимлемости – тот же, что и в восприимлемости умственной в пределах земных: чем больше кто познал, тем больше еще познать может. Так и говорит святой Иоанн Богослов: от полноты воплощения Божества во едином лице Богочеловека мы все приняли благодать на благодать (Ин. 1, 16), то есть чем более приняли благодати и истины, тем более способны и еще принять. Так пьющий в жажде соленую воду, чем больше пьет, тем более пить хочет... И наоборот: остановиться в духовном развитии и остаться в прежнем положении нельзя: кто остановился, тот неизбежно пошел назад.

Чем же и как мы изоощряем, поднимаем, возвышаем и развиваем в себе меру восприимлемости в познании Божества и приближении к Нему, к Его присносущному свету, к Его вечной славе?

Верю понимаем, – говорит апостол (2 Кор. 5, 7). Ее-то прежде всего надобно хранить, укреплять, углублять. Она от-

крывает невидимое, она дает то, чего не дает человеческий разум, она и начинается там, где разум кончает и умолкает. Вера изоощряет самую восприимлемость нашу к познанию духовного мира и приводит к тому, что в вечной жизни мы увидим лицом к лицу, а не отчасти только; увидим там ясно то, что теперь видим только как бы сквозь тусклое стекло и гадательно: Их же око не виде и ухо не слыша, то приуготовлено Богом для любящих Его [ср.: 1 Кор. 2, 9]! И вера растет: «Праведник от веры жив будет, и правда Божия в нем является от веры в веру» (Рим. 1, 17), – так свидетельствует апостол. «Умножь в нас веру» (Лк. 17, 5), – молят Христа и сами апостолы. И с ростом веры растет наша мера восприимлемости в познании Бога.

Но вера не есть сила и способность только теоретически познавательная. Она отражается и отпечатлевается во всем существе человека: и в мысли, и в жизни, и в разуме, и в чувстве, и вместе непременно в воле, то есть в живой деятельности и действительности. Человек есть образ Божий, и чем больше он своею волею осуществляет черты своего Первообраза – Бога, Его вечной правды, любви, святости и духовности, тем более он приближается к Богу, тем более растет его мера духовной восприимлемости.

Человек человека познает в живом общении. То же и относительно Божества. Общение с Богом есть молитва, есть размышление о Боге и Его делах. Когда и как преобразилась человеческая природа Богочеловека? На Фавор восшел Иисус, чтобы помолиться. И егда моляшеся (Лк. 9, 29), тогда именно просветился лице Его, яко солнце, вид Его изменился, и одежды Его стали белы, яко снег, и облак светел осенил Его, и явистася Ему Моисей и Илия... [ср.: Мф. 17, 2–3]. В молитве Он преобра-

зился на Фаворе, в молитве просветлена для Него и тьма Гефсиманского великого искупления. Тем боле для человека, в его отношениях к Божеству, молитва постепенно как бы истончает те перегородки и препоны, которые отделяют мир Неба от мира земли, и приближает нас к Богу. Так даже во всякой религии, насколько есть в ней крупица истины. Но полнота приближения к Богу – в религии богооткровенной.

В христианстве, мы знаем, Бог приблизился к нам до последней степени общения, приблизился в Богочеловеке, в земном Его житии, в непосредственном проповедании Им Евангелия, в указании, что есть воля Божия о нас и в нас, в нашей жизни, и как мы ее должны понимать, в искуплении, в учреждении Церкви, как вечного богочеловеческого союза с ее богоустановленными таинствами, дающими чудное общение с Богом и с ее богоустановленным воспитательным строем, который и целью своею имеет возвести человека от земли к Небу. Вот где постоянное духовное возрастание, вот где единственное и только здесь, в Церкви Христовой, доступное общение с Богом, вот где бесконечное и безграничное расширение меры духовной нашей восприимлемости, – благодать возблагодарить [Ин. 1, 16]. Блажен, кто не отошел от Церкви, блажен, кто имеет этот родник, питающий силы и непрерывное развитие нашего духа. Благо и нам, что мы, пастыри и пасомые, – едино в Церкви спасающей и воспитывающей дух наш в познании Божества и в приближении к Нему. Здесь, говорит Слово Божие, «Господь поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных – нас недостойных – пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова». Для чего же? «Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия,

в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова, дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения...» (Еф. 4, 11–14).

Насколько вместить можем, – а можем мы вмещать бесконечно, ибо «не мерою Бог дает Духа» (Ин. 3, 34), как говорит Предтеча благодати в Евангелии, – насколько вместить можем, будем всю жизнь искать богопознания, богослужения, богообщения, и узрим то, что узрели избранные апостолы на Фаворе и сами получим вечное и непрестающее духовное преображение от веры в веру, от силы в силу (Пс. 83, 8), от блаженства к блаженству. Господи, послы свет Твой и истину Твою, та мя настави и введоста мя в гору святую Твою! [Пс. 42, 3].

ВО ДНИ ЗАПОВЕДАННОГО ПОСТЯ И ПОКАЯНИЯ

І. ЗАПОВЕДЬ ЦЕРКОВНАЯ¹

Мы сейчас объявили вам пастырское послание Святейшего Синода, – призыв к нарочито назначенному церковною властью подвигу поста, покаяния и молитвы, говения и причащения Святых Таин. Церковная власть есть власть отеческая. Она не повелевает принудительно, как власть мирская, она не требует, не грозит прещениями и карами: она просит, убеждает, советуется, она молит во имя нашего блага на земле и на Небе.

Но от этого отеческого характера и тона послание Святейшего Синода становится еще более обязательным для нас, верных чад Церкви, еще более требует к себе внимания. Власть духовная всегда есть власть свободная и сама в себе, и в своих чадах. Послушание наше Церкви есть послушание вольное и любовное. В этом его бесконечно высокая цена и значение, наша похвала и заслуга.

Но в жизни Церкви, внутри ее, конечно, не может быть места беспорядкам. Вся у вас благообразно и по чину да бывают, – завещает апостол (1 Кор. 14, 40). Поэтому напоминаем вам, братие, мало, к сожалению, ведомые у нас так называемые *церковные* заповеди: они указывают на долг повиновения

---

¹ Поучительные слова по поводу назначенного Святейшим Синодом подвига поста и покаяния 26–29 августа [1915 г.]. Первое слово сказано 23 августа [1915 г.] после прочтения послания Святейшего Синода.

нашего церковной власти, особенно в области молитвы, богослужения и того, что называется церковной дисциплиной. Одна из этих десяти заповедей, именно седьмая, предписывает верующим «соблюдать особые распоряжения епископа о молитвах и постах».

Пред нами теперь именно такое особое распоряжение, и не местного только епископа, а всего священноначалия Русской Церкви. Мы должны знать, что несоблюдение заповедей церковных грозит нам анафемой, то есть отлучением от Церкви, не внешним даже действием власти, не громогласным о том объявлением, а невидимым судом Божиим и внутренним судом нашей собственной совести: не исполняя воли Церкви, мы, конечно, чрез это сами себя отлучаем от Церкви.

Знаем, к глубокому сожалению, что много найдется среди нас таких, которые вступят на этот гибельный путь противления Церкви, вменят ни во что кроткий глас ее, останутся вне подвига поста и покаяния. Знаем и уже читаем в газетах, что многие даже осуждают это послание и этот призыв Святейшего Синода: «Зачем, говорят, вооружаться теперь против увеселений и зрелищ, которые поддерживают бодрость в народе и предохраняют его от уныния?»...

Жалкие люди! Жалкие рабы суеты! Жалкие и неразумные дети! Вы нуждаетесь в обмане, в сознательном, намеренном обмане, чтобы скрыть от себя самих тяжелое положение! Вы нуждаетесь в игрушках, побрякушках и забавах, чтобы хотя искусственно рассеяться и забыть о бедствии Отечества! Это ли знак достойной жизни? Это ли признак великого народа?

Нет, мы должны трезво и прямо смотреть в лицо жизни, ясно сознавать свое положение, с открытыми глазами стоять

пред опасностью. Положение наше тяжелое. Враг – у ворот. Сотни тысяч беженцев – живые свидетели бедствия. Этого мало. Внутреннему нашему спокойствию и единению грозят низкие происки низких людей, для которых благоразумие и благородство духа не существуют, для которых время бедствий Отечества есть время для сведения личных счетов, для осуществления узких, своекорыстных замыслов, достижения своих целей, для осуществления своих прав, для борьбы с правительством. Среди нас есть много таких, которые легко поддаются всякому злостному навету и всякому навеваемому страху, – и они для сохранения своих выгод и удобств бросаются, например, и теперь к тому, чтобы накопить у себя мелкую разменную монету, осаждают банки, магазины, не стыдятся с тою же целью использовать даже церкви, часовни с их свечными ящиками, и тем колеблют всеобщее спокойствие...

Знаем мы все это, прямо называем опасность опасностью, но говорим не для того, чтобы внушить страх и трусливость, а, наоборот, чтобы поддержать порядок и бодрость жизни. Нам ведомо, что даже в сердце России, в Москве, стоял некогда враг, а земля была безгосударна: но воодушевление веры, молитвы, отрезвление духа в покаянии спасли народ от гибели. Нам ведомо, что и Наполеону отдали Москву: но эта победа была для него гибелью. Такою же гибелью будет и для немцев продвижение их в глубь России.

Укрепитесь же, колена ослабленные [Евр. 12, 12], поднимитесь, сердца унылые, и взоры, долу поникшие! Стойте в вере, бодрствуйте, мужайтесь, укрепляйтесь! [1 Кор. 16, 13].

Пусть не все исполнят призыв Святейшего Синода: Бог им судья. Но верные чада Церкви пусть послушают голоса Церкви,

и пусть эти послушники ее будут теми десятью праведниками, ради которых Господь готов был некогда помиловать древние согрешившие города.

Молим, просим вас нашу любовь и повелеваем вам нашей духовною властью – свободно исполнить заповедь высшей церковной власти, Святейшего Синода, о посте и покаянии. Примите за правило: *кто может, тот должен выполнить все то, о чем говорит нам эта заповедь*. И посему поститесь в указанные четыре дня (26–29 августа), и поститесь, как во дни Великого поста, не вкушая даже и рыбы. Молитесь, посещайте богослужение, кто может – утром и вечером, а кто не может – хотя бы только один раз в день.

Если есть хоть какая-либо возможность, постарайтесь все поговорить, очистить совесть покаянием, приступить к Чаше Господней. Говейте даже и те, кто недавно, в минувший Успенский пост говел: ныне подвиг особый и чрезвычайный. В соборе нашем будет совершаться служба ежедневно: 26-го – во славу Богоматери, 27-го – во славу святых Василия и Иоанна Блаженных, этих живых носителей целожизненного смирения и покаяния, 28-го – во славу младенца-мученика Гавриила, младенчеством своим и терпением мук за Христа осуждающего всякое малодушие, поучающего нас подвигу терпения, и 29-го – во славу Иоанна Предтечи, проповедника покаяния, и в молитвенную память об убиенных на брани воинах.

Вострубите трубою на Сионе, бейте тревогу, объявите пост, плачьте и рыдайте, священники, молись, народ, на горе святой Моей, – так заповедала нам священная древность (Иоил. 1–2 гл.). Аминь.

II. ДУХОВНЫЙ ПОДЪЕМ¹

Радуйся, царств православных несокрушимая крепосте и ограда!

Радуйся, вождей и воинств христианских крепкое ограждение!

Радуйся, Ею же воздвизаются победы!

Радуйся, Ею же ниспадают врази!

Знает и ныне воспоминает отечественная Церковь наша заступление Богоматери, явленное русскому народу в грозные дни нашествия жестокого Тамерлана. Память о таких многократных проявлениях помощи Богоматери народам православным и вызвала, конечно, эти молитвенные хвалы и благодарения к Пресвятой Богородице, которыми мы начали сейчас наше проповедное слово и которыми полны составленные во славу Богоматери акафисты и молитвы. Знает древняя Византия, знает древняя православная Грузия, знают Афон и Балканы о таких же знамениях дивного и великого заступления Пресвятой Матери Божией. История Ее чудотворных икон – Албазинской, Боголюбской, Владимирской, Гребневской, Донской, Знамения – Новгородской, Казанской, Смоленской Одигитрии, Тихвинской и многих других, это – история спасения народа нашего во дни войны и нашествия супостатов. И ныне воспоминаем мы о некогда бывшем событии нашего спасения, о дивном явлении Богоматери Тамерлану, которое настолько устрало грозного и беспощадного завоевателя, что он неожиданно для русских и для своих воинов отказался от разорения России и оставил пределы ее 520 лет тому назад.

---

¹ Поучение 26 августа 1915 г.

Но история человеческая есть история не камней или растений, подвергающихся только внешнему изменению, не зверей и животных, в тупой покорности только подчиняющихся внешним причинам: это история существ, одаренных свободой, разумом, нравственным сознанием, которые не только подчиняются обстоятельствам, но часто и управляют ими. История человеческая – не механическая только смена событий: она, правда, влияет на людей, делает и создает жизнь, но, с другой стороны, и люди, так сказать, тоже делают и создают историю.

Поэтому и знамения силы Божией чрез святыни, чрез заступничество святых и Богоматери были не механическими и внешними, а вызываемы были и духовными явлениями в жизни наших предков. Подъем духа, подъем веропокаянных чувств, одушевление подвига, – вот что предшествовало всякий раз чудесной помощи Божией нашему народу. Сам Иисус Христос у Себя на Родине не совершил тех знамений, которые явил Он в Капернауме и других городах. Причину этого кратко и выразительно указывает евангелист: «Не сотвори ту Иисус чудес многих *за неверство их*» (Мф. 13, 58).

И теперь Святая Церковь, призывая помощь Божию нашему народу во дни нового, во многом подобного Тамерланову, нашествия врага, призывает нас к духовному подъему и возрождению, к посту, молитве, покаянию, к усиленному духовному подвигу, к воздержанию от пустых и греховных забав и удовольствий, ко взаимному прощению обид и к говению.

Мы уже говорили, как встретила такой призыв часть нашей печати: она осудила такой духовный подъем и указала его источники именно в удовольствиях и развлечениях, в этом воистину «пиршестве во время чумы»; здесь она нашла источник бо-

дрости и радости, забвения горя и скорби народа... Мы указали уже на то, как недостойны такие суждения, как они оскорбительны для людей серьезных и вдумчивых, как опасно это временное опьянение забавами, которое несет за собой еще большую горечь после неизбежного пробуждения...

Читаем и слышим теперь и другие суждения. Нам, говорят, нужен не подъем духа, а успехи техники... не духом, а пушками и снарядами мы сокрушим врага...

Итак, доселе самым тяжелым состоянием для христианина считалась двойственность, о которой говорит Христос: дух бодр, плоть же немощна; еще более тяжелым и уже гибельным представлялось страшное единство – подавление и плоти, и духа. Теперь объявляется спасительным новое и своеобразное единство: одна бодрость плоти и полное отрицание духа... Можно ли идти далее в языческом мировоззрении и в языческом устройении жизни? Можно ли иметь в большем забвении слово нашей святой веры: «Дух животворит, плоть же не пользует ни мало» [ср.: Ин. 6, 63]?

Мы, христиане, конечно, не станем говорить, что нужен нам для победы над врагом только один подъем духа; мы знаем, что всякое воодушевление дает свои плоды, как причина дает следствие, дает плоды и в нынешнем нашем тяжелом положении, но мы не станем по-детски ожидать одних последствий без предшествующих причин. Да, нужно не одно теоретическое и отвлеченное воодушевление, нужна техника, то есть вооружение, работа и деятельность. Но ведь и технику создает тот же дух, успех ее зависит от того же воодушевления.

В чем же это воодушевление?

Не все отрицают его необходимость и важность, но не все видят его там и в том, где и в чем нужно. Многие полагают и проявляют его теперь в энергии злобы, злоречия, осуждения, мстительности, в партийных, сословных и иных подобного рода счетах и упреках, расточаемых по отношению и к правительству, и к отдельным сословиям, и к отдельным лицам. О, остерегайтесь! Остерегайтесь слушать ложных пророков, говорящих высокие фразы и ими прикрывающих низкие цели и побуждения, одетых в одежду овчюю, а душу имеющих волчью! От плодов их узнаете их! узнаете их в раздорах, в разделении и неминуемом ослаблении Родины, узнаете в той пустоте, горечи и глубокой душевной неудовлетворенности, которую дают в конце концов их озлобленные речи! Такое воодушевление имеет ведь и сатана, и оно справедливо именно его может назвать своим виновником и покровителем. Такое воодушевление, хотя бы оно прикрывалось и даже было бы в действительности искренним патриотическим порывом, есть воодушевление временное и скоропреходящее; такое воодушевление большею частью соединяется только с земными, суетными, часто с личными, партийными, вообще своекорыстными побуждениями.

Мы же, именем Церкви Божией, именем нашей веры, нашего христианства, именем духа нашего вечного и богоподобного, проповедуем о другом источнике воодушевления, вечном, высоком, достойном и спасительном, которое создает, а не разрушает, утверждает нас, а не колеблет. И этот источник нам ныне и указывает высшая власть церковная в молитве, покаянии и посте.

Нам воспоминается пост народа Израилева у грозного Синая. Нам воспоминаются покаянные посты царепорока Дави-

да. Нам воспоминается пост и покаяние язычников ниневитян, послушавших голоса пророка, Богом Истинным посланного.

Нам воспоминается пост Самого Спасителя пред великим делом служения спасению людей, и пост апостолов пред отправлением на проповедь, и посты первых христиан.

Нам воспоминается укор Спасителя городам израилевым и указание на то, что если бы даже в языческих, распущенных городах Тире и Сидоне явлены были чудеса Христовы, которые ведомы и видны были Израилю, то и эти города *в посте* и *пепле покаялись* бы пред Богом [ср.: Лк. 10, 13].

Неужели и мы хуже тирян и сидонян, хуже содомлян? Неужели пост и покаянный подвиг Москвы, бывший 520 лет назад при нашествии Тамерлана, для нас – не более, как историческая справка, а не живой и движущий, и увлекающий пример?

Пусть говорят и взывают о «мобилизации» промышленности. Это нужно, и доказывать ее необходимость и пользу – все равно, что утверждать о свете, что он есть свет.

Пусть говорят о «мобилизации общественных сил»: никто не может спорить и возражать против благодетельности такого общественного, жизненного подъема, если он устремляется на содействие власти, на помощь армии в великом деле защиты Родины, а не на ослабление власти, не на борьбу с нею, не на использование затруднений власти в каких-либо узких, личных или партийных целях и вождедениях, теперь в сто раз более преступных, чем в другое, спокойное время. Каждый в отдельности и все вместе, и личным подвигом, и целыми сословиями, группами, классами – все должны теперь исполнить свой долг: вот в чем должна состоять «мобилизация общественных сил».

Но прежде всего и превыше всего надобно поставить, так сказать, мобилизацию духа, – подъем духа, ищущего Бога и вечности, ищущего нравственного очищения, ищущего перерождения и обновления в молитве, покаянии и взаимном прощении обид, в Таинстве Покаяния и Божественного Причащения. Здесь вечный, неиссякаемый и самый верный источник достойного воодушевления, и оно воистину сотворит чудеса!

Пойдем искренне и вседушевно, не озираясь назад и по сторонам, этим путем!

Послушаем гласа Церкви Божией. И в любви нашей к Родине, и в ревностном желании послужить ее благу и спасению, и в патриотическом нашем воодушевлении, столь законном, естественном, похвальном и благословенном, будем помнить вековечное правило: народ, забывший о Небе, недостоин жить и на земле, а любящим Бога все споспешествует во благое [Рим. 8, 28]. Аминь.

III. ЦЕЛОЖИЗНЕННЫЙ ПОДВИГ

У святых мощей блаженного Василия и блаженного Иоанна наш всенародный подвиг молитвы и покаяния, к которому пастырски призывает нас теперь Святейший Синод, имеет особливые поучительные напоминания и заветы.

Что такое подвиг блаженных юродивых? Кто и для чего его нес с терпением? Чему он учил и учит православный народ?

Глубоко сознала душа святого Василия Блаженного и свою собственную греховность, и греховность окружающего мира в тогдашней Москве, столице Русского царства, уже сделавшейся свободной от татар, разбогатевшей и усилившейся. Глубоко со-

знала его душа опасность гордыни и превозношения, опасность всякого вида плотской распушенности, – и ушел святой Василий в подвиг душевного своего спасения и спасения ближних. Лучшей проповедью о суете греховной жизни избрал он наглядный пример самого крайнего и резкого осуждения греха, и этим примером он поучал жизнь. Источник греха – гордыня ума, самопревозношение, ведущее к борьбе против Бога и к неприметному подчинению врагу Божию – диаволу: потому-то блаженный Василий решил отказаться от самого ума, решил лучше быть безумным в очах людей, чтобы быть мудрым о Боге. Еще источник греха – это наша чувственность, служение и рабствование плоти: плоть побораает на дух; плоть порабощает греху; плоть влечется долу к земле; плоть, подчинившись греху, делается удобным орудием диавольского ловления. И потому блаженный Василий отдал свою плоть на самые тяжелые мучения; он «изнурял ее постом, и бдением, и мразом, и теплотою солнечною, и слотою (слякоть, грязь), и дождевным облаком»...

Глубоко сознала душа Иоанна блаженного глубину человеческого зла, себялюбия, засилья человеческой жадности, корысти, обид со стороны богатых и сильных бедным и слабым! Глубоко сознала его душа, что зло распространено повсеместно и надобно обличать его всегда и всюду без слов, громче слов, – надо принимать меры к тому, чтобы волей-неволей люди обращали внимание на опасность греха и порока. И поэтому блаженный Иоанн носит воду на соляных варницах, помогая в этом, при тогдашних условиях добычи соли, чрезмерно тяжелом труде людям бедным, больным, слабым, людям подневольным, – за что и прозывается Водоносец; поэтому и переходит блаженный Иоанн из Вологды и пределов Вологодских, из своего Отечества,

и в Ростов, и в царствующий град Москву; поэтому носит он тяжелые вериги, юродствует Христа ради, вся красная мира сего возненавидев, живет и скитается среди людных городов, яко в пустыне, голодом и жаждою и безмерною тяготою плоть свою изнуряет, пеплом и смолою удручает свою главу, в непрестанном посте и молитве пребывает в притворе церковном, в целомудрии и терпении скончивает течение и преселяется к вечным обителям, презрев обиталища временные и земные.

Не для себя совершали свой подвиг блаженные юродивые. Они хотели яркостью и показностью своего подвига, его безмерною тяготою образумить современное греховное общество и послужить спасению жизни.

Примем же их вождями и учителями в нашем теперешнем подвиге поста и покаяния.

И прежде всего, да будет наше решение покаяния и исправления не на день или два, а на целожизненный подвиг, как у блаженных юродивых. Искреннее и глубокое обращение не бывает в действии минутным и кратковременным; сильные и глубоко захватывающие решения не могут остаться бесследными в жизни. Пусть будут потом минуты слабости и уныния, пусть ждут нас плачевные нравственные падения, пусть не раз мы будем видеть, как мы немощны в борьбе со злом: пусть, однако, не охватывает нас отчаяние, пусть не умирает в нас сознание необходимости исправления, надежда на возможность восстания и исправления, пусть тем более разгорается решимость бороться со грехом, пусть усугубится искание помощи Божией для нашего нравственного духовного созидания. Идеже умножится грех, избилует благодать [Рим. 5, 20]! Целожизненный труд даст нам силы твердо, всецело, безраздельно отдаться Богу и Его святой

воле. Никто же, возложив руки на плуг и озирающийся назад, не годен для Царства Божия.

Уразумеем опасность и духовную пагубу гордыни, – той гордыни, которая теперь лежит в основе суждений и деятельности современных людей, и особенно вождей и руководителей общественной мысли и жизни. Да, именно гордыня ума обуяла нас. Все, чем жил наш народ в течение тысячелетий, – его сокровища веры, – теперь нередко предается глумлению и осмеянию. Власти не слушают. Церкви не повинуются. Все критикуют и всех критикуют. Все повелевают и рассуждают, а повиноваться и работать некому. Все говорят, и некому делать. Все в претензии, почему их не поставили во главу управления. Все готовы давать советы и армии, и ее вождям, и правительству, и его представителям. Потеряна, по-видимому, всякая способность кого-либо и что-либо любить и уважать, и осталась только сатанинская гордыня, самолюбование и способность все и всех осуждать.

Не ясно ли, что такое общество может быть приведено к смирению только необычайными и страшными ударами судьбы? Не ясно ли, что только огромные бедствия могут нас образумить! Уже и секира при корени древа лежит [ср.: Мф. 3, 10]; уже лопата Его в руке Его и очистит гумно Свое [ср.: Лк. 3, 17]: итак, время смириться, время заставить умолкнуть проклятую гордыню и превозношение, время раздаться слову: «смиритесь и покайтесь»!

Уразумеем опасность и духовную пагубу всякого вида чувственности. Посмотрите на торговлю, пройдите по торговым помещениям и скажите: чего больше в продаже, предметов ли действительной необходимости, или предметов ненужной, часто безумной роскоши? Посмотрите: театры, кинематографы,

места пустых, суетных, а часто и греховных удовольствий открыты и полны. Спросите: почему это людям весело, когда враг у ворот, когда сотни тысяч воинов убиты, сотни тысяч ранены, когда сотни тысяч беженцев, вчера еще сидевших в довольствии и достатке в своих семьях, теперь идут, едут, бегут, испытывая неизобразимые страдания с семьями и малыми детьми? Спросите: отчего же этим людям весело? Почему они свой досуг не отдадут на пользу Родины и ближних? Оттого, что чувственность овладела ими! Не могут расстаться со своим покоем, хотят вкусно есть и пить, изысканно одеваться; хотят своему телу предоставить все наслаждения; предаются тайному пьянству и распутству, – и живут так, как будто нет войны... Заговорите с ними о необходимости стеснить себя, чем-либо пожертвовать, чтобы поделиться с обездоленными и пострадавшими от войны, – вас не станут слушать, не захотят расстаться ни с одним удобством жизни. Церкви и монастыри они готовы лишиться и средств, и благолепия, и имущества, чтобы прекратить в них богослужение и молитвы (им молитвы не нужны!), лишь бы там поместить лазареты для больных и раненых воинов; только с этой стороны Церкви и оказались им нужны; но рестораны, загородные презренные кабаки, знаменитые роскошью, пьянством, разгулом, развратом и убийствами, поглощающие миллионы беспутных денег, цирки, обширные кинематографы, – все эти помещения, в которых могут поместиться все вновь прибывающие раненые, – а их до 70 000 сверх уже бывших в Москве, – все эти помещения неприкосновенны, свободны и по-прежнему служат ваалам и астартам распутства и пьянства!..

Что же это, как не пир Валтасара? Что это, как не издевательство над Божиим гневом и над страданиями близких? Что

это, как не духовная бесчувственность, которую не проймет ничто, кроме огня небесного?

Жалуются на стеснения от войны, на дороговизну, на множество средств, идущих на нужды войны. Но что, если бы мы ограничились необходимым и оставили все, что сверх необходимости, все, что служит роскоши? Сколько бы средств сохранилось и освобонилось для содержания раненых, для помощи семьям воинов, для попечения о беженцах! Сколько бы слез, сколько страданий, бедствий, сколько бы тягостей жизни было облегчено и устранено! Если бы даже мы пожертвовали каждый только одною какою-либо прихотью: и тогда это было бы и началом подвига борьбы с чувственностью, и вместе помощью бедствиям жизни.

Уразумеем и то, что мы должны жить общественною жизнью, помнить и исполнять общественные обязанности, жалеть народ, страдать за Родину, болеть за Отечество, жертвовать собою, своим трудом, своими средствами для общего блага, созидать духовно и материально жизнь, – и не жить в одиночку, не разрушать общественного блага. Так жили и действовали святые и блаженные Василий и Иоанн, нашедши уединение духа, ищущего Бога, даже среди многолюдства; так жили и пустынники-подвижники и все святые: и своим одиночеством созидали они общество, и своею пламенною молитвою о грешном мире они отводили от него наказание Господа и привлекали Его милости, и примером чистого и непорочного жития давали они исправление и направление жизни.

Будем и мы, сколько каждый в силах, идти путем заповеданного нам подвига борьбы со всякою скверною плоти и духа, служения Богу и ближним, чтобы нам не оказаться не пред

людьми, – это не страшно, а часто спасительно, – а пред Богом девами юродивыми, рабами неключимыми, тою солью обуявшею, потерявшею силу, которая годна только на то, чтобы быть выброшенной вон на поправление и уничтожение! Аминь.

IV. ВЕРНОСТЬ ХРИСТУ

Пред нами в нашем храме рядом с мощами святых и блаженных Василия и Иоанна вы видите, возлег святой мученик младенец Гавриил. Пред нами здесь живое напоминание о бедствии, постигшем наше Отечество, о тяжелой необходимости вывозить святыни из мест, занятых неприятелем. Пред нами как бы продолжение мучений святого отрока, ныне, чрез 225 лет после мученической кончины, как бы гонимого из родных мест и ищущего пристанища далеко за родными пределами.

Но пред нами же – живое напоминание о верности Христу, живое напоминание о величайшем терпении, живое напоминание о младенческой чистоте тела и духа с прочими дарованиями, Богу в правде приятными, апостолом заповеданными: не будьте дети умом, но злобою младенствуйте. Какие великие уроки!

На западе России, около «Белого Стока», в простой крестьянской благочестивой семье, как и блаженные Василий и Иоанн, родился и возрастал отрок Гавриил. В 1690 г., на Страстной неделе, когда христиане готовились сретить и праздновать Святую Пасху, шестилетний отрок Гавриил был застигнут в поле изуверами-фанатиками евреями, во множестве живущими в тех местах, и предан был несказанным страстям и мучениям. Изуверы искали крови и страданий христиан: они распяли невинного и

беззащитного отрока на древе, кололи его в разные части тела, вытачивали из него капля за каплей кровь, пронзили ему бок, пронзили сердце. На третий день тело его было найдено в поле, а потом оказалось нетленным. Церковь причислила замученного отрока Гавриила к сонму святых; мощи его почивают в Слуцке, здесь же пред нами – древний гробик, в котором долго почивало его тело, и вложенная в икону его значительная часть мощей.

Итак, примем проповедь отрока о верности Христу, о терпении до крови, о чистоте тела и духа: какая это теперь для нас уместная и благовременная проповедь, в дни всенародной скорби, в дни заповеданного нам покаянного и постоянного подвига.

Есть нам в чем каяться, гласит пастырское послание Святейшего Синода. Прибавим к этому в смиренном и правдивом самообличении: и есть за что нам наказываться, нести кары Божии, испытывать гнев Божий. Есть основание применить к себе слово Евангельское: думаете ли вы, что эти сотни тысяч погибших и гибнущих на войне новых мучеников, кровь которых Вильгельм, как новый Пилат, смешал с жертвами их, – думаете ли вы, что они грешнее всех, живущих на Руси? «Нет, говорю вам, – слышим мы от Иисуса Христа, – но если не покаетесь, все так же погибнете» [Лк. 13, 3].

Верность Христу... Есть ли она, сохранилась ли она среди нас?

Сколько лет раздирала нас толстовщина, это сплошное поругание Христа, Его Евангелия! Этот антихрист, по свидетельству одного русского философа-христианина (В. Соловьев), – по собственному признанию, «лично ненавидел Христа»; он, подобно ненавистникам христиан – иудеям, говорил кощунственно, что Христос, – страшно выговорить, – не более как «бродяга, которого высекли и повесили»; он уверял, что апостолы «лгали, как бесно-

ватые, когда говорили о Воскресении Христа»; он любил повторять бесстыдно-грубые выходки против Богоматери; он издевался над Ветхим Заветом, отверг апостольские послания, глумился над Искуплением, над Исповедью и Святым Причащением, глумился грубо, нелепо, не щадя нашего религиозного чувства. И все-таки четверть века он был кумиром русских образованных людей, о нем нельзя было ничего сказать в укоризну; когда он умер, газеты вопили, как безумные, и писали ему хвалы. Государственная Дума торжественно почтила его вставанием, хотя он отвергал и государство, и Думу; нашелся даже великий, очень великий мира сего, впоследствии ничего не нашедший во Христе, кроме того лишь, что нашли грубые воины Пилатовы и сам насмешник Пилат: «Царь иудейский», – а по поводу отлучения Толстого от Церкви написавший стихотворение сомнительного остроумия о том, что двенадцать голубей прогнали от себя льва за то, что он с ними не летал и с ними крошек не клевал, подразумевая под крошками хлеба тот Хлеб Божественный, вечный, животный, спасительный, еже есть святейшая и превозделенная для нас, Христом заповеданная Евхаристия... Это ли верность Христу?

Сколько лет господствовал и господствует на верхах и на низах русской жизни, особенно среди рабочего класса, социализм! Знают ли, что современный социализм по существу и в корне отрицает всякую религию вообще, в частности и в особенности – христианство; знают ли, что социализм считает позором христианскую нравственность, почитая ее временною и вредною выдумкою богачей, сдерживающею справедливые требования пролетариев о разделе имущества; знают ли, что в откровенных предположениях и стремлениях своих учителей, евреев и немцев Маркса, Бебеля и иных, социализм совершенно ясно

заявляет о своем стремлении стать на место христианства и сделаться новой верой человечества? Исповедуя, защищая, даже только допуская социализм, как явление терпимое, сохраняем ли мы, сохраним ли мы верность Христу?

Сколько лет прививается и в высшей школе и, что еще опаснее и преступнее, в школе народной, начальной, в книжках для чтения в классе, в книжках для чтения народного, в календарях, листках, в беседах и «народных университетах» – мысль о том, что Иисус Христос есть только человек, – великий человек, но не Бог и Искупитель, что Он стоит наряду с китайским Конфуцием или Лао-дзи, с еврейским Моисеем, с арабским Магометом и греческим Сократом? Мысль просто дикая, нелепая, безумная, – она, однако, находит последователей; мы даже и не почувствовали, что она создана и пущена в русское общество так называемым ново-иудейством, и носимся с нею, как с благородною и якобы достойною и удачною попыткой сохранить и уважение ко Христу, и свою культурность, не допускающую ничего религиозного и сверхъестественного... Как воины Пилатовы, мы прегигаем пред Христом колена, приветствуем Его: «Радуйся, Царь Иудейский», а потом встаем, плюем Ему в лицо, ударяем по голове тростью, бьем в лицо по ланитам... Это ли верность Христу?

Сколько времени, уже в самые последние дни, русское образованное общество носится с новою побрякушкой и детской игрушкой: оно нашло в Индии буддизм, нашло новых учителей и спасителей – йогов, захлебывается чтением их баснословий и уверяет, что начала Евангелия ими и проповеданы, и поняты, и усвоены, и осуществлены гораздо глубже, чем в христианской Церкви, что йоги – гораздо более занимательные учителя, чем святые отцы Церкви...

Нужно ли еще напоминать о том, что всякое сектантство, самый нелепый раскол, всякое движение религиозное тем более пользуется сочувствием и покровительством печати, чем более в нем вражды, озлобления против Церкви? Нужно ли говорить, что если бы не знающий нашего народа впервые стал читать самые распространенные и влиятельные у нас органы печати, то он никак не мог бы догадаться, что это печать *христианского* общества и *христианского* народа? Мы увидели в последние дни только в одном внимание к Церкви: ее заметили наши газеты только тогда, когда оказалось, что у храмов и монастырей можно найти предполагаемые или преувеличенные на крыльях безудержной фантазии деньги, золото, серебро и здания для раненых и беженцев; мы увидели, что только это и оказалось в Церкви ценным, а то, чем она жила и живет, воспитывала и созидала народ, – вера, молитва, богообщение, – это все забыто и оставлено.

Итак, где же верность Христу? Где она и в жизни? Эти убийства последних лет, кошмарные и дикие; эти не менее кошмарные и дикие оправдательные приговоры в судах самым отвратительным преступлениям и преступникам, когда дети убивали отцов, сожительствовали с матерями, когда мужья-развратники, утопая в противоестественном распутстве, револьверными смертельными выстрелами призывали своих жен к целомудрию и верности, – и так далее без конца: что это, верность Христу, или измена Его слову, Его учению, Его Божественной личности?

Довольно вопросов. Ответы на них ясны. Есть за что наказывать нас Богу!

И естественно, нам надо пройти горнилом бедствий народных, пройти путем искупляющего подвига страдания, чтоб очами веры и смирения воззреть на Иисуса, Сына Божия, и снова

услышать и самым делом выполнить: Приидите вси *вернии*, поклонимся святому Христову Воскресению... Ты бо еси Бог наш, разве Тебе, – кроме Тебя, – мы иного Бога не знаем!

Образ примем злострадания и терпения у этого невинного отрока, умученного Гавриила. Образ примем чистоты и непорочности его тела и духа, отрясши прах распутства, пьянства, грубой чувственности, безобразного хулиганства и того презорства духа, которое научило нас никого не любить и никого не уважать.

Бог, Который гордым противится, а смиренным и верующим дает благодать, Бог, Который милостиво призывает на кроткого и смиренного и трепещущего словес Его, Бог, верный в Своих обетованиях, исполнит над нами слово Свое: обратитесь, и живи будете [Иез. 18, 32]! Аминь.

V. БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ¹

Все мне позволено, но не все на пользу.

Все мне позволено, но не все назидает.

Все мне позволено, но пусть мною ничто не обладает

(1 Кор. 10, 23; 6, 12).

У одного великого, доселе еще во всей глубине непонятого и нецененного русского писателя-христианина, в конце жизни сделавшегося учителем нравственности, выведено в самом крупном его произведении лицо с отталкивающим нравственным характером, с бесстыдными деяниями, с полною бессовестно-

---

¹ Слово 29 августа [1915 г.], в день всероссийского праздника трезвости.

стью. Личность эта резко выделяется среди других выведенных писателем лиц, и в оправдание в основу своей жизни полагает исповедуемое им пред всеми правило: «все позволено»...¹. Как ни увлекается современность наша образами и идеалами людей, в своем гордом свободолюбии и в крайнем развитии сознания и прав отдельной личности (индивидуализма и анархизма) доходящих до полного отрицания всяких нравственных сдержек и правил, – тем не менее выведенное указанным писателем лицо, руководящееся правилом: «все позволено», невольно внушает ужас каждому из нас, – каждому человеку с невытравленным нравственным чувством. Что, в самом деле, – что будет, если все вдруг станут держаться этого правила: все позволено? Во что обратится наша жизнь? Куда она направится? В какую пропасть нас заведет?

И вот, смотрите, в Священном Писании из уст апостола мы слышим те же слова: «*все мне позволено!*»... Какая широта, какая безграничность свободы христианской! Какое широкое воззрение на христианскую жизнь! Но как пар, подчиняясь законам и управляемый разумною волей человека, производит и дает много полезных вещей и явлений для человека, служа его нуждам, а не управляемый все рвет и разрушает; как вода, не имея берегов, широко разливается, становится мелкою, загнивает, губит жизнь, а в берегах она течет глубокою рекой и несет на себе суда, дает жизнь рыбам, приносит пользу людям: так и свобода христианская нуждается в законах, ею управляющих, нуждается в берегах, в которых она должна протекать. И эти берега, эти законы указывает апостол в том изречении, которое

---

¹ Достоевский: «Братья Карамазовы» – Смердяков.

мы поставили во главу нынешнего слова: «Все мне позволено, но не все полезно; все мне позволено, но не все назидает; все мне позволено, но пусть мною ничто не обладает» [1 Кор. 10, 23; 6, 12].

Не впадает ли здесь апостол в противоречие? Не уничтожается ли его наставлением свобода в самом существовании ее и не обращается ли она тем самым в рабство?

В ответ мы, в свою очередь, спросим: есть законы логики, управляющие нашей мыслью; однако, неужели мыслящий по этим законам есть раб, не имеющий свободы мысли? А не исполняющий и не следующий законам логики – разве умный человек? Но тогда мы объявим всех сумасшедших здоровыми людьми, и всех здравых умом – сумасшедшими! Есть законы языка; исполняя эти законы, мы понимаем друг друга. Неужели же те, которые говорят по правилам языка, не обладают свободой слова, а говорящие бессвязным набором звуков, без всяких законов и правил, суть обладатели свободы слова? Но тогда жизнь обратится сразу в вавилонское столпотворение! Таким же точно образом и законы свободы не нарушают самой свободы, а, наоборот, дают ей средства развития. И апостол в приведенных словах указывает законы этой свободы, постепенно восходя от низших к высшим и совершеннейшим.

Все это невольно приходит на мысль в нынешний праздник в честь святого Иоанна Крестителя, – праздник, который по воле и повелению высшей церковной власти обращен теперь в день особого и настойчивого всероссийского проповедания о трезвости и о борьбе с пьянством. Естественно ныне говорить против этого страшного порока, когда в истории убиения величайшего пророка и праведника вспоминается пьяный пир Иро-

да, пьяные его гости, пьяная и распутная пляска Иродии, пьяная и жестокая просьба Иродиады, пьяная совесть Ирода, пьяный приказ и потом принесение главы Иоанна Крестителя на потеху в среду пьяных гостей...

Надо бороться с пьянством, этим всероссийским нашим несчастием, позором, преступлением, с этим бичом народной жизни. Кто этого не видит, кто станет это отрицать?!

Но на чем обосновать борьбу, на чем обосновать проповедь трезвости, чтоб она была успешною, удовлетворяла бы запросы нашего духа, а главное – имела бы в себе ту внутреннюю, а не внешнюю только, на время действующую, обязующую силу, без которой всякое слово, всякий призыв и всякое наставление и проповедь есть медь звенящая и звук пустой?

Все мне позволено, но *не все на пользу*... И огромное большинство проповедников трезвости и борцов против пьянства стоят именно на этой точке зрения. Тут нам говорят о том, что алкоголь разрушает ткани тела, поражает важнейшие органы, отравляет кровь, портит пищеварение, сокращает жизнь, передается потомству... Тут нам высчитывают, сколько времени, золотого времени труда теряет пьяница, как он слабеет силами в труде, теряет в заработке, беднеет, разоряет семью, вносит в нее ссоры, горе, позор, разлагает доброе сожителство, утрачивает любовь к домашним, внушает в них к себе ужас и отвращение. Все это – правда, горькая правда. Все это – красноречие языка самой жизни очень убедительное. Все это понятно всякому человеку. Обо всем этом надо говорить, твердить, повторять без конца.

А пьянство все-таки росло и будет расти, как только снимут с него теперешние внешние запреты закона! Уж, казалось

бы, что ощутительнее и убедительнее соображений пользы, что более может повлиять на действие и решимость человека, как не явная польза или явный вред того или другого предмета или явления жизни?

А, между тем, красноречие этого языка далеко не всех убеждает! На нем говорят мирские общества трезвости, бесконечное множество листов, брошюр, книг ученых и общедоступных, картин, ярко и наглядно изображающих вред пьянства. На нем, на этом языке, говорят те деятели и борцы за трезвость, которые сознательно и открыто в своей работе «за трезвость» отвергают связь с религией и Церковью и желают насаждать трезвость только доводами рассудка. Надо, говорят, добиться того, чтобы народ *понял* вред пьянства, и он сам тогда бросит алкоголь и уйдет от водки. Но народ давным-давно составил свои пословицы: «вино пить – добру не быть»; «с водкою поводить, нагишом находиться»; «брось спиртовое питье, будет рай, не житье»; а между тем, бывало, народ все-таки пьет и пьет! Пьет даже во время голода.

Почему же соображение пользы мало действует? Потому, во-первых, что полезное или неполезное надо *доказать*, а ум и слово человека всегда в услужении у его испорченной воли. И в защиту пользы, а не вреда напитков или, по крайней мере, их безвредности, естественности и необходимости найдется и находится не мало своего рода адвокатов. Польза или вред, во-вторых, познаются опытом, не раньше, а позже того или другого деяния. А после пьянства уж трудно от него отстать, вред пьянства уже мало сознается пьяным умом, и притом, при ослабленной воле, сознание и признание вреда водки уже не может быть использовано обессилевшим человеком. Полезное, наконец,

вовсе не *обязательно* для человека. Полезно не идти на войну в защиту Отечества; полезно врачу не идти к заразаному больному; полезно для того, кто говорит, что все позволено, убить скрягу-богача, украсть его деньги и выстроить на них благотворительное учреждение... Очевидно, для уяснения начала пользы нужно что-то иное, высшее, чем понятие пользы, нужно, в свою очередь, верховное обязующее руководство, свои законы, свои «берега», как и для свободы человеческой.

Все мне позволено, но *не все назидает*... Как обыкновенно понимают и это соображение апостола? Понимают опять-таки в смысле вреда для духовной стороны жизни и существа человека. Тут нам говорят, что алкоголь ослабляет ум и память, извращает чувства человека, притупляет нравственное сознание различения добра и зла, разрушает и ослабляет его волю, делает бесхарактерным, отсюда не стойким в борьбе с преступными влечениями, толкает на преступления, заглушает здоровые естественные чувства привязанности к родным, даже к детям, делает человека душевнобольным, ни на что доброе не способным. Отсюда – вырождение населения, государственная разруха, обеднение масс, ослабление народа, который, если ослабеет от пьянства, то будет побежден, смят, подчинен или уничтожен другим, более сильным народом.

Все это правда. Но лукавый разум, стоящий на послушании у страсти, говорит: не преувеличение ли все это? Не дает ли алкоголь, умеренно употребляемый, наоборот, воодушевления, подъема сил, не дает ли подъема и усиления творчества? Не согревает ли он и душу, как согревает-де тело? А если он и вреден, то мне лично вреден; пусть другие не пьют, если хотят, а я пью, никому другому этим вреда не приношу, а с собою, с поль-

зою или вредом для себя самого, я хочу сам же и распорядиться... Одним словом, раз все переведено на то же начало и соображение пользы, то против этого опять-таки лукавство воли, плененной страстью, выдвигает множество пьяных оправданий пьяных людей. И, оказывается, соображения пользы или вреда ясны только по-видимому, а на самом деле нет ничего более зыбкого и неустойчивого, как это начало грубой пользы, пользы телесной, или духовной – безразлично!

«Все мне позволено, но *пусть мною ничто не обладает*»...

Здесь-то апостол и возводит нас на высоту христианской свободы и христианского настроения. Не обычное слабоволие здесь понимается, не обычная бесхарактерность. Нет, здесь понимается рабство греху и страсти, а отсюда и рабство диаволу, первовиновнику греха и страсти. Рабство же диаволу есть уже измена Богу, вражда против Него. «Всякий делающий грех есть раб греха», – говорит Христос Спаситель (Ин. 8, 34). «Творящий же грех от диавола есть, ибо исперва диавол согрешает» (Ин. 3, 8), – опять учит нас Слово Божие. «Но диавол не только не пьянствует, он не ест и не пьет», – как метко замечает святой Иоанн Златоустый, – однако, диавол не спасается! Нужно иметь ту высочайшую свободу духа, которая покоится у христианина на сознании его религиозного долга пред Богом и без которой «все мне позволено» обращается не в путь христианского спасения, а в путь гибели и вечного рабства.

В высшем и совершеннейшем смысле борьбу за трезвость, борьбу против пьянства можно и должно поставить только на религиозную почву, под благословение и руководство Церкви, в совмещении религиозного долга и религиозного подвига. Иначе, объявленная ужасающая цифра на 1914 год, – последний

год свободной торговли водкой, – 109 миллионов ведер спирта, приготавливаемого по смете, открыто публиковавшейся, – приготавливаемого для отравления русского народа в течение года, не только будет оставаться неизменно во всем своем ужасе, но, как было и доселе, после разрешения продажи водки непременно будет из года в год возрастать и увеличиваться, пока не придет неизбежный конец – полное вырождение самоотравляющегося народа, ибо всему же бывает конец, и всякому злу – возмездие.

Человек *настояще-религиозный* не будет и не может быть пьяницей: за это можно поручиться. И если праздники наши религиозные обращались часто в дни пьянства, то ведь не религия в этом виновна. Просветите религиозную тьму народа, отведите его от религиозного одичания, в которое он на наших глазах впадает; не роняйте пред ним и в его глазах Церковь и веру; дайте ему просвет к Небу, дайте ему вкус к духовным наслаждениям, развивайте в нем сознание религиозного долга, а не то бесстрашие ко греху, безверие в загробную жизнь, отрицание вечного Суда и возмездия, что ныне так усердно прививают народу его непрошенные просветители и развиватели; дайте народу не только вкус к духовному труду, подвигу, к духовным наслаждениям, но и возможность найти осуществление этих запросов и стремлений простого народа не в домах увеселения, не в театрах, иллюзионах, кинематографах и разных без конца развившихся зрелищах, а в собраниях и учреждениях религиозного, строгого и серьезного характера; сознайте, что, шутя и веселясь, ничего доброго и важного не приобретешь и не сделаешь, особенно не разовьешь воздержания, а убьешь его: и вы тогда увидите, что само собою, естественно народ отойдет от кабака, трактира и водки, перестанет

находить удовольствие только в удовлетворении грубо-чувственных сторон своей телесной природы. Повторяем, нельзя и представить себе человека по-настоящему глубоко-религиозного, ищущего богообщения и единения с духовным миром, познавшего сладость молитвы и религиозного руководства всех своих помыслов, действий и всей жизни, – нельзя и представить, чтоб он был пьяница! И посмотрите, как сам народ сознает это в своей покаянной тоске, в своем сознании греха, – как он чуток и отзывчив, если кто обратится к нему с горячим религиозным призывом к воздержанию от вина! И кто же использовал доселе эту народную покаянную тоску? стыдно сказать, – использовали сектанты, внушая мысль, повторяемую и нашею глубоко нечестною печатью, что Православие есть разрешение пьянства, а сектантство есть призыв к трезвости. И это говорят о той Церкви, которая повторяет из века в век слова Христа в Евангелии: да не отягчатся сердца ваши объядением и пьянством (Лк. 21, 34), которая провозглашает слова апостола: «пьяницы Царствия Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10), «не упивайтесь вином, ибо в нем – блуд» (Еф. 5, 8), «не водите дружбы и всемерно избегайте знакомства и даже не ешьте вместе с пьяницами» (1 Кор. 5, 11), которая читает пред верующими проклятие пророка Исаии против тех, которые «с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином, потому что они отвергли чрез это закон Господа Саваофа» (Ис. 5, 11–24), которая хранит заповеди и поучения древних библейских мудрецов: «все мрачное сокрыто внутри пьяницы; будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый» (Иов. 20, 26), «не будь между упивающимися вином, не смотри на вино часто, оно укусит, как змей, и ужалит, как аспид»

(Притч. 23, 20 и далее), «против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино» (Сир. 31, 29)...

Не Церковь ли воспитала наш народ и в том воззрении на пьянство, которое он выразил в своих пословицах: «кто водку любит, тот ум и душу губит», «кто водку попивает, тот Бога забывает»?

Кто виноват в том, что это религиозное воззрение не стало господствующим в среде нашей? Кто виноват в том, что народ наш не по-настоящему религиозен?

Низко склоняем мы, пастыри Церкви, свою голову и лицо, залитое краскою стыда: да, мало, лениво, не усердно мы учим паству словом и примером... О, если бы стыд этот прожег сердца, поставил бы нас на стражу учительства!

Но ведь не одни пастыри виноваты! Виноваты и все те, которые, получив воспитание и образование на средства народа, оставили его в небрежении, свою судьбу устроили и не заботились о том, чтобы заплатить долг народу трудом и подвигом, или выражали модное народолюбие на словах только и в громких фразах, ища себе похвал, услаждаясь самодовольством; или видели и видят благо народное только в материальном его обеспечении, в правах внешних и политических; или дают народу просвещение, лишенное религиозной основы, далеко уводящее народ от Бога, от Христа, от Евангелия, от Церкви, дающее вместо хлеба – камень, и вместо рыбы – змею; виноваты и те, кто смотрит на жизнь народа только с точки зрения дохода и расхода, не заботясь об его духовной целостности и здоровьи...

О, если бы все мы, все сознали свои вины! О, если бы все на религиозном воодушевлении и сознании религиозного долга поставили свою борьбу против пьянства! Все осмысливает

святая вера, и все обесмыслено без веры! Смотрите, во что обратился труд в учении социализма, – в одно средство для получения платы, в проклятие, в ненавистное и постылое дело, которое должно занимать времени поменьше, с платою побольше, а ведь начиналось все с пением гимнов «во славу святого труда»! А в освещении веры труд есть радость, подвиг, работа пред очами Бога, на благо ближних, для собственного нашего нравственного созидания, воспитания и возрастания. То же будет и с борьбою против пьянства. Без религиозной основы, без религиозного воодушевления, без благословения и соучастия Церкви, без отрады молитвы, без мысли о близости Бога, нам помогающего в труде жизни, на одном голом расчете, на одном животном соображении пользы, на одном рассудочном просветительстве – не создать воздержания, не создать никакой прочной нравственной силы! Наоборот, здесь и последние нравственные силы будут растеряны, те силы, которые еще хранятся в нас, в нашем народе, от прошлого, от долгих лет воспитания церковного, в минувшие века не разделенного с другими внецерковными силами и не подрываемого противцерковными и противорелигиозными влияниями, столь ныне распространенными.

Да будет же благословен этот почин, этот призыв, это волеизъявление высшей церковной власти, избравшей с прошлого года нынешний день для религиозного освящения подвига борцов за трезвость, за спасение народа нашего от тяжкого и ужасного недуга! Да будут благословенны имена начинателей и вдохновителей этого великого дела, и во главе их – имя перво-святителя Церкви Российской митрополита Владимира, положившего столько внимания, любви, усердия, средств духовных

и материальных на дело проповеди и организации борьбы против алкоголизма!

На все века стоит пред людьми укором пьяный пир пьяного царя Ирода с пьяными гостями, когда среди пьяного безумного веселья отсечена была глава того, кого Спаситель назвал в величайшей хвале большим из всех рожденных женами, – глава Иоанна Крестителя.

Пусть же этот урок, гремящий векам и тысячелетиям, не пройдет и мимо нас! Станем добре, станем в религиозном воодушевлении, вонмем гласу и призыву Церкви! Станем каждый в своем чину, в своем положении на проповедь трезвости, на борьбу против пьянства. И если кто в семье, в обществе, в кругу знакомства, в какой бы то ни было подчиненной области, в школе, на улице, в народе, в рабочей среде обратит хоть одного гибнущего на путь воздержания, он унаследует ту награду, о которой говорит апостол: «Братие, если кто обратит грешника от заблуждения пути его, тот спасет душу от смерти, и покроет множество грехов!» (Иак. 5, 20.) Аминь.

VI. ПРАЗДЫ, ДОСТОЙНЫЕ ПОКАЯНИЯ¹

Итак, кончаются сегодня дни заповедного подвига поста и покаяния. Слава и честь всем потрудившимся в подвиге, которые оказались верными и смиренными сынами Церкви, послушными голосу церковной власти! Слава и Божие благословение тем, которые явили твердость и мужество в вере и ревности, в служении подвигу, в проявлении своей покорности Христу и Его Церкви, – и не смутились ни от слова, ни от помысла, ни от

---

¹ Речь на всенародном молебствии в Москве, на Красной площади, 29 августа 1915 г.

того позорного и преступного противления призыву Святейшего Синода, которое мы, к сожалению, встретили в некоторых органах печати. Слава и Божие благословение тем благоразумным и благочестивым людям, которые догадались о том, кто эти противники, и откуда и с какою целью идет такое противление: это или враги Божии, которым противно и мучительно видеть воодушевление и подъем святой веры в людях, или враги Христа и Его Церкви, которым нестерпимо и завидно видеть влияние церковной власти на сердца верующих, пли, наконец, это враги народа и государства, которые хорошо понимают и приходят в страх и беспокойство, зная, что подъем веры и покаянных чувств, как бывало не раз в минувших веках русской истории, будет способствовать духовной мощи, духовной сплоченности и объединению нашего народа, будет препятствовать и мешать всяким попыткам и усилиям замутить, разделить, ослабить наш народ. И паки, и паки слава и честь, мир и Божие благословение всем тем, кто исполнил заповеданный Церковью подвиг поста и покаяния!

Проповедником покаяния на заре Нового Завета был святой Предтеча Спасов Иоанн, мученическую кончину которого мы сегодня вспоминаем. Но он проповедывал и завещал нам не одни только покаянные чувства; он искал, требовал и соответствующих этим чувствам дел и поступков. Каждой приходящей душе он раскрыл ее печальную историю, историю падений и греховности, в каждой душе зажег он священный огонь покаяния. Но всем, кто к нему обращался, – саддукеям, фарисеям, мытарям, воинам, народу, во множестве приходившему к нему креститься крещением покаяния, он говорил и твердил: *сотворите плоды, достойные покаяния* [Мф. 3, 8].

Примем, возлюбленные, и мы это слово Предтечи, как слово заключительного поучения к нашему подвигу, ныне окончившемуся. Сотворим и мы плоды, достойные покаяния!

Да сгинет тьма неверия с Русской земли! Пусть в страшных испытаниях и тягостях войны, и на поле брани, и внутри страны нашей все почувствуют и услышат глас Господа, зовущего нас к Себе, пусть сотни тысяч смертей на войне поставят и пред нами близко мысль о смерти нашей и обратят нас к Богу, к Небу и вечности.

Да сгинет злочестивое и душепагубное сектантство на Руси Святой, всякий вид противления и холодности к Святой Православной Церкви! От немцев пришло к нам сектантство, немцами оно держится, к немцам тяготеет. Оно опустошает и иссушает душу русского человека, оно очерствляет сердце русское и делает русского немцем и по духу, и по настроениям, и по нравам и обычаям. Это передовая сила немецкого вторжения, немецкого над нами засилья, гораздо более страшного, чем всякого рода иной гнет, материальный, политический или военный.

Пусть звучит на Руси, как во дни древние, безраздельная и вседушевная преданность и свободная покорность Единой, Истинной, Христовой, Апостольской, Единоспасающей, Православной Церкви!

Да сгинет всякий вид нечестия с Русской земли, и особенно – да не возвратятся к нам никогда спрятавшиеся теперь черные тени пьянства, этого врага, губившего душу и тело нашего народа! Дадим себе твердое обещание, – испытав сладкое, не возвращаться более на горькое, не быть подобными тому нечистому животному, которое, будучи вымытым, снова лезет в грязь: познав мир и покой трезвой жизни, уже не возвращать к

себе безобразия, позора и разгула пьянства, не слышать и не видеть пьяных людей, не слышать и не видеть слез, воздыханий и безысходного горя жен и матерей, брошенных детей, – семейств, стонущих от пьянства их отцов и кормильцев.

Да сгинет уныние и страх пред врагами! Самое страшное теперь не то, что мы теряем области и города пред натиском врага, – все это мы возвратим, если сохраним мужество, самообладание, терпение и настойчивость: страшнее всего то, когда народ теряет голову и, охваченный безумием страха, легковерно принимает всякие слухи, волнующие общество, волнующие и армию, поддается им и сам такие слухи распространяет. С нами Бог, с нами истина Православия, с нами Церковь, с нами великое назначение в истории мира, с нами великое религиозное призвание русского народа. Посему, если только мы будем по вере и жизни, по смирению и покаянию пред Богом достойны своего призвания и назначения, если будем хранить сокровище православной истины, – то и Бог нас не оставит, и ведомыми Ему путями Он изведет яко день и яко свет полудня правду нашу и увенчает нас победами.

Да сгинет всякое разделение, всякая смута на Руси! Пусть царит единение Царя, армии и народа; пусть царит единение правительства и общества; пусть умолкнут нечестивые уста тех, кто, выставляя себя патриотом, хочет продать подороже свой патриотизм; пусть уши наши будут закрыты для речей тех людей, которые в годину бедствия, переживаемого Родиною, находят время и удобный случай сводить личные или партийные счета, мешать правительству делать свое дело во время войны, предъявлять всякие требования, забывая о том, что теперь у всех должна быть одна мысль и одно требование от всех: все

отдать Царю, правительству и армии, все силы, весь досуг, все знания и способности направить на служение Родине, в помощь ей в борьбе с жестоким, сильным, хорошо подготовившимся и коварным врагом.

Да сгинет всякий дух гордыни и дух нравственной распущенности! Да царит среди нас смиренное сознание грехов, молитва о прощении их, да царит воздержание, чистота тела и духа, серьезное и вдумчивое настроение, а не легкомысленное веселье, столь неуместное во дни тяжелой войны, не нужны забавы и удовольствия, – это подобие пьяного пира пьяного Ирода!

Да сгинет власть духа себялюбия, и пусть господствует правило: брат от брата помогаем, – яко град тверд [Притч. 18, 19]; да вспомните заповеди святые и вечные: возлюби ближнего, яко сам себя [ср.: Мк. 12, 31], друг друга тяготы носите и тако исполните завет Христов [Гал. 6, 2]; и никому и ни в чем не оставайтесь должными, кроме любви [ср.: Рим. 13, 8].

Вот в чем будут у нас плоды, воистину достойные покаяния!
Аминь.

СВЯТОЙ БОРЕЦ ЗА РУСЬ СВЯТУЮ¹

Вспоминаем сегодня святого князя Александра Невского, великого борца за Россию, великого и святого патриота. Он жил в тяжелое для России время. Внутри России были разделения между князьями, и только единство веры, единство Церкви, единство власти церковной, единство молитвы, единство богослужбного языка поддерживало единство русского народа. Святой Александр Невский объединял и мирил русских князей и направлял на служение русскому народу, на борьбу с его врагами. А врагов было немало, и врагов сильных. Извне на Русь тогда нападали татары с востока и немцы с запада. Велика была опасность от татар; не раз они овладевали и Киевом, и Владимиром, тогдашними столицами русского царства; весь русский народ они себе успели подчинить и обложили данью. И, однако, святой князь Александр смирился пред ханами татарскими. Не против них он направлял свое оружие. Почему? Потому что татары-монголы в то время не грозили святыне души народа русского – его святой христианско-православной вере, напротив, относились к ней даже с уважением. Из этого видел святой Александр, что смертельной опасности для русского народа от татарского засилья нет, что сами татары в будущем духовно покорятся русскому народу. Он собирал и накапливал силу для борьбы с другим, более опасным врагом.

Всю силу и все оружие святой Александр Невский обращал против немцев. С ними он не мирился. И хотя они были христианами, все-таки Александр Невский считал их гораздо опаснее

---

¹ Речь на молебствии на Красной площади 30 августа 1915 г.

язычников татар. И хотя немцы и тогда подавляли русских численностью и вооружением, все-таки святой Александр с грозным кличем, который стал правилом всей его жизни «не в силе Бог, а в правде» побеждал немцев и не раз при этом был свидетелем особой небесной помощи русскому православному воинству. За одну из таких побед на реке Неве он и прозван и в истории известен с именем «Невский». Почему же с такою настойчивостью боролся святой Александр Невский с немцами? Потому что они грозили святой православной вере, они хотели подчинить себе и тело, и душу народа нашего, были нашими врагами на жизнь и смерть, потому что они намеренно искали полного уничтожения всех славянских племен, и действительно, многие славянские племена они онемечили, лишили языка, лишили самосознания, истребили даже имя их и память о них с земли.

И доньше немцы остаются такими же врагами славянства на жизнь и смерть, водятся и живут теми же злобными чувствами и намерениями, и потому-то наша война с немцами есть продолжение дела святого Александра Невского. И вот нам уроки и напоминания святого князя: держитесь крепко-накрепко православной веры, ибо в ней – душа души, святая святых нашего народа; боритесь до последней возможности с немцами, ибо это – наш самый сильный и смертельный на земле враг; крепко храните внутреннее единство народное, внутреннее наше согласие на основе единой веры, ибо в нем – залог нашей силы и спасения, нашей победы над врагом. И помните, не забывайте: не в силе Бог, а в правде! Аминь.

ВСЕМИРНАЯ ДУХОВНАЯ РАДОСТЬ¹

«Сей день Господень; радуйтесь, люди!»

Эта песнь церковная, взятая из службы нынешнего праздника, выражает самую сущность воспоминаемого события в его значении для всего человечества. И служба вся сегодня, все молитвословия и песнопения праздника преисполнены того же чувства радости, так что, может быть, только пасхальные песнопения в этом смысле, по духу торжественного ликования, превосходят нынешний праздник. О том же гласит и главная песнь праздника: «Рождество – рождение – Твое, Богородице Дево, *радость возвести всей вселенной*, из Тебе бо возсия Солнце Правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднив смерть, дарова нам живот вечный».

По руководству этого тропаря праздничного мы и побеседуем сегодня с вами, братие, о смысле и значении праздника.

Конечно, не сразу и не всей вселенной была дарована радость в час рождения Богоматери: тогда радовались Ангелы на Небе, видя совершающееся таинство, предначинающее спасение людей, радовались праведные и престарелые родители Пресвятой Марии на земле, видя чудесное исполнение их пламенных молитв о рождении ребенка. И уже впоследствии, чем дальше шло время, сначала люди, особо чуткие к знамениям Божественного Домостроительства о спасении мира, а затем уже, после того, как засияло Солнце Правды, Христос Господь, и все люди, вся вселенная получили весть о великой радости.

---

¹ Беседа в праздник Рождества Пресвятой Богородицы [8 сентября 1915 г.] на тропарь праздника.

Конечно, далее, радость эта не мирская, не плотская, не земная. Люди ценили и ценят радости материального приобретения, внешнего обогащения. Но что видим? С того времени, как возникла так называемая человеческая культура, с того времени, как дети Каина научились строить города и украшать жизнь изобретениями внешних удобств, с того времени, как возникли потом мировые монархии Египта, Ассирии, Вавилона, Греции, Рима: за эти тысячи лет столько собрано было людьми золота и всяких земных сокровищ, что, кажется, земля должна бы утопать в золоте, пресытиться сокровищами, быть опоясанною и окованною вокруг драгоценными металлами... Казалось бы, для бедности и лишений на земле уже нет и не может быть места! А на деле и бедность, и лишения растут, и земные радости неизменно обманывают людей.

Не такова радость нынешнего праздника: ей нет конца, нет истощения! Это радость, которую испытывал Иаков патриарх, о котором вчера возвестило нам вечернее чтение из Слова Божия: он одинокий, гонимый, с подавляющим горем в прошлом, с неизвестным будущим, вынужденный оставить родительский дом, лежит в пустыне, среди опасностей, беззащитный, с камнем под головою, с одним посохом в руках, а Бог ему в сонном видении глаголет: «благословятся о Семени твоём – чрез твоего Потомка все племена земные»... Он встал тогда от сна своего и, полный несказанной радости, забыл обо всех скорбях разбитой своей жизни, возлил Богу в жертву елей, последнее пропитание, что нес с собою, и сказал: «Свято место сие, это дом Божий, это врата Небесные» [ср.: Быт. 28, 17]. Лестница, что видел он во сне, дом Божий, врата Небесные, это – Пресвятая Богородица, от Которой для всемирного спасения всех племен земли, для всемирной радости родился Спаситель, Христос Господь.

Это – радость, которую переживал в видении пророк Иезекиль, зревший некие таинственные врата, чрез которые прошел Господь в мир, и врата эти остались затворенными: образ Приснодевы Богородицы Марии, от Коей безсеменно и безмужно пришел Господь в мир на спасение его. И об этом слышали мы чтение Слова Божия.

И еще слышали о том, как Некая Премудрость, Божественная, Таинственная, Личная Премудрость Божия создала Себе дом в мире, создала его на семи столпах, уготовала трапезу, предложила Чашу вина, послала рабов своих с высоким проповеданием... Премудрость – это Христос, рожденный от Девы Марии; дом Божий – это Церковь Христова, в которой Бог обитает, как в доме Своем, с верными; Дом Божий, по изъяснению святых отцов, есть и Богородица, одушевленный Храм, в коем он вселился; семь столпов – это семь Таинств, а Чаша с вином – Кровь Христова, а проповедники – апостолы Христовы. И здесь величайшая, премирная радость спасения людей!

Отчего бывает радость у человека? Конечно, от удовлетворения и исполнения какой-либо его глубокой, существенной, неотложной потребности. Какие же есть потребности у человека, ему одному принадлежащие, особые, отличающие его от всего мира земных существ? Пища? Питье? Жилище? Покой и удобства земной жизни? Но всего этого ищут и животные. Не этим отличается человек от других тварей. Он ищет, он хочет *правды, истины*. Он способен познавать правду, он может о ней думать, говорить, к ней стремиться. Ничего подобного не имеют животные и звери. Если не ведает человек правды, он тоскует, он жить без нее не может. Если бы мы не имели ее, а нам сказали бы, что она находится за тридевять морей и земель, – люди и туда

пошли бы за нею и искали бы ее. Человек хочет знать правду, истину о том, откуда мир и сам человек, Кто его Творец, какова воля Творца о человеке, как с Ним войти в общение, как выполнить волю Божию, все ли кончается для человека с могилою, какова загробная жизнь, каков будет суд мздовоздаяния. И много-много вопросов, много-много таких познаний хотел бы иметь человек, познаний не выдуманных, истинных, действительных. Всегда, с тех пор, как существуют люди на земле, – всегда они искали такой правды. И где только они ни желали ее найти! В силе и богатстве, во всемирных завоеваниях, в мировом господстве, в философии и науке, в искусствах, наконец, – в человеческом законе и праве.

Но сила рушилась: смерть торжествовала над всяким человеческим могуществом; наука и философия были сильны во всем земном, но ни слова не говорили о Небесном; к тому же они менялись, к тому же они и доступны были только очень и очень немногим людям. Искусство было холодно, немо в вопросах о Боге и Его воле, а право и закон создавались теми же людьми, которые сами искали правды и истины и не могли по тому самому быть источником правды. Оставалась религия. Но религии древних людей менялись и люди видели, что их измышляли подобные же им люди, а нужно было, чтобы Сам Бог в Своем откровении открыл, дал людям ту истину, которой они жаждали и которой своими силами найти не могли. К тому же, – и это замечательное явление, – языческие религии о воле Божией, о нравственной жизни, о законе Господнем, о заповедях Божиих, о законе совести ничего не говорили. Тяжко было людям; отчаялись они в возможности познания правды!

Представьте себе для изображения их состояния, представьте себе глубоко под землю в руднике несчастного работника, во тьме, в сырости, в холоде, в тесноте... И вдруг его вывели на поверхность земли, и он увидел свет солнца: в свете, в тепле какою бы радостью забилося его сердце! Такое *Солнце Правды и воссияло из Пресвятой Девы – Христос Бог наш*. Он открыл нам всю истину и на все века, Он, Сам Воплотившийся Бог, все сказал, что мы вместить можем, о Боге, о мире и человеке. «Никто не знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын и ему же волит, – *кому захочет Сын открыть*» (Мф. 11, 27).

Но *правда* не только дается человеку извне, от Бога; она и внутри него. Такая правда есть соответствие нашей человеческой воли с волей Божией, соответствие с открытым Божьим законом. В этом смысле правда означает *оправдание* наше пред Богом, – правду нашей совести пред Его судом. Спросите же каждый свою совесть в сию минуту: есть ли в нас такая правда? И никогда не было такого человека, как бы он ни был горд, хотя бы он, что называется, вместе с дьяволом бросал наглый вызов самим Небесам, – не было человека, который в глубине своей души, в тайнике сердца, в неподдаваемом и незаглушаемом голосе совести не чувствовал бы себя пред Кем-то и пред чем-то виноватым. Оттого вместе с исканием Правды в Боге у всех людей от начала существования мира мы видим, наблюдаем и веропокаянные чувства. Эти чувства заставляли человека искать умиловления Божества, жгли его совесть, взывали о покаянии, – и тысячами тысяч жертв, приносимых по всей земли и во все времена в честь Божества, засвидетельствовал человек эти глубоко волнующие его чувства. Откуда узнал он о своей

виновности? Кто сказал ему об его грехе? Какое преступление его тяготило? От первых людей прошло во весь род человеческий предание о глубоком и тягчайшем несчастье наших пра-родителей, об их грехе, о нарушении воли Божией, изгнании из рая, удалении от Бога... и о том, что это иго тяжкое возлегло на всех сынов Адамовых. Кто удаляется от Бога, тот к Нему не приближается. Итак, стремление приблизиться к Правде Вечной оставалось и остается у человека, а на деле чрез грех и грехи свои он все отдаляется от Бога. Это мучительное состояние на языке Слова Божия называется проклятием. Не Бог хочет и хотел проклятия людей: человек сам своим грехом отдаляется от Бога, приемлет на себя сам это проклятие. И Богочеловек Христос испытал это состояние оставленности и отдаленности от Бога, когда взял на Себя добровольно грехи всего человечества; доселе висел Он на Кресте и никакие муки не истрогли из уст Его ни жалобы, ни просьбы, но это чувство отдаленности от Бога заставило Его воскликнуть с воплем крепким: «Или, Или, лима, савахвани, еже есть: Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил?» [Мф. 27, 46].

Здесь – образ муки душевной всего человечества, грехом отчуждаемого от Бога, не имевшего оправданий пред Ним. Нужно было дать людям прощение греха, нужно было пострадать за их грехи, нужно было обратить их от проклятия, гнева, отчуждения, осуждения в состояние сынов Божиих, в состояние примирения с Богом, милости Его и благословения. Кто же это мог сделать? Сам отчуждаемый и грешный и согрешающий человек этого сделать не мог. И сделал это Иисус Христос, Сын Божий: Он, *разрушив клятву, даде благословение*. Он избавил нас от клятвы законная, быв по нас клятва (Гал. 3, 13). И Он есть Ис-

точник правды для нас, не только в смысле открытия для нас всей истины, но и в смысле нашего оправдания пред Богом. Он есть Правда наша во всем объеме, во всем значении этого слова, во всех смыслах.

Душа, отчужденная от Бога, – то же, что растение, лишенное тепла и света. Если бы в сию минуту погасло солнце, – все живое сразу бы умерло. И душа умирает без Бога. Конечно, смерть это не есть полное уничтожение. Ибо и физические бездушные предметы мира не уничтожаются совершенно: капля воды, сожженная огнем, не уничтожится, она обратится в пар, поднимется в воздух. Смерть есть несоответствие своему назначению; пар уже не есть капля воды. Тело умершего человека долгое время и по внешнему виду – то же тело, что и прежде было. Но тот же глаз, да не видит, та же рука, да не движется, то же сердце, да не бьется, те же ноги, но не ходят: тело умерло, над ним возобладала смерть.

И душа человеческая, созданная по образу и подобию Божию, стремящаяся к Богу, Им жива и существует, а без Бога, естественно и необходимо, – она умерла. Она не уничтожилась, она сохраняет и свое сознание, ибо не может обратиться в ничто мысль и сознание, раз возникшее; но это тем мучительнее для человека. И если бы проклятие тяготело над человеком навсегда, тяготела бы над ним и смерть... Кто же избавил от смерти и дал жизнь? Конечно, Тот, Кто разрушил клятву и дал благословение, Кто возвратил человека к Богу, душу его – к Роднику жизни, к Богу: *Он, упразднив смерть, даровал нам живот вечный*. Вот в чем радость вечная, радость всемирная, радость духовная, которую во Христе даровала нам Его Пречистая Мать.

Слышите ли поучения и уроки?

Ищи, христианин, *правды* в Боге, люби ее больше всего на свете, старайся ее познать, о ней думать, говорить, ее распространять, ею жить.

Ищи *оправдания* пред Богом в вере в Него, в исполнении Его закона, в принятии того благословения, которое даровал нам Спаситель в искуплении.

Ищи *жизни духовной* и обретай ее во Христе; помни, что она в душе твоей, которая должна и сохраняться и возрастать в богоподобии.

«Несть радоватися нечестивому»... Это слово древнего пророка есть закон человеческой жизни. *Ищи радости для всего мира*. Не от нас зависит, чтобы ее все приняли, но от нас зависит желать ее для всех, быть в настроении и стремлении дать помощь в получении радости всему миру.

Да, всему миру: ибо подобно тому, как эти свечи, расставленные одна за другой без конца, дали бы сплошной светлый круг, в коем не было бы тьмы: так, если каждый из нас даст радость окружающим ближним, то чрез это радость таковая станет всемирной.

Но истинная радость в Том же, в Ком Правда, Благословение и Жизнь: во Христе Иисусе. Ибо нет и не может быть иного и высшего счастья для людей, как избавление от заблуждений грехов, проклятия и смерти, как приближение к Правде, Благословению и Жизни: а это дает и даст миру только Тот, Кто родился от Богородицы, – Господь Иисус Христос. Аминь.

ОРУЖИЕ НЕПОБЕДИМОЕ¹

Оружием непобедимым называют Крест Христов церковные песнопения. Оружие непобедимое в Кресте Господнем дано всякому христианину. Оружие непобедимое сегодня износит Святая Церковь на средину храмов для поклонения и лобызания верующих. Оружие непобедимое, Крест Христов, сияет на коронах царей православных. Оружие непобедимое возглавляет знамена воинские, эти знаки внешнего воинствования.

Так и Церковь, и государство, и Царство Божие, и человеческое, и борьба внутренняя духовная со злом, и борьба внешняя против зла, – все возглавляется Крестом, все имеет Крест как символ победы и как оружие непобедимое. Посему праздник нынешний, Всемирное Воздвижение Креста Господня, есть и ваш праздник, православные христоролюбивые воины.

Крест есть орудие победы, орудие непобедимое прежде всего у Самого Победителя диавола, у Победителя смуты и всякого зла – у Христа Спасителя. Он посрамил и низложил этого вековечного мучителя людей, Он Крестом Своим и страданием примирил человека с Богом и вырвал его из власти диавола. Он Крестом соделал человека сыном Божиим, даровав ему прощение греха. Он Крестом Своим и страданием открыл Себе путь к Воскресению и вместе привел и верующих к вечной жизни. Он сошел во ад, Крестом разрушил вечные темницы и извел плененных на свободу, путь открыв всякой плоти. Он Крестом Своим и страданием основал на земле Царство Свое, Церковь Свою, в которой мы спасаемся, принимаем прощение грехов,

---

¹ Поучение воинам в церкви преподобного Сергия, на Ходынском поле, 14 сентября [1915 г].

получаем общение с Богом, принимаем благодать Святого Духа, укрепляемся в немощи, получаем силу и помощь чудодейственную в борьбе со злом, – и Крестом ограждаемы, врагу сопротивляемся, не боящиеся того коварства и ловительства.

Пред силою Креста бежит от верующего темная сила дьявола, ибо Крест напоминает врагу нашего спасения победившего всякое зло Христа, разорителя ада, и наводит на него страх.

Пред силою Креста умолкают в нас душепагубные страсти, всякий грех, всякое зло, бегут соблазны, – мы гоним их, ибо знаем мы, что, совершая зло, мы становимся заодно с распинателями Господа, распинаем Сына Божия.

Пред силою Креста мы сами распинаем плоть свою, греховную и грехолюбивую плоть, со страстями и похотьми, распинаем не рукою, а волею, подавляя в себе все низменное и греховное.

И силою Креста укрепляем мы наши слабые силы, ибо от Исккупителя нашего принимаем мы все Божественные силы, яже к животу и благочестию.

Такова наша внутренняя борьба со злом.

Но зло воплощается в людях; зло вступает в борьбу с добром в мире; зло вооружается, организуется, захватывает целые племена и народы, обращая их в орудие борьбы с добром. Дьявол действует в мире иногда так, что, по предречению апостола, преобразуется во образ Ангела светлого [ср.: 2 Кор. 11, 14]. Народы, государства, отдельные группы людей и отдельные люди в своей злой работе часто прикрываются именем и видом светлых добродетелей и светлых чаяний человеческих: они сеют зло, насилие, достигают целей себялюбия, – а говорят о культуре, о свободе, о благе народа, о патриотизме, – якобы об успехах добра, о благодеяниях человечеству. И против такого

организованного зла, воплощаемого в целых народах и государствах, должны исходить истинно христианские народы и вести борьбу со злом свойственными государству орудиями – мечом и войною. Такова и нынешняя война с Германией, с народом, который одним своим союзом с мусульманами, этими вековыми врагами Креста Христова, ясно показал себя царством зла и седалищем дьявола.

Но вечно слово Господа Иисуса: Ныне суд есть миру сему, ныне князь мира сего – дьявол – изгнан будет вон [ср.: Ин. 12, 31].

Древняя Византия после того, как с воцарением равноапостольного царя Константина стала она христианским государством, с мечом в руке, но под знаменем Креста вела вековую борьбу с языческим Востоком, с мусульманскими Персией и Турцией. Древние государства Грузии и православных славянских племен вели ту же борьбу с врагами Креста Господня.

Пусть они страдали, пусть они и пали, пусть восторжествовал мусульманский мир, – это торжество оказалось временным и непрочным: христианский народ в конце концов возобладал, а мусульманский теперь, в лице Турции и Персии, это – издыхающие и разлагающиеся трупы.

Вела войну вековую с татарами и Россия, и тоже за Крест Христов подвизалась, ополчалась на брань. И долго она была в рабстве и подчинении, и долго она была слабою, разоренною, и долго она собиралась с силами. Но в конце концов и она победила врагов Креста, стала в силе и крепости.

Теперь нам предстоит новое и тягчайшее испытание: зло воплотилось в народе, по имени христианском, но по духу – совершенно языческом; зло может воплотиться и во внутренних врагах. Как некогда в Каине, убившем родного брата, или в Иуде,

в одном из двенадцати приближенных ко Христу апостолов, – может воплотиться в своих домашних Иудах и предателях.

И может случиться и случается, что враг имеет успех. Может случиться, что целое славянское царство, русскою кровью освобожденное от турок, с турками и немцами восстанет против нас, свершая и повторяя воистину дело Каина и Иуды. Может случиться самый неестественный союз народов и лиц, как во дни Христа, когда заклятые враги – фарисеи, иродианы и саддукеи – соединились вместе, чтобы погубить ненавистного им Иисуса.

И все-таки успехи врагов Креста Господня всегда будут временными, а в руках верных исповедников Христа Его Крест будет всегда оружием непобедимым.

Не погибнет Свет, не сгинет Добро, не будет побежден Христос, не погибнет Его Церковь! Триста лет было гонимо огнем и мечом христианство, триста лет пролежал Крест Господень в глубине земли, покрытый развалинами разрушенного и сровненного с землею города: но христианство восторжествовало, и Крест сияет, воздвигнутый для всемирного поклонения.

И блажен, кто в эту великую и мировую войну стоит на страже защитников Креста, добра, правды и права в числе противников осатанелой Германии. Блажен, кто даже пострадает и погибнет в этой борьбе: он ляжет мученическими костями за дело Христово и будет причастен венцу мучеников. Блажен, кто будет иметь у себя пред очами Крест Господа Иисуса: он в нем найдет оружие непобедимое.

Блажен, кто верит в окончательную победу над силами зла: он услышит слово Господне: Будь верен до смерти, и Я дам тебе венец жизни [ср.: Апок. 2, 10].

Блажен, кто знает и верит, что в последний день мира, как бы ни был силен антихрист, Господь духом уст убиет нечестивого, победит всякое зло и побеждающему борцу за Крест даст сесть с Ним на Престоле Его [ср.: 2 Фес. 2, 8; Апок. 3, 21].

И явится тогда на небе знамение Сына Человеческого – Крест Христов [ср.: Мф. 24, 30], и восплачут силы зла, и возликуют силы правды и вечной веры! Ей, гряди скоро! Аминь! Ей, гряди, Господи Иисусе! [ср.: Апок. 22, 20].

Блаженны вы, воины христоролюбивые и крестоносные; отстаивайте Крест Господень и верьте, и знайте, и уповайте, и исповедуйте делом и словом, что в Кресте Христовом вы имеете оружие непобедимое! Аминь.

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ¹

Второй год совершаем мы восстановленный крестный ход с иконою Всемиловитого Спаса, некогда учрежденный Святейшим Патриархом Никоном и в течение почти двухсот лет умилавший жителей православной Москвы. В прошлом году этот крестный ход совпал с началом войны, с первыми ее успехами. Велико было тогда наше воодушевление. Велика была и уверенность наша в том, что война скоро, легко и успешно окончится.

Господу угодно было послать нам великие испытания веры нашей и твердости. И испытание показало, что мы не довольно имеем терпения, не довольно смирения, не довольно преданности воле Божией. Нужны еще нам испытания и кары, чтобы привести нас к смирению и самоотречению, к общему единодушию; нужны воспитательные удары, может быть, и тяжелые, чтоб образумить равнодушные одних, легкомыслие других, себялюбие и позорное своекорыстие третьих. Нужны нам, может быть, страшные удары и долговременные несчастья, если мы не придем к покаянию и познанию истины. Так не два года, и не пять лет, а пять тысяч лет Господь попустил некогда человечеству ходить путями греха и служения диаволу, пока не обветшало согрешение, пока люди не стерли свою гордыню, пока не смирились, пока не восчувствовали необходимости помощи Божией и не возжелали ее всем сердцем. И тогда Господь послал людям избавление и Избавителя. И от нас не отступит карающая и в

---

¹ Слово в Московском Новоспасском ставропигиальном монастыре 19 сентября 1915 г. по случаю крестного хода, учрежденного в 1647 г., затем упраздненного и с 1914 г. восстановленного.

самой каре милостивая и благодееющая Десница Божия, пока мы не оплачем грехи, пока не прекратятся на земле нашей проявления дерзости, неверия, непослушания Царю Небесному и Царю земному, Закону Божию и закону человеческому.

Знаем, эти наши слова и суждения будут то же, что слова увещания пьяному, для многих, уже опьяневших от греха и злобы, отдавших волю свою и сердце различным смутьянам, агитаторам-обольстителям, знаем, что суждения наши вызовут у многих только насмешку и выходки злобы. Тем хуже для них, и, увы, тем хуже и для всех нас, и тем необходимее будет для нас в нравственном отношении смиряющее Божие наказание.

Крестные ходы и нынешней крестный ход есть один из способов, избираемых Святою Церковью для того, чтобы размягчить наши души, умиливать сердца, призвать к покаянию, к вере, к молитве, расположить к добрым чувствованиям и тем привлечь к нам милость Божию.

Нужны ли крестные ходы? Очевидно, нужны для добрых, идущих во имя Господне, ибо своего рода ходы, не крестные, а бескрестные, не Божии, а сатанинские, не во имя Господне, а в свое имя и во имя злобы, ненависти и смуты, совершают и злые люди, служители зла. Эти бескрестные сборища все чаще стали появляться на улицах нашего города...

Откуда наши молитвенные ходы? Ответим, не обинуясь: в христианстве – от времени Самого Христа!

Когда наш Спас Всемиловитый, не в образе Своем, не в иконе, не в изображении, а Сам как Сын Божий и человеческий во днях плоти Его шествовал во Иерусалим, окруженный множеством народа, – разве это не было величественное молитвенное шествие? Пусть и наше шествие за Спасом Всемиловитым

в Его святом и чудотворном образе будет со словами: «Осанна, благословен грядый Царь наш, Царь нового благодатного Израиля», а не со словами зависти фарисейской. И дай, Боже, чтобы, остановившись над градом нашим, Божественный Спас наш не заплакал от предведения того, что Он некогда предзрел об Иерусалиме, – предзрел, что враги окружают и окопают его, разорят и не оставят камня на камне за то, что люди не уразумели времени посещения Господня...

Когда наш Спас Всемиловитый шел с крестом от претории Пилата на Голгофу, окруженный народом, встреченный женщинами Иерусалима, плакавшими о Нем, сопровождаемый мирноносицами и издали немногими апостолами, – разве это не был единственный и всемирный *крестный ход*? Пусть же и наше последование за крестным ходом приобщит нас к тем, кто терзались душою при виде страданий Иисусовых, кто плакали о Нем, кто веровали в Него, любили Его и в этом безмерном унижении, а не вопили в диком исступлении «возьми, возьми, распни Его...». Вот откуда крестные ходы!

Но, конечно, в годы и века следовавших после смерти Христовой гонений не могло быть открытых крестных и молитвенных шествий христиан... Были шествия скорбные, раздирающие душу при одном воспоминании о них: то были воистину крестные и жертвенные шествия святых мучеников, гонимых злыми и жестокими врагами, отправляемых на костры, на растерзание зверям, на пытки и казни, на пропятие, потопление и колесование. Смиренно, безропотно, без злобы и мстительности принимали мученики, невинные, прекрасные душою, ниспосланные им испытания и этим готовили будущее торжество христианства. О, если бы испытания, ниспосланные

и ниспосылаемые нашему народу теперь, часто крестные, мучительные, и мы принимали бы всем народом с христианским смирением! О, если бы мы поняли, что не исполнениями тех или других, чисто внешних политических пожеланий реформ и преобразований в области управления достигается «легко и быстро» победа над врагом, а глубоким внутренним преобразованием сердца, исправлением жизни по заповедям веры святой, подъемом духовного и нравственного совершенствования, и главное – смирением и смирением, покорностью воле Божией и нашею готовностью принести *свои*, от себя жертвы на благо Родины, а не требованием жертв *от других*!

С объявлением христианства свободною, а потом и господствующею религией в мире являются такие крестные ходы, какие мы теперь совершаем в нашем древлепрестольном граде от лет древнейших. Святой Иоанн Златоуст, когда еще был даже не епископом, а священником в многолюдной столице Востока, в Антиохии, ввел там крестные ходы. Для чего?

Чтобы показать и явить *исповедание веры* во Христа открытым несением святынь.

Чтобы дать возможность всем верующим взирать на эти святыни, *поклониться* им, проглянуть от земли к небу, напомнить себе о Боге, о молитве к Нему, об Его законе и нашем нарушении этого закона, чтобы воздохнуть и *раскаяться* о нашем недостоинстве, о нашей греховности.

Чтобы открыто показать *торжество* веры Христовой и Церкви Божией в мире, *воодушевить* этих слабых, забывчивых, безвольных, боязливых.

Чтобы *противодействовать* языческим шествиям, шумным и бесчинным, и показать всю красоту духовную крестных и

молитвенных шествий христиан, украшенных смирением, кротостью, высоким духовным настроением, воздержанием и молитвенным духом.

Чтобы *объединить* верующих вокруг святынь, вокруг Церкви, чтобы являть видимый и открытый тесный союз пастырей и пасомых в единстве веры, молитвы, упования и подвига.

Чтобы являть *воинствующую* Церковь Христову в ее вечной борьбе против всякого неверия, зла и порока, – воинствующую под знаменем Креста, этого непобедимого оружия христианского. В этом случае наши хоругви суть воинские знамена в нашем духовном воинствовании против врагов нашего спасения.

Что же? Разве теперь эти цели уже достигнуты? Разве отжили свое время крестные ходы? Разве не выражают они тех же целей, того же значения, как и при святом Иоанне Златоустом? Разве это уже отринутый жизнью путь и устарелый образ выражения религиозных наших чувств?

Нет, существо крестных ходов не изменилось, а, может быть, только несколько видоизменилось. Нет философов языческих, отрицавших христианство во дни Иоанна Златоустого, но есть вообще неверы и отрицатели в бесконечно большем числе. Нет язычников в нашем древлепрестольном граде, но есть новые по духу язычники, для которых Евангелие, Христос, Церковь – эти слова или ничего не говорят, или даже вызывают ненависть. Есть и признанное торжество святой Христовой веры в нашем христианском государстве по букве закона, – но так ли это на деле?..

И есть потребность исповедания веры, и есть потребность общей молитвы и назидания, и есть необходимость единения всех добрых чад веры и Отечества под знаменем Церкви и Кре-

ста Христова, и есть необходимость неустанно, бесконечно бороться и бороться за веру и Церковь. И вместе с тем есть глубокая потребность веропокаянного подвига, смиренного пред Богом исповедания нашего греха, нашей немощи, – потребность общенародного покаяния!

Дадим же все это Богу нашему и пойдем искренно и вседушевно тем путем, к которому нас призывает Святая Церковь этими всенародными молитвенными собраниями и подвигами, – и Спас Всемилостивый сокрушит и покорит врагов под ноше наши вскоре! Аминь.

ПОЖАЙТЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ!

Сегодня вместо обычной нашей проповеди с этого священного места мы обращаемся к вам, братие, с просьбою необычною и с наставлением необычным. Москва наполнилась беглецами из Польши. Их видим мы всюду по улицам нашим, во всех учреждениях, на вокзалах, в трамваях. Они – не единовверны нам; они – не православные, даже более того, они, – может быть, потомки тех поляков, которые некогда приходили в Москву нашими поработителями и здесь, в нашем храме, в соборе святого Василия Блаженного, чинили осквернение наших святынь.

И, однако, пастырски мы скажем – даже тем более, потому именно мы и обязаны, как христиане, прийти на помощь беглецам-полякам в их тяжелой нужде. Они доверились России и русскому народу. Они страдают вместе с ним. Они первые приняли удар врага. Они потерпели невероятное разорение. Они с любовью встречали наши войска. Они теперь пришли к Москве – сердцу России. Они – нам единоплеменны, как славяне. Пусть не обманутся они в добром сердце русского православного человека. Всё мы теперь должны забыть, и помнить одно: что пред нами – *страдающие* люди, и притом – наши братья. И я знаю, что не смущу вашего сердца упоминанием и о том, что все собранные средства в помощь беглецам-полякам мы направим в распоряжение их пастырей, католического духовенства в городе Москве.

---

¹ Сказано 25 июля 1915 г. в соборе святого Василия Блаженного в Москве.

ИОСИФ, ЭКЗАРХ БОЛГАРИИ †

В июне нынешнего 1915 г. почил достойнейший из иерархов Православной Церкви Экзарх Болгарии Высокопреосвященный Иосиф. Почти полстолетия продолжалась деятельность этого благочестивого, ревностного, умного и твердого характером иерарха, пламенного церковника и патриота. В его лице сошел живой свидетель возрождения Болгарии, ее освобождения от векового ига, живой свидетель радостных и скорбных событий в истории Болгарии после того, как она благородным порывом русского народа была призвана к самостоятельному политическому существованию. Он вынес на своих плечах всю тяжесть борьбы с неумеренным филетизмом цареградского греческого духовенства и не устранился обвинения в схизме ради того, чтобы отстоять для родного болгарского народа свободу духовно-религиозного развития. Он не устранился и тех безумцев, в руки которых попадала власть в Болгарии, которые толкали и толкают болгарский народ на противоестественный путь ненависти к России, своей освободительнице. В конце жизни он был утешен тем, что мог перейти на жительство из Константинополя в Софию, чтоб умереть на Родине, а не на чужбине, утешен был и тем, что Российский Святейший Синод открыто, при освящении храма в Софии, проявил свое полное духовное общение с Болгарскою Церковью и тем показал, что не считает ее находящуюся в отчуждении от Православия и в схизме, наложенной из Константинополя. С первых дней войны России с Германией владыка Иосиф, глава Болгарской Церкви, с необычайною прямою и мужеством стал против враждебных России германо-

фильских течений, созданных подкупом из Берлина, и голос его, указывающий Болгарии истинный и спасительный путь единения с Россией, не умолкал до последней минуты его жизни. Мы убеждены, что недалеко то время, когда осуществятся и исполнятся его заветы и сердечные чаяния.

Вечною пребудет память усопшего иерарха в сердцах болгарского народа, и вечным символом единения Болгарии и России пребудет имя его, равно досточтимое для болгар и русских.

Вечная память великому иерарху, труженику и борцу за дело Православия и славянства!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРЕД ХРИСТИАНСТВОМ¹

Известно, что знаменитый в своем роде Конт во время прусско-французской войны так был поражен жестокостями немцев, что, не будучи верующим и христианином, однако, верил в христианскую силу воспитания народов Европы и предрекал скоро грядущий мир народов: он уверял, что война та была последней в мире. О жестокостях немцев того времени засвидетельствовала и художественная литература устами Шатобриана и впоследствии – Золя и Сенкевича. Но тогда все-таки мало придавали значения этому свойству немецкого народа: борьба была локализована и казалась лишь частным эпизодом в истории Европы; оттого ее, так сказать, и не использовали для мировых выводов.

Теперь Германия с первых же дней войны постаралась обратить ее в мировую, потому что в движении империализма она, действительно, давно уже далеко вышла за пределы Европы и связала себя с мировыми интересами. Поэтому-то и выводы, на которые нас теперь наводит война, являются более широкими. Пусть бы уж была в войне у немцев одна жестокость! Мы приписали бы ее характеру немцев, жестокому и, так сказать, машинному по силе упрямства; мы могли бы видеть в ней древнюю тактику тевтонов – *furor teutonicus*, имеющую целью устрашить всех и вся и отбить у кого бы то ни было всякую охоту воевать с немцами. Но в настоящей войне гораздо более пора-

---

¹ По поводу объявления войны России Турцией по наущению Германии.

жает тот имморализм, который открыто, цинично проповедуется и осуществляется Вильгельмом, и притом в полном единении с немецкими учеными, с представителями общественной жизни и политических партий, не исключая и социал-демократов. Попросту говоря, все ведется бесчестно: захват Люксембурга, нарушение нейтралитета Бельгии, бомбы с аэропланов, бросаемые в храмы и здания, не имеющие военного значения, обстрел Красного Креста и т. п. Немцы ведут себя так, как будто никакого права, никаких связующих действия договоров никогда не существовало и не существует, как будто не было и нет у народов и отдельных людей ни совести, ни нравственности. Получилось впечатление, как будто ни религии, ни христианства для Германии вовсе и не существовало в Европе и в мире. Сравнительно с немцами японцы десять лет назад оказались прямо джентльменами. Представьте себе человека, который на ваших глазах десятки лет вращался в обществе, казался воспитанным, человеком с «правилами», и вдруг, как только почувствовал себя безнаказанным, – в путешествии, на море, один-на-один в вашем доме и т. п., – обнаружил все свойства форменного разбойника с большой дороги: полез за вашим кошельком, забрал ваши лучшие вещи, раздел вас, избил, оскорбил гнусным образом вашу жену и дочь и т. п. Таково именно впечатление и от поведения Германии после объявления войны.

Последняя выходка Германии в Турции, наконец, с этой стороны переполняет всякую меру терпения. Если в Европе и по отношению к европейским народам Германия явила зрелище полного нравственного одичания, то здесь она является в роли руководительницы мусульманского народа. Оказывается, то самое, что всегда мешало туркам быть европейским народом

и полноправным членом всемирного союза народов, именно – отрицание ими, как мусульманами, общих основ морали, преклонение пред одною внешнею силой, – это самое и внушено теперь Турции *христианским* государем. Некогда заключение посла в семибашенный замок в Стамбуле вызвало негодование всего мира: но ведь нападение, вероломное и разбойническое, немцев в фесках на Черном море нравственно гораздо омерзительнее. В языческом Китае, при полном недоверии к нравам народа, безопасность послов европейских держав обычно охраняется особыми отрядами европейских же войск, которые, мы видим, в 1900 году, действительно, исполнили свое назначение. Не придется ли теперь ставить послов европейских держав в такое же положение и в Берлине?

Да, пред христианством Германия совершила незамолимое преступление! Когда в 1900 году Вильгельм послал в Китай Вальдерзее мстить за убийство Кетелера и провозгласил на весь мир теорию «евангелия немецкого кулака», – тогда эта фраза всех покорила, но все же казалась только фразой неуравновешенного и вообще несдержанного в словах кайзера. Теперь мы увидели уже не слова, а дела... Для сынов христианской веры – какое великое испытание веры! Для апологетов христианства – какое новое препятствие в доказательствах воспитывающего влияния христианства! Для миссионеров, проповедников христианства среди язычников и особенно среди мусульман, – какой трудно объяснимый факт из жизни культурного христианского, «евангелического» народа! Для врагов христианства – какое торжество!

Как теперь кайзер будет служить свои литургии? Как посмеет он произносить имя Христа? Как он сможет делать свои

выступления в роли проповедника, говорить свои напыщенные проповеди?

Протестантство в лице Германии на всемирном экзамене и испытании в силе своего действительного проникновения духом и силою Евангелия оказалось совершенно безответным. Начавши якобы ревностью о духе Евангелия и свободном отношении человека к Богу и Искупителю, оно на четвертом столетии своего существования очутилось рядом с мусульманством, в числе врагов Креста Христова.

Протест, как один протест, никогда, нигде и ни в чем не давал положительных и творческих сил и плодов жизни!

ЗАПОГЪДИНОУШИЯ¹

Спаси от бед рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко к нерушимой стене и предстательству!

Сегодня особое молитвенное торжество у нас во славу Пресвятой Богородицы, во славу Ее чудотворного Жировицкого образа, принесенного из мест, занятых неприятелем. Мы и воздвигли его ныне вместе с другими святынями для нашего настоящего молитвенного собрания на исторической Красной площади, где в течение минувших веков, во дни радостей и печалей русские люди так часто и в таком множестве собирались на молитву. И молим мы Пресвятую Матерь Божию, страны и державы нашей всемогущую Заступницу: Спаси от бед рабы Твоя, Богородице! К Тебе прибегаем, яко к нерушимой стене и предстательству!

В каких же чувствах и настроениях станем мы пред новою чудотворною святыней, пред этим древнейшим образом Богоматери? В каких чувствах и настроениях будем стоять на молитве?

Мы вынесли святыню к часовне, где от лет древних находится другая наша Московская святыня – чудотворный образ Спасителя. Позвольте же вам напомнить одно маловедомое обстоятельство из истории Спасова образа: образ Спаса был некогда, 1400 лет назад, в войске греческого императора Ираклия, – поборника веры и Креста Господня. Царь вел тяжелую

---

¹ Речь на Красной площади на молебствии при изнесении чудотворной Жировицкой иконы Богоматери 20 сентября 1915 г.

войну с Персией; войско его стало терпеть лишения и в пище, и в воинских запасах. Предстояло опасное сражение с врагом, и многочисленным, и хорошо вооруженным: положение, которое несколько напоминает теперешнее положение и нашего русского воинства. И вот пред сражением, для восприятия помощи небесной, для укрепления духа воинства, царь вынес святыню чудотворного образа к воинам. Воодушевление молитвы нарастало и вылилось в такое решение: все согласились бороться до смерти, а между собою прекратить, забыть все и всякие неудовольствия, всякие споры и раздоры, хранить чистое и неомрачаемое ничем согласие.

Вот великое решение для военного времени: и для армии, и для народа! Будем и мы хранить теперь такое же настроение, примем и мы такое же решение пред чудотворною святыней!

Какое единодушие царило в русском народе в начале войны! Ныне, к сожалению, мы начинаем замечать попытки нарушить такое единодушие. Да не будет! Мы говорим: *попытки*, ибо верим в милость Божию, верим в здравый разум и здоровое чувство русского народа, который не даст ввести себя в обман на радость врагу, не даст увлечь себя на пагубный и преступный путь внутренних нестроений. Попытки же – это еще не самое несчастье. Нужно, чтобы мы были тверды, мужественны, благоразумны; нужно, чтобы молитвенное настроение не отступало от нас: и тогда попытки толкнуть нас на гибель окончатся только попытками и встретят с нашей стороны грозный и твердый отпор.

Есть такие строения и такие материалы для строений, которые называют огнестойкими. Их испытывают и пробуют: обкладывают горючими веществами, поджигают со всех сторон, –

и убеждаются, что огонь таких строений не берет. Будем и мы подобны этим строениям. Пусть и нас усердно зажигают враги, пусть толкают на путь раздоров: мы должны ответить только одним решением – бороться до конца с врагами внешними и хранить ничем не нарушаемое согласие внутри России. Может быть, только через 10–20 лет мы узнаем, откуда идут попытки произвести смуту у нас. Сами производящие смуту искренно и бескорыстно, даже самоотверженно поставляющие теперь те или другие вопросы внутренней жизни нашего народа, – хотя, конечно, совершенно несвоевременно, – сами они не видят, не сознают и не замечают того, как бессознательно для себя и незаметно они, может быть, служат игрушкой и орудием в руках тех же внешних врагов, немецких наемников, шпионов и клеветов. Всего два года назад были массовые отравления на фабриках и заводах в наших столицах; рабочие волновались, негодовали на своих хозяев; смута шла по всем фабрикам. Говорили тогда проникательные люди, что отравление – это дело рук каких-то тайных врагов России, которые поджигают рабочих наших и толкают их на путь бунта и беспорядков. Этим речам и предупреждениям не верили; одни по поводу их смеялись, другие негодовали, а рабочие оскорблялись за одно только подозрение в том, что они могут быть орудием в чьих-то руках. И что же? Когда уехал немецкий посол из Петрограда после объявления войны Германией, то в немецком посольстве нашли на чердаках здания самые явные, неопровержимые доказательства того, что и отравления на фабриках, и прокламации к рабочим и от имени рабочих по этому поводу, – все это делали немцы, на немецкие же деньги, с явною целью произвести внутренние замешательства в России, столь выгодные для немцев пред войной, кото-

рую они уже давно наметили и готовили... Однако, ни рабочие, ни их руководители, ни их защитники совершенно тогда не сознавали, что ими управляет какая-то невидимая темная сила...

Может случиться то же самое и теперь. Все попытки произвести среди нас разделения по вопросам устройства внутренней жизни нашей страны, весьма возможно, идут от тех же наших врагов. Все эти погромы немецких магазинов идут из того же источника. Все эти обвинения различных, очень высоко стоящих людей, – обвинения то в сочувствии и помощи немецким пленным, то в похищении или сокрытии того, что пожертвовано для русских солдат, и в передаче всего этого немцам, то в раздаче военнопленным золотых денег и подарков: все это, очень может быть, – дело рук немецких приспешников, которые, играя то на патриотизме нашем, то на требовании честности и бережливости, то на чувстве справедливости, то на заботливости о порядке внутренней жизни нашей, на необходимости, важности и пользе тех или других реформ, – ищут одного: ищут смуты и несогласия в среде русского народа и общества.

Люди маловерующие всегда, решительно всегда, находятся в опасности стать жертвой такого вражеского, коварного и лукавого замысла. Это потому, что они поддаются красивым словам, как будто бы убедительным мыслям и суждениям, как будто бы и великодушным чувствам. А ум, чувство в человеке нуждаются в руководстве и часто, очень часто обманываются.

Но люди веры, преданные сыны Церкви, прекрасно знают и помнят, что доверяться первым движениям нашего ума и сердца сразу нельзя, что красно говорил и сатана Еве и, однако, толкнул ее на погибель, что и теперь, по словам апостола, сатана преобразуется во образ Ангела света [ср.: 2 Кор. 11, 14]. Вот

почему мы ищем прочной опоры под ногами; мы ищем руководства ясного и неизменного: это руководство – в вечном слове Божиим, в учении и водительстве Церкви Христовой, в постоянном общении с Богом чрез молитву и Таинства.

И вот, только мы станем на этом твердом и несокрушимом камени, так и ясны нам сразу станут ухищрения врага.

Мы, по учению слова Божия, будем тогда покорны богоустановленной власти [ср.: Рим. 13, 1]; мы станем огребаться от всякого брата, бесчинно ходящего [ср.: 2 Фес. 3, 6]; наши ноги потекут путями мира [ср.: Еф. 6, 15]; наши уста не станут говорить слов раздора [ср.: Пс. 33, 14]; наши помыслы будут управляться словами апостола: гнев человека правды Божией не соделывает [ср.: Иак. 1, 20]; мы в молитве найдем то умирение чувств, то спокойствие души, ту трезвость настроения, то миролюбие, снисходительность, рассудительность, дальновидность, – все то, что даст нам крепкое решение хранить согласие, единодушие, внутренний мир, – все то, без чего невозможна победа над врагами.

Буди же нам, Пресвятая Богородице, оплотом этого единодушия, нашей нерушимой стеной и предстательством! Аминь.

ХРАНИТЕ СЯТЫНИ¹

В Москву теперь привезены святыни из мест, занятых неприятелем. В наш древний собор поставлен принесенный из Белостока гроб с частицею мощей святого мученика младенца Гавриила, умученного иудеями. Сегодня открыто поставляется в нашем же соборе чудотворная *Жировицкая* икона Божией Матери, принесенная сюда из Жировицкого монастыря Гродненской епархии: во славу Ее и совершается у нас сегодня церковное торжество. Пред нами, таким образом, печальные знаки и горестные напоминания о бедствиях, которые претерпевает наша Родина. Бедствия дошли до того, что чтимые вековечные святыни народные, иногда, как Жировицкая святыня, – в течение целого ряда веков остававшиеся на месте и не покидавшие его в самые тяжкие бранные времена, – теперь как бы ищут убежища...

Так свиреп враг, так часто немцы оскверняли и уничтожали святыни, особенно же святыи мощи и чудотворные иконы, так пренебрегают они всякими законами Божескими и человеческими, что являются для безопасности святынь православных несравненно опаснее, хуже и нечестивее мусульман и язычников. Тяжелые времена! Скорбные обстоятельства!

Казалось бы, что надобно от души благодарить тех архипастырей Церкви, которые, забывая себя и свое имущество, прежде всего озаботились тем, чтобы вывезти и отправить в безопасные места святыни Божии. Однако не все так смотрят

---

¹ По случаю принесения святынь из эвакуируемых местностей в Москву. Сказано в соборе святого Василия Блаженного 20 сентября 1915 г. при священнослужении Гродненского архиепископа Михаила.

на дело, не все так располагаются сердцем. И не по злобе или неверию они делают это, а только по недоумению и, я бы сказал, по ревности, а не по разуму. Пишет мне один из наших, очевидно, постоянных по собору богомольцев: «Будьте добры, успокойте мою совесть по следующему вопросу. В Москву в настоящее время привезены мощи святых мучеников (Виленских) Антония, Евстафия и Иоанна, и к вам в собор – святого мученика младенца Гавриила из страны опасной. Должны ли быть святыни тронуты с места? Ведь наши святители – Петр, Алексей, Иона и Филипп и другие не были увезены в 1812 г. *Охранение святыни должно быть предоставлено само себе.* Желательно иметь ответ поскорее».

Пишет и запрашивает, очевидно, не невер, а человек с вопрошающею и мятущею совестью, хотя и с склонностью к разрешению мелочных вопросов. Но во всяком, по-видимому, и мелком вопросе есть всегда общая мысль, глубокая и важная, и ее надобно вскрыть. Да и такую совесть, «немощую сущую», по выражению святого апостола, мы не должны оставлять без внимания, наоборот, должны дать ей по братолюбию посильное успокоение.

Что же скажем мы в ответ на приведенное недоумение?

Скажем сначала менее важное. Не всегда одинаковы враги на войне. В 1812 году врагами нашими были католики, люди хотя не православные, но все же имевшие много общего с Православием: и они почитали святых, благоговели к святым их мощам, признавали святые иконы, имели, подобно нам, храмы, священство, поминовение усопших, имели обряды и внешний строй Церкви. Правда, среди них было тогда много недавних революционеров и безбожников, но они главным образом нахо-

дились среди вождей и офицеров, а подавляющая численность солдат состояла из французских крестьян, людей религиозных. И можно было питать хоть слабую надежду на то, что если, *при невозможности вывезти святыни*, придется оставить их в руках врагов, они не будут осквернены. Во всяком случае, чтобы осквернять святыни, тогдашние враги ранее должны были переступить через запреты и голос своей совести. Немногим, быть может, известно, что при вторжении в Россию Наполеон издал приказ к своим войскам, а при приближении к Москве повторил его, – чтобы солдаты его не оскорбляли святынь и духовенство русского народа, отличающегося глубокою религиозностью.

Совсем не то теперешние враги, немцы-протестанты: они совершенно отвергают и отрицают храмы, иконы, обряды, мощи, святыни внешние, они презирают и ненавидят Православную Церковь и православное духовенство, они находят сатанинскую радость в том, чтобы глумиться и издеваться над всем тем, что дорого набожному русскому человеку: пушки свои они направляют прежде всего против церквей, при входе в город или селение они прежде всего грабят храмы, рубят и раскалывают иконы, топчут оклады с икон и священные сосуды, обращают их потом в слитки, бросают окурки на престолы, обращают алтари в столовые, предаются разврату в храмах... Даже язычники-японцы ничего подобного не позволяли себе делать по отношению к христианским храмам, и, как я лично видел в Маньчжурии, в Порт-Артуре и городе Дальнем, старательно сносили иконы в безопасные места и потом отдали их русским. Жестокостью немцев и может быть прежде всего объяснено то обстоятельство, что в местах, ими занятых, теперь ни за что не хотят православные оставлять своих святынь.

Затем пути сообщения и средства перевозки в 1812 году, конечно, были не таковы, как теперь. При отсутствии тогда железных дорог, пароходов, автомобилей и невозможно было вывезти в то время все святыни. Да и самое оставление Москвы, как известно, было непредвиденным и решено необычайно быстро. Вот почему и является видимая разница между теперешнею и тогдашнею Отечественною войною.

И все-таки многие святыни были и тогда вывезены из Москвы, и в их числе святыни и нашего собора – чудотворные иконы Покрова, Святой Троицы, святителя Николая, частицы мощей святых, антиминсы, из которых некоторые и донине лежат на престолах алтарей наших храмов, данные за 10 и 20 лет до вторжения Наполеона.

Ибо не только дозволительно и можно, но обязательно и должно охранять святыни, – «да не коснется их рука скверных». Так охранялся в Ветхом Завете кивот завета, охранялись скиния и храм, хлебы предложения во святилище и ковчег со скрижалями Моисея во Святая Святых. И чем благоговейнее относился древний Израиль к святыням, чем более оберегал их, тем большей похвалы удостоивался он от пророков и видел тем более милостей Божиих.

Святыня, говорят, будто бы должна охранять сама себя... Но не значит ли это нарушать заповедь Божию: не искушай Господа Бога твоего, – заповедь, на которую сослался и Сам Спаситель в пустыне, искушаемый от диавола? Зачем же оставлять втуне силу человеческую и все возлагать на Бога? Бог действует не принудительно и внешне, а посредством наших душевных расположений и соответственных им действий. Последовательно проводя правило об охранении святыни собственною ее

силою, мы придем к тому, что собственные дома будем крепко ограждать от злых людей, а храмы будем держать открытыми для воровства, грабежа и глумления. Тогда не нужно строить и крыш над храмами для охраны от дождя и снега, не нужно храмы делать теплыми и охранять от холода и мороза в надежде, что Бог Сам будет крыть крыши храмов, отапливать их, очищать и выметать, поддерживать и охранять. Можно рассуждать и так, что Бог Сам устроит храмы Себе, а людям незачем о том и беспокоиться. Тогда далее выходит и так, что и человека не надо охранять и защищать, ибо ведь и его душа, и жизнь – тоже святыня, а Бог Сам святыню охранит и поддержит. Но это значит совсем истребить все святыни. Тогда, конечно, не будет и вопроса об их перевозке, перенесении или охране. Но разве это достойное и христианское разрешение вопроса?

Не для того ли Господь посылает нам испытания, чтобы мы показали именно преданность святыням и ревность об их охранении? Не для того ли даются нам эти испытания, чтобы мы имели пред собою путь привлечения Божьего благословения? Не стоит ли пред нами обетование Господне: будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни?

Итак, да будет благословенно имя тех пастырей и архипастырей, которые поревновали об охранении святынь. Да будут благословенны те ревнители веры и благочестия, которые приняли с верою и благоговением прибывшие из мест, занятых злобным врагом, святыни и воздают им почитание. Да будет благословенно и наше настоящее молитвенное собрание, возглавляемое архипастырем, скорбящим о запустении и разорении своей паствы и ныне соутешающимся с нами в молитве пред чтимую святынею его епархии.

Более семисот лет назад явилась чудотворная Жировицкая икона Богоматери и с тех пор она источала чудеса утешения и исцеления притекающим к Ней с верою. Теперь пришла Она в наш коренной России град, осияла землю нашу Своим явлением. Склонимся и мы пред Нею в молении, да оградит и нас Она Своим Покровом! Аминь.

ПАТРИОТИЗМ ИСТИННЫЙ¹

В годину тяжелой войны властно просятся в душу воспоминания далекого прошлого, – воспоминания из истории Лавры преподобного Сергия, жившей всегда заветами этого святого и истинного патриота.

Пятьсот лет назад, еще при жизни преподобного Сергия, сюда, в Лавру, пришел князь Димитрий Иванович Донской; он принес с собою патриотическое воодушевление Москвы и всей Руси, чтобы дать этому патриотизму воцерковление и омолитвление в благословении святого и чтимого игумена и двинуть Русь на татар. Триста лет назад здесь истаяли силы и злобные замыслы поляков, врагов Руси, пришедших с целью присоединить ее к Польше, ввести католичество, стереть с лица земли русское государство. Сюда пришли защитники Руси, в великом патриотическом подвиге готовые на смерть, в великом патриотическом воодушевлении и именем преподобного Сергия призывавшие и действительно потом призвавшие весь русский народ на борьбу с врагами.

Сто лет назад новое испытание постигло Россию: пришли французы, несметные полчища Наполеона, взяли Москву, готовя удар России в самое сердце. Велик был патриотический подъем русского народа в эту Отечественную войну. Взоры всех устремлены были тогда к Москве и к Сергиевой Лавре. У стен Москвы, в селении Фили, в убогой хижине крестьянина явлен был миру и России величайший пример самоотверженного патриотизма: князь Кутузов пред лицом Бога и своей совести, пред

---

¹ Слово в Троице-Сергиевой Лавре 25 сентября 1915 г., в праздник преподобного Сергия.

лицом Царя и Отечества, пред лицом всей грядущей истории принял единолично на себя всю ответственность за страшное решение – отдать Наполеону Москву, лишь бы спасти живую силу народа, его армию... Необычайно сильное впечатление произвела на всех эта решимость Кутузова. Многие, не понимая ее причин и целей, готовы были осуждать престарелого полководца, подозревать его или в ослаблении умственных способностей, или даже в предательстве. Но история оправдала его и возвеличила, и подвиг его, вызвавший у современников искреннее и глубокое недоумение, признала величайшим проявлением величайшего патриотизма.

А в Лавре Сергиевой виделись тогда подвиги и чудеса молитвы. Из-за могилы дивный чудесами любви к Отечеству при жизни и по смерти святой и неумирающий игумен ее, преподобный Сергей, своим невидимым предстательством пред Богом оградил свое наследие от лютого врага: Наполеон не дерзнул проникнуть в Лавру, устрешенный видением и грозным прещением преподобного Сергия. Из живых же обитателей Лавры престарелый и уже умирающий ее священноархимандрит, Московский митрополит Платон, славный по всей России, молился денно и ночью о спасении России и, умирая, предрек избавление Москвы, гибель врага.

Все решительно классы общества были тогда охвачены патриотизмом. Речей предательских не было, не было и уныния и страха. Никто не думал о мире с врагом, который, по-видимому, уже прочно владел столицей. Если патриотизм Кутузова, патриотизм великого самопожертвования и самоотречения, готовности на скорби и лишения, на несправедливые обвинения ради будущего блага Родины и вызвал осуждение у некоторых, то это

зависело не от недостатка, а от избытка любви к Родине, от недоумения и непонимания, а не от злых и предательских чувствований и намерений.

И теперь мы переживаем натиск врага, – нового врага, истинного ненавистника славянства и Православия, немцев-протестантов. И теперь, к печали нашей, недавно отступала наша армия на тех же путях к Москве, по которым некогда двигался Наполеон. Не станем говорить подробно о причинах этого печального явления. Не мы виноваты в том, что, как и пятьсот, и триста, и сто лет назад, против России ополчаются и теперь сильные враги; что страна наша обширна, но малонаселенна, и поэтому не может быть столь высоко культурною, как соседние европейские страны; что народ наш – миролюбивый народ, земледельческий, а не промышленный, сельский, а не городской; что война явилась сразу в значении мировой и вызвала неожиданно невиданный по количеству призыв воинов, для которых, естественно, при слабом развитии у нас фабрик и заводов не могло хватить вооружения и снарядов, без особой напряженной работы уже после начала войны. Но несомненно для нас то, что и теперь, как и сто лет назад, отступление наших войск сохранило живую силу армии, что отдача городов и областей западной России, обречение жителей их на тяжелую участь беженцев, – все это имеет такое же значение, как и пожар и оставление Москвы в Отечественную войну. Вожди нашего воинства, решившись на отступление, повторяют с болью сердца патриотический подвиг и патриотическую решимость славного Кутузова.

Как и во дни былые, и теперь все слои и классы русского общества громко говорят о своем патриотизме. В этом от-

ношении наблюдается, к утешению нашему, резкое отличие от настроений недавнего времени, когда мы переживали войну с Японией: теперь уже никто не смеет и не посмеет заявить себя сторонником Вильгельма, желать ему побед, посылать поздравления с победами над русской армией, желать и искать «мира во что бы то ни стало»... Нет, теперь все заявляют о себе, что они – патриоты.

И вот здесь-то и надлежит нам хорошо и глубоко вдуматься в понятие патриотизма, надлежит опасаться, как бы не подменить чистой истины ложью, высокую добродетель патриотизма не заменить или одними словами, или чувствами и действиями совершенно нехристианскими, только прикрывающимися именем патриотизма, вредными для Родины и посему, в существе дела, совершенно противоположными патриотизму. Так ведь и Иуда некогда горячо говорил о бескорыстии и помощи бедным. Так и саддукей Каиафа, невер, безбожник, раздирал ризы и, не веря в Бога, возмущался хулою на Бога, которую якобы допускал Иисус Христос. Так ненавистники римского владычества, готовые уничтожить кесаря, члены синедрiona, громко заявляли пред Пилатом о своем государственном патриотизме: не имамы царя, разве кесаря...

Итак, надобно хранить великую осторожность, и в понимании и направлении патриотизма иметь руководство вечного учения Христова, учения Церкви. Только тогда наш путь будет безошибочным.

Бывает патриотизм, прикрывающий собою только озлобление: он весь пропитан чувством злобы, мстительности, горит ненавистью, готовою на самое жестокое и крайнее дело, и притом даже не к врагу внешнему, а к своим собственным собратьям,

которые вместе со всеми терпят нападение от врага, – к тем, что стоят во власти и правят народом. Слуги такого извращенного патриотизма постоянно твердят, что любят народ, любят и Царя, но всегда и неизменно ненавидят Его правительство, – пока сами не сделаются правительством, и ненавидят за то самое, что их не делают правительством. Своеобразная любовь...

Если борьба с внешним врагом идет победоносно, такие патриоты обыкновенно молчат: так-де и быть тому должно. Но стоит явиться неудачам на войне, как сразу все меняется! Такие патриоты в глубине души тогда рады несчастью; оно развязывает для них пути затаившейся в глубине их души ненависти и злобы. Тогда начинают искать виновников в неудачах и со злорадством, прикрывающимся именем патриотизма, не стесняясь никаким видом самой отвратительной клеветы, находят их в лице тех, с кем они имели счёты до войны, кому завидовали за их высокое и властное положение, начинают призывать к гневу и мстительности с полным бесстыдством, с отвратительным лукавством и двуличием; тогда сеют недоверие к руководителям жизни народа, волнуют общество всевозможными преувеличенными рассказами, всецело направленными в одну сторону: обвинить своих врагов домашних, своих политических противников, отнять у них власть и... взять власть себе. В пылу борьбы такие патриоты не замечают того, что со стороны видно даже ребенку: как все это неумно, как явно, как это бесчестно, как преступно и позорно. Тут у места слово апостола: гнев человека не творит правды Божией (Иак. 1, 20). Тут у места церковное напоминание: «любодружное и благое единство есть спешное во изящных»... Такие патриоты во множестве появились и у нас в России в минувшую русско-японскую войну, когда находились

русские люди, которые в пылу борьбы против правительства доходили даже до того, что желали поражений русской армии, лишь бы поставить ненавистное правительство в затруднительное положение, отнять у него власть, чтобы взять ее себе, и, – неслыханное дело в истории, – посылали поздравления с победами японскому императору, устраивали пиршества по поводу поражения русской армии и гибели русского флота. Таких патриотов надобно опасаться и теперь.

Бывает патриотизм узкий, личный, когда желают блага и улучшения положения только для своего сословия, группы, класса или политической партии: ищут выгоды для одних рабочих, или торговли, или для капиталистов и т. д. О, лучше бы не было совсем этого патриотизма: он только разрушает жизнь государства разделениями и партийными счетами. Здесь доходят в слепом увлечении своими выгодами до того, что не только сознательно желают воспользоваться затруднениями государства, но даже намеренно создают их и, создавши, кричат, вопят, предъявляют требования, запугивают угрозами власть и мирных жителей, усугубляя тягости войны. Но так поступают только с врагами, и притом бесчестные люди, в роде теперешних наших противников – немцев, а не люди честные, не христиане.

Есть патриотизм, прикрывающий лукавство, лицемерие и своекорыстие, когда люди говорят одно, а думают другое, когда взывают ко благу Отечества, а тайно имеют себялюбивые вожеления чисто личного свойства. Этот патриотизм не выше заявлений врагов Христа пред Пилатом: не имамы царя, разве кесаря.

Есть патриотизм, занимающийся только одним осуждением всех призванных к руководству и армией, и внутренней жиз-

нию народа. Такие судьи, большею частью ни в чем не осведомленные, часто искренно полагают, что они все понимают и всем могут дать такие советы, при исполнении которых победа над врагом осуществится «и легко, и скоро»; им ведомы и ясны тайны и военного искусства, и внутреннего управления жизнью с ее сложными и многочисленными запросами и требованиями. Эти люди – узкие, самовлюбленные, ограниченные теоретики, ничего не видящие, кроме усвоенных и принятых на веру теорий политических или социальных. Их легко принять за патриотов, потому что они много кричат, горячатся, потому что они на самом деле еще ничего не показали, и поэтому не могут быть оценены и проверены в своей деятельности; они забывают, что очень легко судить, но очень трудно дело делать. Под всеми их суждениями лежит гордыня, самоуверенность и тайная мысль, что будь призваны к власти они сами, то все было бы прекрасно.

К таким проявлениям ложного патриотизма примыкают движения зависти, самолюбия, оскорбленного тем обстоятельством, что другие влияют на ход жизни, а они, самолюбивые люди, отстранены от власти и деятельности, хотя для патриотической деятельности всем открыты бесчисленные и самые широкие пути и возможности.

Есть патриотизм, который, по-видимому, задается целью только создавать везде страх и уныние бесконечными выдумками и рассказами о несчастиях и грозящих бедах, о тех или других беспорядках в армии, о грозящих бедствиях общественных. Эти люди первые предаются смятению, теряют голову, расстраивают жизнь, бегут от воображаемых опасностей, и часто бывают опаснее самих врагов.

Есть, наоборот, патриотизм, который желает говорить и слышать только приятные вести, не терпящий никаких призывов к труду, лишениям, терпению, осторожности, особенно же – к смирению, молитве и покаянию. Такой патриотизм желает заглушить чувство тяготы от войны или шумными выкриками о нашей силе, или бесконечными забавами и удовольствиями, якобы поддерживающими в народе бодрость и уверенность в победе. Забывают, что именно от этого снижается готовность к труду, погашается сознание необходимости неустанного подвига, умаляется воодушевление... Здесь может случиться с нами по слову апостола: когда говорят мир и утверждение, внезапно может прийти пагуба [ср.: 1 Фес. 5, 3]!

Но довольно о всех этих печальных искажениях истинного патриотизма.

В чем же признаки патриотизма достойного, христианского, плодотворного и истинного?

Такой патриотизм ищет опоры в Боге, а не в человеческой гордыне и самоуверенности. «Иди, князь, на безбожного Мамая, а поможет тебе Пресвятая Троица», – так говорил преподобный Сергей Димитрию Донскому.

Такой добрый и святой патриотизм от веры приемлет спокойствие, трезвость мысли, твердость воли, ясность желаний, – то достойное спокойствие, которое дает нам возможность избегать ненужных подозрений, не поддаваться всякой клевете и запугиваниям, дает силы и способность с терпением перенести скорби и неудачи, встретить, перенести и радости, не впадая в противоположные чувства то опьянения от удачи, то безмерного уныния от неудачи войны.

Достойный христианский патриотизм есть строгое и вседушевное исполнение долга пред Родиной, а не служение своему себялюбию, своекорыстию личному или выгодам небольшой группы людей, к которой мы принадлежим.

Достойный патриотизм посему есть прежде всего и больше всего патриотизм подвига, самоотвержения, самоотречения; он состоит в беззаветной готовности на все жертвы, лишения, а не в требовании таких жертв только от других.

Достойный патриотизм есть послушание власти, обязательное всегда, и сугубо обязательное во дни войны, когда все зависит от внутреннего порядка и единения в жизни народа.

Достойный патриотизм есть патриотизм и слова и дела, а не одного слова, есть патриотизм искренности, прямотушия, а не лукавства и двоедушия.

Достойный патриотизм есть патриотизм созидания, а не разрушения.

Такой патриотизм завещан нам преподобным Сергием и хранится, как постоянный завет, его святою Лаврою. Аминь.

ПАГУБНЫЙ ПУТЬ¹

Жизнь давно покрыла полузабвением историю, уроки и напоминания, скажем более, – заветы «Казанского взятия», совершенного во дни Грозного царя Ивана IV Васильевича. Старые русские князья и правители, умудренные опытом, хорошо знали эту обычную судьбу всяких дел человеческих, – судьбу забвения, свойство скоротечности, и потому приобщали великие деяния и события к тому, что является по существу вековечным. А вековечен только дух человека, вековечна вера, вековечна Церковь. Сошли поколения, свидетели и участники казанского похода; новые поколения, в веках после того протекших, каждое переживало свои исторические события, которые заслоняли в глазах их прошлое, хотя бы и великое. Но чудесной архитектуры величественный храм, в котором мы с вами сегодня молимся, поставленный на главной и центральной площади столицы, невольно приковывающий взоры своей необычайною и редкою красою, оказался самым верным исполнителем замысла казанского победителя – увековечить его дело в памяти народа. И из года в год в праздник Покрова Богородицы мы невольно вспоминаем этот счастливый и цветущий период царствования несомненно гениальнейшего из русских государей, обладавшего государственным разумом и прозрением, хотя впоследствии и уронившего себя в суде современников и потомков своими жестокостями, – вспоминаем счастливый период царствования молодого царя, совершившего знаменитый поход казанский.

---

¹ Слово в престольный праздник в Покровском и святого Василия Блаженного соборе в Москве 1 октября 1915 г.

Событие это восстает с особою силою в нашем воображении и памяти, оживает пред нами особенно во дни военных тревог, переживаемых нашим народом. Таковы текущие дни. Теперь в этом событии мы находим много подробностей, приложимых с современной действительности, в другое время обычно ускользающих из нашего внимания.

Что же надо отметить важного для нынешнего времени в походе казанском?

Укажем на величайшее религиозное воодушевление, которое переживал тогда наш русский молодой народ, только что выбившийся из пут погибельных удельных княжений и пришедший к спасительной силе единодержавия, которое, так сказать, опознало себя в государственных воззрениях царя Ивана IV, как самодержавие, покоящееся всецело на религиозных основах. «Царство русское строится и правится Господа Бога милостию, Пресвятой Богородицы Покровом и святых угодников молитвами и заступлением, последи же нами, самодержавными государями, а не еже ипаты и воеводы», – так выразил Грозный царь внутреннюю сущность русского самодержавного государственного уклада. Самый патриотизм и повиновение новой государственной власти самодержца были также освещены и осмыслены религиозным началом. По словам Грозного: «вся Божественная Писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися и рабом господем, *кроме веры*»; Грозный признает, что если царь даже и жесток, и несправедлив, то все же ему надлежит повиноваться, а за казнь несправедливую, если к ней приговорит царь, принять награду мучеников на Небе, но все-таки не восставать против царя, – опять-таки во всех делах, «*кроме веры*»: «послушать надо господей своих, пишет Гроз-

ный, не пред очима точию работающа, яко человекоугодницы, *но яко Богу*, и не токмо благим, но и строптивным».

Таким образом и здесь, в государственных воззрениях, а не в одном только походе казанском, который русский народ рассматривал в полном смысле как войну за веру, сказался религиозный характер патриотического воодушевления нашего народа во время казанского похода.

Самые памятники этого похода в Москве и Казани были исключительно памятниками религиозного характера: учреждение монастырей, постройка церквей, вклады в церкви и т. п.

Укажем далее на величайшее единодушие русского народа во дни казанского похода. Все тогда понимали, что вопрос поставлен историей, – как и в текущую войну, – о жизни и смерти русского царства; дело шло о завершении великого дела борьбы нашей с монгольским нашествием, о нашей свободе, о нашем историческом значении в связи с мировым призванием русского царства.

Укажем, наконец, и на необычайную настойчивость и терпение, проявленное тогда нашим народом. Не надо забывать, что ведь ранее казанского похода царя Ивана IV Васильевича трикратно русские шли неудачным походом на Казань, причем однажды войско наше едва не погибло на Волге и потеряло все вооружение и запасы вследствие неожиданно разразившейся неблагоприятной погоды. Но старые русские люди не умели унывать; их не охватывала такая нервность, какая, к сожалению, теперь наблюдается во время войны решительно во всех слоях нашего общества... Вот бы и нам во дни текущей войны все это следовало бы помнить и иметь пред очами, как пример, достойный подражания: и религиозный подъем, и патриотиче-

ское воодушевление народа, и стойкость в испытаниях и несчастьях, и терпеливое ожидание конца войны и полного достижения ее целей.

Но где люди, там и страсти. И тогда под великим единодушием и патриотическим воодушевлением всего народа таились и зрели семена разделения и предательства отдельных лиц. Они, эти пагубные семена, всегда взрастают на гордыне, питающейся самолюбием и самомнением, и часто дают ядовитые и зловреднейшие плоды свои, к сожалению, в душах наиболее одаренных, в людях особенно способных.

Когда мы читаем древние сказания о казанском походе, то встречаем среди них повесть знаменитого Андрея Курбского, такого именно одаренного человека, но сгубившего себя спесью и гордыней, надменного родословного боярина. Не хотелось бы сегодня вспомнить этого имени среди имен тех, которые под стенами Казани кровью и жизнью заплатили за Русскую землю и за Святую Церковь, за ее силу и славу. Но и Слово Божие поминает наряду с добродетельными людьми и злодеев, одних – как образцы для подражания, других – как остерегающие и устрашающие образы. Способен и умен был князь Курбский, но силе его дарований добрых соответствовала и сила злых склонностей. Читая его повесть о взятии Казани¹, мы видим только самохвальство Курбского: все сделал он один, да еще его брат. Они и татар разбили, они и первыми на стены крепости взошли, они и город Казань взяли, – царю и воинству уж нечего было и делать... Гордыня дала свой плод и дальше. Князь не захотел подчиниться

¹ См. «История великого князя Московского» и т. д.

царю. Проникнутый началами чуждой польской государственности, которые потом и сгубили Польшу, князь отстаивал право князей удельных на самостоятельность, на ограничение церковной власти, «право отъезда» в случае несогласия с царем. Это было в полном смысле предпочтение блага личного и сословного благу общему и государственному. Курбский должен был бежать из России, спасая себя от гнева Иоанна Грозного. Но отстаивая свою свободу и личность, по странной судьбе и удивительному свойству всех неумеренных и крайних искателей, ревнителей и защитников свободы, – он чужой личности, чужой свободы не щадил, не уважал и не ценил. Он, достигнув пределов недосыгаемости, не будучи в силах пересилить своего раздражения, пишет Грозному царю укорительное и язвительно-ругательное письмо и отправляет его со своим верным слугою, то есть посылает верного слугу на верную смерть. Чем кончил Курбский? Через год он с враждебными войсками Литвы уже стоял на границе России и воевал против своей Родины. А дети этого горделивого боярина, так много говорившего в переписке с царем о своем православии и православии своего рода, уже приняли католичество и навсегда погибли и для Православной Церкви, и для Православной России. Такова судьба и конечный исход гордыни и самомнения, всякого бунта и непокорности.

С личностью Курбского и с его идеями случилось на Руси то же, что с Лютером и его делом. Наша школа, наша литература, наши общественные настроения постоянно восхваляют бунт-протест и предательство Курбского. Так же восхвалялись и бунт-протест Лютера, его протестантская реформация, пока теперь, в эту войну с немцами, чрез четыреста лет существова-

ния протестантизма, не увидели все воочию, что начало злобы, положенное, как закваска, в реформацию Лютера, дало плоды по роду своему в злобном, бесчестном и эгоистичном немецком народе.

Такова же судьба и настроений Курбского, которые, к глубокому сожалению, живут главным образом в нашем образованном обществе и иногда – даже в государственных деятелях. Не по-нашему сделал царь: уходить от него и бежать из Родины; мстить за себя путем измены и предательства, искать защиты и поддержки у врагов Родины; в борьбе за свое самолюбие наносить раны Отечеству и народу; радоваться несчастьям Родины... Вот что иногда, к горю нашему, видится и вокруг нас, в общественной и государственной жизни.

Причины таких настроений ясны: они – в чрезмерной самооценке, в преувеличивании своих дарований и способностей, в самости и в признании блага личного, сословного или партийного выше блага общего и государственного. Не дай Бог убедиться в пагубности всего этого настроения слишком горьким опытом, тяжелыми несчастьями, – так было вскоре после смерти Грозного в смутное время нашей истории, когда начала, которыми открыто руководствовался Курбский и которые жили тайно во многих русских боярах, прорвались наружу и привели было государство на край гибели.

Спасла тогда Родину наша вера православная, спасло царелюбие народное, спас Отечество всенародный порыв единоплеменного желания отстаивать Отечество, – и спасли несчастья, отрезвившие многих, умирившие все раздоры, приведшие к покаянию и единоплеменности.

Пусть все это послужит для нас вразумлением и предостережением.

Опасен путь раздорничества, гибелен путь гордыни и самолюбия; спасительно воодушевление единой веры и общего патриотизма; вот о чем говорят нам события, увековеченные построением нашего святого храма, победного, обетного и заветного, – величественного царского и вместе всенародного храма. Аминь.

ЗАБОТА О БЕЖЕНЦАХ¹

Служение великому государственному, патриотическому делу поставило себе задачей наше возникающее Общество попечения о беженцах русской национальности.

В расчеты нашего врага, без сомнения, входило намерение не только захватить нашу территорию на большом пространстве, не только взять города и крепости, но и самый тыл наш, так сказать, парализовать, отравить, и отравить именно беженцами, причинив нам полное расстройство жизни. При таких условиях предупредить расстройство жизни, разрушить замыслы врага, устроить быт беженцев – это значит не только совершить великое христианское дело любви к страдающим братьям, но и дело высокого государственного значения, дело в полном смысле патриотическое.

Пусть не смущает нас то обстоятельство, что мы приняли на себя заботу о беженцах собственно русской национальности. Пусть не говорят нам, что любовь благотворящая не знает различия национальностей и имеет пред собою вечный урок евангельского самарянина. Мы хорошо знаем это. Но не мы создали такое разделение и выделение. На наших глазах образовались и действуют общества польское, еврейское, латышское. Само правительство одобрило и приняло это начало разделения по национальностям и отпускает обществам с национальною не русскою окраскою крупные вспомоществования. Мы не осуждаем этого явления. Но мы не можем не отметить, что при таких

---

¹ Речь на молебствии при открытии Общества попечения о русских беженцах в Москве, 5 октября 1915 г.

условиях русские беженцы являются обойденными и обездоленными, и нам естественно создать и открыть для помощи им особое благотворительное учреждение, чтоб обратить на беженцев русской национальности заботливое внимание русского общества и правительства. Правда, правительство отпускает средства на беженцев вообще, в число их входят, конечно, и русские; но при существовании инородческих благотворительных обществ есть кому напоминать, ходатайствовать о беженцах-евреях, поляках и т. п., а напоминать и ходатайствовать о русских беженцах некому.

Итак, появление нашего Общества, действующего параллельно с другими подобного рода обществами, заботящимися об инородцах-беженцах, – естественно и необходимо. Нужно удивляться только тому, что оно появляется поздно. Оно должно было образоваться с того времени, – то есть год тому назад, – когда в России появились впервые беглецы, ушедшие с родной земли потому, что ее занял неприятель.

Вы пожелали иметь в своей среде непременно духовных лиц; вы пожелали начать и продолжать дело свое в молитве и благословении Церкви. Наш маститый архипастырь на это соизволил.

Да благословит же Господь ваши труды и да подаст вам пережить и переживать счастье напряженного труда высокой духовной ценности и радость благословенного успеха! Аминь.

ЖЕРТВА¹

Второй год начинаем мы учение в школе при тяжких военных обстоятельствах. В нынешний год, вы видите, мы приступаем к занятиям слишком поздно: весь наш обширный дом занят больными и ранеными, а школьное помещение наше пришлось надолго отдать беженцам из тех мест, которые теперь заняты неприятелем. Вам и нам пришлось *пожертвовать* более чем целым месяцем учения, чтобы дать приют несчастным страдальцам, претерпевшим и потерю имущества, и лишение родных, и тягость бегства, и ужасы неизвестности будущего относительно крова и пищи.

Запомните же из времени вашего учения, что в важных событиях и обстоятельствах, переживаемых Родиной, требуется не только патриотизм, не только сознание долга защищать Родину, но *готовность на жертвы* ради ее блага и действительное жертвование собою. В наше время не все это понимают. Есть патриотизм, так сказать, торгашеский, когда люди подбадривают себя и своих единомышленников соображением только выгоды личной, или выгоды для лиц своего круга. Тогда обыкновенно говорят, что если враг нас одолеет, то мы и нам близкие теряем такие-то выгоды, а если мы победим, – приобретаем, наоборот, такие-то выгоды.

Но такой патриотизм недостоин человека-гражданина и христианина. Он опасен, даже очень опасен, потому что временные выгоды человека или сословия могут не совпадать с благом

---

¹ Речь на молебне при начале учения в Московской учительской второклассной школе с дополнительными курсами, 10 октября 1915 г.

Отечества, и тогда мы можем оправдывать даже предательство и измену. Теперь все терпят потери и лишения, семьи теряют убитыми и ранеными своих сыновей, жены – мужей, сестры – братьев, близкие – родных. Все мы терпим от дороговизны жизни, от неправильного подвоза продуктов, от множества раненых воинов, требующих ухода, попечения и траты, от многочисленных беженцев, с которыми надо нам поделиться и жилищем, и одеждой, и пищей. Разве можно в таком случае высчитывать выгоды свои или кружка своих близких и единомышленников?

Нет, страдает вся Родина наша, Отечество наше, наша дорогая Россия. Ее одну будем иметь пред своими очами. За Родину будем страдать. Отечеству будем приносить наши жертвы. И будем все терпеть, всем жертвовать, без мысли о выгодах, или невыгодах, а по чистой любви, никогда не знающей холодного расчета и торга, по долгу своему, который знает только подвиги, жертвы и лишения.

Такова воля Божия о нас. Таков закон Христа, заповедавшего нам: «По тому узнают, что вы – Мои ученики, если будете иметь любовь между собой!» [Ин. 13, 35].

Учитесь же любви, учитесь подвигу, учитесь исполнению долга, учитесь умению приносить жертвы на общее благо! Аминь.

ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА¹

Есть своеобразная и «с силою многою» действующая власть в воспоминаниях прошлого. Помянух дни древние и поучихся, – говорит пророк (Пс. 145, 5). И Библия полна призывов и постоянных упоминаний о прошлых судьбах человечества.

Есть непостижимый закон, непостижимая особенность власти прошлого: в нем отпадает все терпкое, тяжкое, помнится большею частью доброе, доброе в глубоком духовном смысле слова. Заметили ли вы, что мы охотнее всего воспоминаем? От удовольствий, развлечений, от веселья, особенно пустого, суетного или греховного остается даже какой-то неприятный осадок, какая-то изгарь. И поэт подметил и отметил это: «Минувших дней угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье»... Но вот что помнится навсегда и бодрит в самых воспоминаниях: годы труда, особенно труда любимого, идейного, духовного, годы страданий и лишений для блага других во имя Бога и высших целей человеческого существования, подвиги, болезни, муки, беспокойство, перенесенные жертвы в служении высшему благу, – все это в воспоминаниях полно неизъяснимой силы, глубоких уроков, глубокого душевного удовлетворения!

Как часто мы теперь по различным поводам воспоминаем Отечественную войну и применяем ее указания и наставления к переживаемому времени тяжелой второй Отечественной войны! Торжественный крестный ход вокруг седого Кремля древней нашей столицы, совершаемый ежегодно в память освобождения

---

¹ По поводу ежегодного крестного хода вокруг Московского Кремля в память избавления Москвы и России от нашествия французов в 1812 г.

Москвы от французов, невольно с особою силою будит такие воспоминания и вызывает на глубокие сопоставления.

Вот мы стоим в этом святом храме: как все теперь здесь прекрасно, уютно, чисто, благолепно, радует взоры. А когда ушли отсюда французы, подложив фитили и порох под все главные здания Москвы, купол верхнего знаменитого нашего собора лежал на полу, а в нижнем соборе рука святого Василия Блаженного, дорогой дар царя Феодора Иоанновича, была похищена; на месте гроба святого Василия Блаженного стояли конские ясли, храм был обращен в конюшню, алтарь – во временное жилое помещение... Но прошло столетие, и все переменялось. Куда девался этот шум? Где тогдашнее смятение? Высохли слезы, забыты страдания, расширился город, вознеслись в благолепии снова к небу купола храмов и соборов, и самые французы – теперь уже наши союзники и друзья... А спасенная нами тогда Пруссия, король которой вместе со своими сыновьями при посещении нашей столицы преклонил колена свои в глубоком благодарном поклоне сожженной и разоренной Москве и в ее лице – всей России, – теперь горит к нам ненавистью и льет кровь сынов России. В довершение всех превратностей дел человеческих объявляется манифест о войне... с Болгарией, которую создала Россия, за которую проливали кровь наши русские герои, которой Россия помогала и деньгами, и оружием, ныне направляемым против самой России. Ведь это не манифест, это, можно сказать, жалоба Небу, это жалоба человечеству в его прошлом, настоящем и будущем, это вопль оскорбленной души русского народа на неблагодарную страну и народность! Да, сколько дано душе человека почувствовать и перестрадать! До какой высоты подвига она может подняться и как низко

может упасть! Не напрасно Тот, Кто перестрадал всеми страданиями человеческими за грех человека, должен был по человечеству Своему испытать и этот душевный тягчайший удар – измену благодетельствованного ученика, предательство Иуды. О, Болгария! Кий ты образ Иудо, предателя Спасу содела? Но беззаконный Иуда не восхоте разумети.

Но пройдет опять уреченное время, столетие ли, больше или меньше; заживут раны нашего народа; восстановятся, как и встарь, разрушенные и оскверненные теперь немцами храмы; возвратится народ на покинутые места, зазеленеют поля, поднимется и зашумит лес, зацветут луга... И Болгария, может быть, как блудная дочь, вернется в объятия матери-России. И Русь, может быть, успокоится, а раны наши и болезни смягчатся, перестанут гореть острою болью. Сравняются могилы бесчисленных жертв войны, умрут и те, что теперь оплакивают их с воплем крепким, в скорби неутешной. Может быть, впереди Россию ждут века силы, славы и благоденствия...

Да, может быть. Но ведь может и не быть! Есть же, должны же быть законы благоденствия царств и народов, признаки их жизнеспособности и условия их падения и смерти. Не все государства возникали к жизни после страшных исторических потрясений. И странное дело: бывало так, что те именно царства, которые по обычным человеческим расчетам и соображениям должны бы восстать к силе и новой жизни, – они-то и погибали совершенно, и совершенно наоборот, царства, по-видимому, обреченные гибели по естественным соображениям человеческим, продолжали свое существование. Тайна жизни их и смерти коренилась в верности или неверности тому, что мы называли бы душою народа, а душа народа есть его вера, есть Божие,

данное ему предназначение. Вот почему царство Израильское, при 10 коленах народа еврейского, после разрушения Самарии, так и не могло восстановиться, ибо ушло от единства богопреданной веры, изменило тому, что было самою душою души древнего Израиля, а царство Иудейское, при двух коленах, и имея тех же врагов, что и царство Израильское, все-таки и после разрушения Иерусалима, и после разгрома Навуходоносора, и после 70 лет плена в Вавилоне, простояло еще полтысячелетия, верное закону веры и богопочитания. Оно погибло только тогда, когда обагрилось кровью убиенного Богочеловека, отвергло Его и чрез это убило свою душу, отказавшись от Божьего предназначения и своего исторического и мирового призвания принять Евангелие Сына Божия и возвестить его всем народам земли...

История помнит падение Рима и Византии, величайших царств мировых. Византия стала «торговать верою», находить и создавать «унии» то с мусульманством во дни иконоборчества, то со своими домашними еретиками во дни монофелитства, то с католичеством в Лионе и Флоренции; она стала обращать истину доверенного ей Православия в орудие мирских целей, – и, убивши душу народную, погибла. Принижение веры в государстве уже говорило о том, что оно охвачено процессом вырождения... Какой урок векам, народам, царствам православным!

Рим пал отчего? Неужели от того, что к железным легионам его, прекрасно вооруженным, помнившим былые победы, пришли дикари с дубинами и в звериных шкурах и взяли голыми руками могущественное некогда царство? Есть рассказ о том, что когда царю тогда сообщили о том, что «Рим пал», то он неутешно плакал, думая, что пал его любимый конь, носивший имя «Рим», и успокоился после того, когда узнал, что пала не

лошадь, а столица его царства... История свидетельствует, что народ в Римской империи исчерпал тогда до конца свое государственное бытие тем, что потерял всякую способность к жертве, к подвигу, к борьбе с врагом, что он, развратившись мирскими благами, потерял дух и уже не в состоянии был дать из своей среды людей, готовых умереть за Родину.

И в организме физическом у человека мы видим тот же закон: если организм силен, здоров, богат жизненными силами, он поборет случайно вторгшуюся болезнь, поражение какого-либо одного органа тела; он вытолкнет из себя всякое постороннее тело. Часто бывает, что перенесенная болезнь такому организму приносит даже укрепление и обновление. И наоборот, слабое тело, надорванное, умирает от первой легкой болезни.

Здоров ли наш народный организм? Богат ли жизненными силами наш народ? Обречены ли мы гибели, или пред нами в веках грядущих открываются после этой второй и тяжчайшей Отечественной войны века силы, преуспеяния и благосостояния?

Мы по ответу прошлого знаем безошибочные признаки и условия того, что служит к жизни и что ведет к смерти народов.

История, наука, опыт и наблюдение согласно свидетельствуют, что первый признак одряхления, увядания, вырождения народа и его обреченности на смерть есть потеря живой, воодушевленной веры, веры религиозной в самом широком смысле слова, даже не правой. Посмотрите на тех же греков и римлян в годы их молодости и силы, в древности; возьмите оставшиеся после них литературные «классические» памятники. Вы едва ли найдете страницу, где бы не упоминалось по несколько раз имя богов. Они были по-своему высоко религиозны. Жертвы, жрецы, клятвы, сказания о явлении богов, постоянное чувство

присутствия высшей духовной силы и участия бессмертных в жизни смертных – вот чем была проникнута жизнь древних греков и римлян. Пала их вера – пали и сами народы. Вера, свойственная молодым и жизнеспособным народам, есть вера живая, сердечная, есть неиссякаемое геройство и бодрость духа, это вера беззаветная, увлекательная и увлекающая. Она в христианстве – постоянно дает и рождает святых, она движет народ на богомолья, на искание и посещение святынь, на благоговение к явлениям силы Божией, она влечет народ во храмы, она служит связью и основой жизни личной, семейной, общественной и государственной, она каждое явление жизни оценивает с точки зрения Евангелия и в свете вечности, она высоко ставит положение пастырей в народе, она наполняет обители подвижничества и окружает их благоговейным почитанием народа. Итак, если у нас умножаются храмы и обители, если живы в нас религиозные интересы, если наблюдается подъем и воодушевление веры по поводу всяких крупных событий жизни, если нас радует слово о Боге, о Церкви, о Божьей воле, если в храме горим мы молитвою, как свечи пред иконою, если нас захватывает, увлекает, зажигает народная вера, и если сбегает, скатывается и уничтожается всякий помысл и соблазн холодности и маловерия, равнодушия и уныния, – то жив в нас Господь наш, – велик запас жизни народной души, нечего бояться за народ наш, – его не победит никакой враг. Но если храмы пусты, а театры полны; если церковный уклад жизни забыт, а привиты обычаи мира и его утех; если храмы убоги, а места увеселений блещут красотой и роскошью; если все и всякие интересы – научные, литературные, общественные – на высоте и в почете, а интересы религиозные – в стороне и без внимания, даже в

презрению; если всякий так называемый «общественный» почин непременно и неизменно враждебен Церкви, если быть служителем Церкви и подвижником обители в так называемом «обществе» уже не принято или даже зазорно, – то это начало вырождения народа.

Итак, блюдите, како опасно ходите! Храните, как величайшую ценность жизни народной, эту молодую, бодрую, всезахватывающую веру, этот религиозный энтузиазм народный. Боже сохрани впасть в то состояние богача евангельского и его пяти братьев – образ целого общества, которые, не слушая Моисея и пророков, не слушая слова Божие, даже и тогда не имут веры, если кто из мертвых восстанет...

И еще: способность к борьбе за добро, за Бога, за Церковь, за веру – дает непременно и способность борьбы за Родину, за свой народ. Истинный и прочный патриотизм всегда питался религиозным воодушевлением, и, наоборот, обращался в животный, был непрочным, получал неправильное развитие и уродливые проявления, когда не был в связи с религиозными чувствами. Когда в семье начинают проявляться стремления определить и установить взаимные отношения членов путем договора, отстаивания прав, определения обязанностей чисто юридически, тогда никто не хочет пожертвовать собою, тогда нет беззаветной, не рассуждающей о выгоде любви, тогда в сущности – конец семье. Не то же ли и в государстве, когда даже в патриотическом служении и порыве выдвигаются интересы так называемые «классовые», а не общая, до самозабвения доходящая любовь к Родине? Итак, не разделяйте умиления печати по поводу современного выступление социализма, предостерегающего своих последователей против борьбы с правительством

и против действий, мешающих успеху нашей войны: здесь уже вырождение патриотизма, если подвига на благо Родины требуют только потому, что *временно и случайно* это совпадает с интересами рабочего класса, «пролетариата», как принято выражаться... Здесь уничтожается идея гражданина и вместо нее подставляется идея пролетария... Может легко измениться положение, воевать может с нами уже не Германия, теперь вдруг сделавшаяся опасною для социал-демократии, а бывшая еще так недавно ее Сионом и Родиной, а другая страна, может и Германия вдруг стать убежищем социализма в действительности ли, или в ловких и заманчивых обещаниях ее дипломатии, – и значит, от патриотизма рабочих не останется тогда и следа! Где же тогда их Родина, их Отечество? И всегда будет то же самое, если в государстве сословия, классы, группы населения будут выторговывать себе права, устанавливая взаимные отношения, определять обязанности к Отечеству, особенно во время войны, не по силе влечения к жертве, к подвигу, не по духу самоотверженной любви, а на холодной юридической основе. В любой момент может тогда случиться, что от патриотизма той или другой группы населения не останется и следа.

В первую Отечественную войну, по свидетельству истории, все сословия и классы русского общества состязались между собою не в добывании и отстаивании прав, а в принесении жертв на благо Родины.

Итак, хранить надо эту цельную, чистую, я сказал бы – поэтически прекрасную, беззаветную любовь к Родине, какую и теперь имеет простой солдат из деревни, умирающий на войне. В час предсмертный раздумывает ли он, за какие и чьи права он умирает, какому сословию служит службу? Пред ним стоит ве-

ликая Родина, великая Россия, благословенная Россия, и ей одной и всецело, во имя Бога и Христа Его, он отдает свою жизнь, от нее принимает напутие и благословение.

Если есть в нас эта молодость духа, имеющая чудное свойство не стареть с нашею старостью, если есть такая духовно-нравственная настроенность подвига, способность к жертве, к самоотречению, к самоотвержению, то силен наш народ, не одолеет его враг никакой и никогда! Тогда залечатся раны теперешней войны, забудутся обиды и самое предательство Болгарии и других Иуд и Каинов славянства.

И будут наши потомки, как и мы ныне, вспоминать вторую Отечественную войну с чувством благодарной любви и умиления, и будут черпать из воспоминаний о ней уроки веры и самоотверженной патриотической любви и побуждения к тому, чтобы вести Россию вперед по пути ее великого мирового призвания в веках и родах, под таинственную Рукою миродержавного Божественного Промысла.

Господи, пошли свет Твой и истину Твою: та мя настависта и введоста в гору святую Твою! [Пс. 42, 3]. Аминь.

ЧИСТОТА ДУШЕВНАЯ¹

Как и при каких обстоятельствах явился чудотворный образ Богоматери в Казани, – эта святыня, данная некогда православному русскому народу вскоре после ниспровержения им царства неверного, данная *свободной России* в ознаменование ее великого религиозно-исторического призвания?

Девочка, – чистое и невинное дитя, – была избрана Богом провозвестницей милости Богоматери. Три раза слышала она во сне повеление поведать властям города о чудной иконе Пресвятой Богородицы. Чистое и невинное дитя говорило людям взрослым, представителям Церкви и государства, – и голос этот привел церковную власть к обретению святыни, впоследствии в течение веков обходившей обширный приволжский край и воспитавшей много поколений русских и инородцев в благоговении к Православию, в религиозном единении со всем русским царством.

Кто впервые взял из глубины земли явленную чудесно святыню? Чистые руки чистого душою благочестивого священника Ермолая, благоговейного служителя Церкви, впоследствии – Святейшего и прославленного во святых Патриарха Всероссийского Ермогена, – чистые руки приняли впервые святыню и передали ее народу. «Бывшу мне в чину поповском», – говорит о себе святой Ермоген: «я принял святую икону на свои руки».

Кому была дана святыня? Благочестивому населению города, окруженному мусульманами, – дана народу, преданному вере православной и в ней видевшему смысл своей жизни и

---

¹ Слово в день Казанской иконы Пресвятой Богородицы; сказано в городе Москве в церкви святого Николая в Студенцах 22 октября 1915 г.

жизненного подвига, – народу, отстаивавшему в борьбе с зловерием святую истину православного христианства, народу, на окраине тогдашней Руси исполнявшему религиозное призвание России быть светом и веропроповедником Евангелия среди языков.

Из святыни местной, Казанской, образ Богоматери делается святынею всероссийскою в смутную годину жизни русского царства. Тогда икона Казанская была в стане русского воинства; с ним пришла она к полоненной Москве и у Кремля остановилась, там, где знаменитым князем Димитрием Пожарским впоследствии построен донныне стоящий там Казанский собор.

К кому же явилась тогда на помощь Казанская икона Богоматери?

К народу скорбному, истерзанному непрерывною бранью, видевшему уже скорый конец своего царства, – к народу плачущему, покаявшемуся в своих ошибках и заблуждениях, доказавшему свое раскаяние беспримерными подвигами самоотвержения, поднявшемуся на брань «за дом Пресвятыя Богородицы», готовому на муки и смерть, – народу, одушевленному высоким чувством любви к Родине и желанием возвратить ей благодетельную царскую власть.

Нужно ли делать применение сказанного к тому времени, которое мы теперь переживаем?

Чистыми душами и чистым сердцем приступим к святыне, чистыми душами прославим Заступницу рода христианского; с детскою верою приступим к молитве и нынешнему торжеству: и Богоматерь, как во дни оны, явится к нам с Небесною помощью.

Чисты да будут руки наши и уста, чтобы коснуться к святыне: и Богоматерь будет и нашею матерью. Иначе слово Исаии-

пророка, грозное слово от лица Божия к нам применимо будет: «Праздников ваших не терпит душа моя» [ср.: Ис. 1, 13–14].

Благочестив да будет наш народ; пусть дорожит своим Православием; пусть помнит, что его мировое, историческое, религиозное призвание в том состоит, чтобы сохранить, углубить в своей жизни и пронести до последних пределов земли святыню истины православной, чтобы войти в Церковь, в ней, с нею и ею жить: и тогда навеки Пресвятая Богородица будет страны нашей православно-русской Всемошная Заступница.

Покаяние, чувство сокрушения и сожаления в содеянных грехах пусть охватит весь народ наш и всех нас. Есть в чем нам каяться. Много погрешили мы против веры и Церкви в последние годы; много прогневали Бога крайнею распушенностью и чувственностью, гордынею и бесстрашием в грехе; много виновны мы пред Отечеством, пред народом, пред Царем, пред Церковью, виновны равнодушием, леностью, себялюбием, легкомысленным осуждением всех, выше нас стоящих, всякого рода непочтением и противлением власти... Покаяться надо: и Богоматерь придет к нам в Своей святыне и избавит нас от лютых обстоятельств и нынешней войны.

Во время прошлой русско-японской войны украли святую Казанскую икону... Но мы не почувствовали тогда острой скорби от лишения святыни! Наоборот, в части нашего русского общества было, к ужасу сказать, даже какое-то злорадство: «вот, мол, святыня себя не защитила!» Не подумали иного: вот, народ наш оказался святыни недостоин, как древний Израиль, потерявший Ковчег Завета... Возмездие пришло скоро в безрадостной, какой-то особо несчастной прошлой войне, полной неудач и позора.

Но святыня – в душе нашей и сердце. Оттуда святыню никто у нас украсть не может, если мы сами ее не отдадим врагу. Впрочем, если бы она и взята была и отдана нами, ее всегда можно вернуть благоговейною верою, благочестною жизнью. Так случилось с предками нашими в дни смутного времени, когда, в ответ на оживление веры и всенародного покаяния, пришла к ним святая икона Казанская.

Пусть же теперь явится сокрушение в нашем народе за слабость веры, за появление сект и расколов. Пусть явится ясное сознание, что при неверии и грехах мы придем и уже идем к гибели, и спасение наше только в нашем обновлении духовном. Пусть самая война, которую мы теперь ведем и переживаем, будет нами рассматриваться, как покушение врага на то, что для верующего народа дороже всего, – на то, чтоб отнять у нас наше мировое призвание, призвание религиозное в сохранении и распространении истины Православия.

И тогда, как некогда в Казани, явится над нами Покров Богоматери, и Она, по изображению нынешней песни церковной, будет источать неоскудные милости, предварять на помощь, избавлять от бед и зол – *благонравныя и богобоящияся рабы своя*. Аминь.

ПАМЯТИ МИССИОНЕРА ВОИНА¹

*Благословен Господь, твердыня моя,
научающий руки мои битве и персты мои брани
(Пс. 143, 1).*

Думается, с этим словом святого псалмопевца царя и воителя древнего Израиля ты шел на брань, дорогой Николай Алексеевич. Думается нам так потому, что ты измлада Священное Писание умел и знал, и ими умудрен был во спасение и в руководство каждым шагом жизни.

Но прежде чем руки твои подвиглись к битве и персты к брани, прежде чем покорный воле Царя земного пошел ты в ряды воинов на защиту Родины, – ты сердце свое приуготовил к священной брани и непрерывной битве за самые высокие начала человеческой жизни, от которых зависят и которыми питаются все и всякие подвиги патриотизма, мужества, неустрашимости, самопожертвования: ты был воином Царя Небесного, ревностным миссионером воинствующей Церкви Христовой, ты памятовал о Горнем Отечестве, о Небесной общей нам Родине.

В поучении предшествовавшего мне проповедника, у которого почивший был непосредственным помощником и сотрудником по миссии, нам сейчас указаны были подробности геройской смерти, предсмертные труды и подвиги убиенного на брани брата нашего.

---

¹ Речь при погребении убитого в сражении помощника московского епархиального миссионера Н. А. Вагина, 1 ноября 1915 г.

Но прежде чем ноги его быстры были в обходе окопов там, на полях брани, они обтекали обширную столицу нашу бесконечное число раз с проповедью истины Христовой. Прежде чем звучали его ободряющие речи к солдатам в виду врага, его слова зажигали сердца и души верных чад Божиих здесь, в Москве, на миссионерском служении, в виду врагов Церкви Христовой, прислужников немецкого духа и немецкой веры – баптистов и адвентистов. Прежде чем он выступал против врагов Отечества, он изощрился свое духовно-воинское рвение, свою священную ревность здесь в борьбе с отступниками от древлепреданной православной истины, с врагами Православной Церкви. И помним мы, Николай Алексеевич, как пылали твои ланиты, как горели огнем воодушевления твои глаза, как бодро звучал твой голос, как весь ты был тогда – один порыв, одно безграничное устремление к Богу в твоём воинствовании духовном за славу и власть Истины Божией.

Вот где почерпнул ты свою воинскую ревность, вот где нашёл ты источник воодушевления, вот где была власть твоя над душами тех, кого Бог привел быть под твоим влиянием, под твоим руководством там, на полях брани.

Спи теперь спокойно! Спи, исполнивший свой долг пред Церковью и Родиной до конца! Спи, принявший оное слово Рекшего, Седящего на престоле: «будь верен до смерти и дам тебе венец жизни» [Апок. 2, 10]!

Спи, светлый воин Божий и мужественный воин на поле брани! Спи верный ратник Царя Небесного и Царя земного!

Мне привел Бог совершать еще недавно твоё бракосочетание... Теперь повенчался ты со смертью в грозный час сражения, теперь увенчался ты иным венцом в Царствии Божиим, и

вот то, что говорилось и пелось тебе при венчании, ныне исполнилось: ниспослал тебе Господь один из тех венцов, которые прияли святые четыредесять мучеников, и святии мученицы, иже добре страдавшие и венчавшися, к сонму коих приобщаются убиенные на брани за веру и Родину, умолят о тебе Господа, спастися душе твоей, и Господь восприимет венец твой нескверен и непорочен в Своем вечном Царстве славы.

Семье твоей осиротелой ты дал похвалу пред Богом и людьми: жена твоя имеет мужа и сын – отца, который в великую историческую годину испытаний Родины и мировой борьбы с мировым злодеем-антихристом и поработителем пал смертью борца за торжество Царства Божия на земле.

Брат наш, иди в мире... Аминь.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ФЛАВИАНА

Скончался после долгих страданий Киевский митрополит Флавиан. Давно уже неумолимая болезнь подтачивала его силы, и только необычайная строгость и умеренность жизни поддерживали в течение последних тридцати лет его слабое тело. Он умер 75 лет, в возрасте преклонном, но до конца дней сохранил юношескую силу мысли и полноту интересов к жизни.

Его путь был необычен. Родом из дворян Симбирской губернии, он получил светское образование в Орловской гимназии, где жил у своей бабушки, и затем в Московском университете. В Орле глубокое впечатление произвел на него отец законоучитель, впоследствии епископ Оренбургский и затем Калужский – Макарий. Юноша Городецкий по поступлении в университет и в первые годы учения в нем сохранил в себе всю чистоту религиозных стремлений к подвигу, и решил уйти в монастырь простым послушником. Бывший студент университета 60-х годов поступает в Московский Симонов монастырь. Его посылают на черные работы, потом на «клиросное послушание», затем в число келейной прислуги настоятеля... Не раз тогда, по словам почившего, он видел знаменитого митрополита Филарета и, благоговевя, слушал его служение и его слово.

Затем на него обращает внимание церковная власть, и он, как знающий европейские языки, назначается в состав нашей духовной миссии, посланной тогда в Рим и возглавленной ученым архимандритом Гурием. Но наступившая война объединившегося Итальянского королевства с Папской областью, успехи Виктора-Эммануила, унижение и смерть папы Пия IX, –

все это не дало возможности нашей миссии даже доехать до Рима. Архимандрит Гурий назначается в Пекин во главе миссии, с ним едет и иеродиакон Флавиан. Уже в сане иеромонаха он отправляется с отцом Гурием обратно в Россию, вследствие назначения отца Гурия на Таврическую архиерейскую кафедру. Здесь отец Флавиан исполняет должности инспектора классов Епархиального женского училища, настоятеля Бахчисарайского Успенского монастыря. Когда же потребовался начальник для Пекинской миссии, то, по рекомендации епископа Гурия, туда отправляется отец Флавиан. На этой должности он провел 15 лет, и многое там сделал. Его стараниями выстроена церковь в Ханькоу; он принимал участие в составлении монументального словаря русско-китайского, изданного Академией Наук под редакцией Попова (теперь этот словарь в переработанном и расширенном виде издан епископом Иннокентием, начальником Пекинской миссии). Архимандрит Флавиан сам лично перевел катехизические поучения для православных китайцев и учебные руководства по Закону Божию протоиерея Богданова. В 1900 году, во время восстания боксеров, все эти рукописи были уничтожены в миссии в Пекине. Но они нашлись у бережливого бывшего начальника миссии отца Флавиана. Он, будучи уже Экзархом Грузии, переслал ящик в 9 пудов с рукописями в Петроград для передачи Пекинской миссии, освобожденной, после взятия города Пекина 1 августа 1900 года, из китайского плена и прибывшей в полном составе в нашу северную столицу.

Дальнейшая служба почившего митрополита протекает на епископских кафедрах в Новочеркасске и Холме, где он был викарием, затем в Варшаве, Тифлисе, Харькове и Киеве. Это был человек действительно многоопытный, много перевидавший и

испытанный. Огромная начитанность, большой опыт, мудрость администратора, миролюбие и высокая христианская благожелательность, как человека, – вот что составляло отличительные черты его духовного облика. Не обладая инициативой, даже робкий в слове, особенно публичном и проповедном, исключительно по свойству своего характера, – покойный митрополит никогда не водился недостойными мотивами зависти или зложелательностью к людям не его склада, никогда не подавлял чужой инициативы, напротив, всячески ее поддерживал.

Он любил, как инок, уединение, и без счета часов провел в своей редкой по богатству библиотеке, которую теперь и завещал Киевской Лавре. До конца дней он сохранил иноческую веру в монашество, в его благотворность и спасительность, и сам оставался безупречным во всех отношениях иноком: чести не искал, простоты не терял, денег не имел, благотворил широко, любил молитву и богослужение какою-то особою любовью. Здесь кстати будет заметить, что в его лице сошел в могилу изумительно глубокий и редкий знаток церковного устава; только его замечательная память могла удерживать все мельчайшие подробности и особенности этого устава.

Мир и покой да будет мирной и кроткой душе усопшего святителя!

ВОЙНА – ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ МИРОВОЙ И ПРЕМИРНОЙ

Читаем у Тайнозрителя святого Иоанна Богослова в его Откровении: «И произошла на Небе *война*. Михаил и Ангелы его *воевали* против дракона, и ангелы его *воевали* против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на Небе. И низвержен был великий дракон, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий на Небе: ныне настало спасение, и сила, и Царство Бога нашего, и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь. Они *победили* его Кровью Агнца и словом свидетельства своего, *и не возлюбили души своей даже до смерти*. Итак, веселитесь, Небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Апок. 12, 7–12).

Вот откуда, вот с какого времени началась война: она началась раньше существования нашего мира, в царстве бесплотных духов, а не людей, на Небе, а не на земле. Но из слов Святого Тайнозрителя мы видим, что война эта, борьба добра и зла, продолжается на земле и будет продолжаться до тех пор, пока здесь, на земле, не победят диавола окончательно те, которые имеют Кровь Агнца, то есть верующие в Иисуса Христа, пока они будут бороться со злом, не возлюбивши души своей, то есть не жалея жизни своей даже до смерти. Очевидно, борьба эта

такова, что нам приходится в ней и умирать, жертвовать своею жизнью.

Так и свидетельствует о необходимости и неизбежности мировой борьбы Слово Божие. В Ветхом Завете святая Библия *в начале*, в первых главах своих содержит такое именно великое Божие повеление и обетование. Господь, после того, как диавол соблазнил человека на зло, сказал диаволу: «*Вражду положу между тобой и между женой, между твоим и ее потомством*» (Быт. 3, 15). *В конце* же книг Ветхого Завета читаем: «Господь сказал: это – *помышление о борьбе, которую должен вести на земле родившийся человек*» (3 Езд. 7, 57).

То же и в Новом Завете. *В начале его*, в первых главах святого Евангелия читаем о Христе, Спасителе нашем, обетование Симеона Богоприимца: «*Лежит Сей на падение и на восстание многим во Израиле, и в знамение пререкаемое*», то есть Он будет как *спорное знамя* на войне, из-за которого и вокруг которого ведется обыкновенно самая ожесточенная сеча (Лк. 2, 34).

В конце же священных книг Нового Завета читаем о последних судьбах и завершении истории нашего мира: «И сказал Седящий на престоле: се, творю все новое. И сказал мне: *совершилось*. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. *Побеждающий* наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. *Боязливых же и неверных* – участь в озере, горящем огнем и серою; это – смерть вторая. *Будь верен до смерти. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле*»... (Апок. 2, 10; 3, 21; 21, 5–8).

Итак, во дни войны, какова и нынешняя, сынам веры и Церкви надо спрашивать не о том, позволительна ли война; она неизбежна; она *предречена* для живущих на земле; она *обязательна* для защитников Добра, если на Добро ополчаются

силы зла. Надобно спрашивать только о том, за что же, за Бога или дьявола, за добро или за зло ведется брань. Слуги сатаны, немецкий царь Вильгельм с немцами и турками, потрясают теперь весь мир смертными громами войны. Не Христа же ведь отстаивают турки! Не крест же Агнца Божия защищают немцы-лютеране, отвергающие и Крест, и Святую Кровь Агнца Божия в Таинстве Причащения... Враги наши первые подняли оружие. Враги наши нарушили мир всего мира. Враги наши мечтают, по подобию возгордившегося дьявола, подчинить себе всю вселенную. Они стоят на стороне зла. Война в таком случае и *неизбежна*, и обязательна для сынов света. Как себя вести в ней нашим воинам? Слово Божие отвечает на этот вопрос ясно: не щади своей души, то есть не жалея жизни; не будь боязливым и неверным; будь верен до смерти. Таковым и дано обетование *победы* на земле и вечной славы победителей на Небе у престола Господня. Аминь.

ИСКУПЛЯЮЩЕЕ СТРАДАНИЕ¹

В истории мученических страданий святого и благоверного князя Михаила Тверского обращают на себя особенное внимание многие обстоятельства, которые дают урок нам и в настоящие дни войны. С необычайной мягкостью и великодушием поступил святой князь Михаил по отношению к побежденному воеводе хана Узбека Кавгадыю; он отпустил на свободу пленного воеводу, который, как известно, собственно даже без воли хана напал на Россию; немедленно же он со всею почитательностью сообщил о том хану; он согласился даже, по вызову хана, ехать в Орду – невинный, но на суд. И вот, когда его жена, святая «многоскорбная» княгиня Анна Кашинская, дети его и бояре просили святого князя Михаила не ехать в Орду, он пребыл твердым в решении своем отправиться туда *добровольно*, имея полную возможность избежать поездки и скрыться в соседнем Новгороде, как это делали тогда многие князья, спасаясь от ханского гнева. Когда же сыновья великодушно стали предлагать святому отцу свое заместительство, стали просить его, чтоб он *вместо себя* послал на выбор одного из них, то святой Михаил ответил: «Не вас, дети, а меня зовет хан. Если не исполню приказания его, он пойдет опустошать землю Русскую; тысячи христиан сложат головы свои или пойдут в плен. *Лучше же одному мне положить душу за многие души*».

Князь действительно положил в мученическом и как бы искупительном подвиге самоотвержения свою душу за Русь. И, вместе с тем, он показал, что страдание, перенесенное до-

---

¹ Поучение в день памяти святого князя Михаила Тверского, 22 ноября 1915 г.

бровольно, ради высоких и святых целей, терпеливо и вдумчиво и в Боге, – есть всегда некая искупительная жертва. Оно искупительно прежде всего для самого страдальца, ибо нет человека, который поживет и не согрешит... Не нам судить, почему один, по-видимому и даже действительно, человек очень грешный, открытый и явный нарушитель Божьего и человеческого закона, остается жив на войне, или не призывается на брань, или какими-то путями, обязанный идти на брань, однако, остается дома, а другой, чистый, добрый, светлый, очень юный, идет в бой и умирает одним из первых. «Почто путь нечестивых спеется», – это вопрос давний, вопрос, с которым ходила открытою праведная душа пророка; но на него людям никогда не иметь ясно все определяющего ответа. Чтоб иметь ответ, надобно вместе с тем иметь особенные духовные очи, которыми мы могли бы зреть жизнь неба и исходящих небесных определений, зреть и ведать все грядущее, которое состоит в связи со всем земным прошлым. Читай тогда священную книгу Иова, этого страдающего праведника, и увидишь, что Господь благословил потом, после страданий, последняя Иова больше прежнего, что диавол есть виновник страданий праведного, что для самого невинного страдальца его скорби есть путь самый верный к большему и большему нравственному возвеличению и к блаженству вечному. Вот что прежде всего надобно знать православным, истинно верующим и православным воинам, надо знать и близким их, родителям, женам, детям, всем родным и друзьям. Если грозит воину смерть, увечье, раны, страдания, плен, – знай, что всякое страдание, в Боге и для ближних принятое и перенесенное, есть страдание искупляющее.

Оно является, как у святого Михаила, искупляющим и для Родины, для всего родного народа... С этой стороны оно – высший подвиг, приобщающий страдальца к подражанию и величию подвига Искупителя-Христа... Ибо и Он *один* пострадал за люди и вместо людей. И прежде всего, конечно, это потому, что воин умирает или идет умирать *вместо* кого-то другого, обреченного на этот путь жизни, труда, подвига и, может быть, смерти. Ибо война неизбежна в жизни народов, война принудительно обращает к подвигу тех, кто на нее призван. От человека зависит, чтоб он, подобно святому князю Михаилу, принудительный подвиг обратил в добровольный.

А затем в таинственных судьбах Божиих, в мировом Промысле Господа война есть искупляющий подвиг и для целых народов. Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат: это исполнилось над Русью в века татарского нашествия. Но недаром предки наши усвоили себе и в века татарщины, и в смутное время, и в годину нашествия Наполеона, – усвоили себе мысль: «за грехи наши» мы вызваны были на тяжкие войны, испытывали страдания...

Грехи народа... О, вот оно, роковое бремя, которое лежит на каждом народе! Вот бремя, которое требует искупляющего страдания пред лицом неподкупной и испытующей правды Божией, наказывающей за грехи, но и в самом наказании дарующей залого блаженства и спасения! О, опять не нам судить, почему иногда Каиново царство, иудин народ, каковым теперь по справедливости можно назвать Болгарию, изменнически и предательски ставшую против славянства в великой мировой войне, временно пользуется успехом на братоубийственной брани против верной Сербии. Нам не открыто будущее, мы не

знаем, какими путями Божественный Промысл ведет мир и народ к исполнению Его целей. Ведь и Иуда мог торжествовать и считать себя достигшим цели. Ведь и Синедрион мог почитать себя победителем в борьбе с Иисусом. Ведь и языческие императоры заливали кровью новорожденную Церковь Христову и могли питать уверенность, что от нее останется только одно воспоминание. Будущее оказалось не на стороне врагов Христовых; исполнилось слово: велика истина и превозмогает. Так, стоя сейчас и здесь, мы не замечаем, что земля вращается вокруг себя и вокруг солнца... Нам кажется, – все стоит неподвижно на месте. Так и в истории мы не замечаем мирового движения, мирового тяготения, мировых законов, – путей и целей Промысла.

За грехи наши и теперь не дана нам сразу окончательно победа. За грехи наши и мы должны испытать длительный и мучительный путь борьбы. В чем грех народа нашего, не станем говорить подробно. Вернее сказать, грехов много, и грехов тяжких и в прошлом, и, – увы! – в настоящем: холодность веры в известных классах русского общества, сектантское настроение в народе, забвение древних отеческих преданий, принижение и умаление церковного строя жизни, неуважение к Церкви и ее служителям, отсутствие сознания долга, нечестность и на верхах, и в низах народной жизни, пьянство, разврат, неуважение ко всему высокому и святому, – хуже того, какая-то особенная, называемая теперь хулиганскою, неспособность вообще уважать кого-либо или что-либо, зазорное противление всякому порядку и власти, распущенность во всех слоях народа, отсутствие духовного понимания религии, сведение ее к одной обрядности, воровство во дни печалей народов, например, во

дни войны, жадное стремление наживы на бедствиях ближних и на замешательствах в течении жизни общественной и государственной, естественных и неизбежных во время войны, безумная роскошь, теперь наблюдаемая везде, бесстыдная трата женами на роскошь законно и незаконно накопленных богатств, получаемых с войны от мужей, бесстыдная расточительность этих денег на суету и удовольствия... Можно ли все перечислить? Знаем одно, – что надобно нам перегореть в страданиях, чтоб одуматься, очиститься, возвыситься нравственно, сделаться достойными.

И вот отсюда величайшая заслуга всех тех, кто страдает от войны: они бесстрашным ожиданием и принятием смерти, терпеливым и свободным перенесением страданий приносят Искупителю мира искупительную жертву за грехи народа и приближают к нам день ослабы, избавления и победы.

Отсюда же величайшая заслуга и святости, благочестия, молитвы, подвига, чистоты нравственной. Такие люди, праведные и благочестивые, очищают своею чистотою весь народ пред Богом, привлекают к нему Божие благоволение.

Правда возвышает народ, а умаляют народ грехи [ср.: Притч. 14, 34]. Так говорит библейская мудрость.

Да искупится в страданиях войны наша народная греховность. Да царствует среди нас святая праведность! Аминь.

ПЕРЕЖИТКИ ЯЗЫЧЕСТВА¹

В послании к Колоссянам, из которого чтение мы слышим во храме в Неделе пред Рождеством Христовым, святой апостол Павел убеждает христиан, так сказать, отмежеваться, ясно и резко отделиться нам от еврейства, – в том, что было в нем временного, национального и обрядового, имевшего значение только прообразовательное, – так особенно от язычества с его философией, обоготворявшей тварь, с его жизнью, всецело подчиненной материи, насквозь пропитанной ядом себялюбия, чувственности и гордыни. «Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть, *любостяжание, которое есть идолослужение*, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними», то есть между язычниками, этими «сынами противления» (Кол. 3, 5 и далее). Не раз и в других посланиях апостол напоминает христианам об их призвании и высоком назначении: «будьте святы, как свят Господь Бог ваш» (Еф. 1, 4; ср.: 1 Пет. 1, 15–16). Надобно знать и помнить, что, по библейскому слововыражению и пониманию, Бог есть Свят, – по-еврейски *кадом*, – прежде всего в смысле полной независимости от мира, который есть Его творение, который не совечен Богу, не ограничивает Его, не составляет как бы части Божества и сам не есть нечто божественное, – как лжемудрствовала о сем языческая философия, покоившаяся на языческой религии, обоготворившей природу. Поэтому-то и вывод апостольского учения по отношению к христианам такой: итак, выйдите, отделитесь от среды их, и к нечистоте не

¹ Поучение в Неделю пред Рождеством Христовым [20 декабря 1915 г.].

прикасайтесь, ибо вы народ *святой*, то есть выделенный для Бога (ср.: 2 Кор. 6, 17).

Имеют ли отношение и применение эти призывы апостольские к нам, к нашему времени? Лично мы не были язычниками, у нас нет идолов и кумиров, которым бы мы воздавали язычески божеское поклонение. Но предки наши были язычниками. Но язычество есть старая болезнь человечества, которая, подобно перенесенному тяжелому недугу в теле, и после излечения еще долго дает себя знать, долго напоминает о себе болезненными ощущениями и слабостью. Пережитки язычества остаются в жизни, остаются в нравах, остаются в верованиях народных, – увы! – остаются и в научном мировоззрении, в общественном укладе, в религиозных представлениях. Поэтому и можно, и должно нам поставить вопрос: есть ли язычество в нашей жизни, и в чем оно?

Что такое язычество?

Оно есть помрачение, извращение, искажение человеческого духа, который обращает свое религиозное сознание от единства к множественности, от Бога к твари, от духа к материи. Откуда язычество? От греха. Так оно явилось в истории; оно и должно было само собою появиться после того, как человек в грехопадении подчинился своей чувственной природе и на место воли Божией поставил волю, которая казалась ему своею, а на деле оказалось волею диавола-искусителя. Итак, если и после искупления, совершенного Христом Спасителем, но воспринимаемого человеком вольною волею, верою и любовью, – еще царствует грех в мертвенном теле нашем (Рим. 6, 12), то ясно, что в нас есть тогда самая благоприятная почва для того, чтобы гнездились и оставались в нас в пагубных пережитках

своих язычество. Вот почему и апостол так осуждает любостяжание, которое по преимуществу есть привязанность и рабское подчинение материальному миру, а вместе с тем, неприметно переходя в область душевных состояний, заставляет и дух рабствовать пред материей; оно есть, по слову апостола, идолослужение, то есть язычество для христианина. Иисус Христос пришел и спас «*всего* мя человека», – говорит песнь церковная. Поэтому нельзя ссылаться на то, что Он просветил ум наш познанием Бога и тем избавил нас от идолопоклонства: ум – еще не все в человеке, и самое идолопоклонство пред рассудком, которым страдает наше время, есть уже язычество; сердце и при просвещении ума истинною может любить ложь, привязываться к миру, впадать в злобу; воля может и при большом уме идти за страстями. Величайшие грешники и фанатические язычники во все не были самыми глупыми по уму людьми... Но и самый ум человека при высоком развитии и даже при отвлеченном признании христианской истины может впадать в тонкие и поэтому очень опасные виды язычества.

В чем же мы теперь отметим и укажем пережитки язычества?

В области теоретических воззрений, соприкасающихся всегда с вопросами веры, современные люди по-язычески имеют неправильное отношение к миру окружающему, к природе, которая признается и прославляется часто в восторженных выражениях, как «*божественная*» и «*всесильная*». «*Природа или Бог, Бог или природа*», – это философское (пантеистическое) положение так или иначе, сознательно или бессознательно исповедуется современными образованными людьми, вносится в школу, проходит по всей литературе, отражается на современ-

ном мировоззрении. Природа как самодовлеющая цель, природа как нечто безусловно данное, природа как источник закона, повелительница и царица жизни, – вот основа рассуждений, которые мы так часто теперь слышим. Когда говорят о ее всемогуществе, когда без конца повторяют фразы о вечных и неизменных ее законах, без упоминания и мысли о Законодателе, когда утверждают, что вся, решительно вся жизнь человека есть только продукт физических законов, а дух есть только их превращение и видоизменение, когда все сводят к экономике, а экономику – к материи, то все это не иное что, как то же прикрытое и видоизмененное язычество и языческое идолопоклонство пред «святою» натурою, пред «святою плотью», как привыкли и любят теперь выражаться многие современные писатели – «властители дум» наших современников, образованных и чаще всего полуобразованных.

Рядом с таким идолом современности стоит и другой: сам человек с его умом и победами над мертвыми силами материи. Пусть не подумает кто, что здесь мы впадаем в противоречие. Ведь и язычество после обоготворения камней, явлений и предметов природы, после поклонения огню, буре, потом животным, звездам и прочему – на высших ступенях своего развития обоготворило самого человека, его силы и наделило измышленных богов Олимпа человеческими свойствами. Когда теперь мы слышим и читаем гимны величию человека, покорившего себе воздух, землю, океаны и подземный мир, когда при этом мы не слышим упоминания ни о греховной слабости человека, ни о Боге – Творце его, Промыслителе, Спасителе и Вечном Источнике блаженства в загробном бытии, после суда над человеком, – это опять языческий кумир, опять старый путь богоборчества,

опять безумные порывания к сатанинскому обещанию: будете, яко бози... [ср.: Быт. 3, 5]. И вот плод такого идолопоклонства – модернизм или современное желание и стремление поставить в царственное положение так называемое «научное мировоззрение», которому необходимо подчинить и религию вообще, и христианство в частности. Появившийся и установившийся на Западе модернизм в самых разнообразных видах и влияниях, пока еще частично, а не в целой и объединенной системе, замечается и у нас в России. Так вера, истина, даже Божественное Откровение становятся чем-то условным и приводятся в подчинение человеческому разуму... Разве христианину не следовало бы поступить и мыслить наоборот? Разве здесь не самое откровенное идолопоклонство?

Казалось бы, при такой гордыне и самомнении человек уже будет чувствовать себя царем мира, совершенно свободным от всяких страхов и ужасов жизни и смерти, счастливейшим из всех тварей.

Но и здесь сказалось повторение древнего язычества – в религии наблюдается только страх пред Божеством, без любви к Нему, видно забвение слов апостольских о том, что страха несть в любви, но совершенная любовь вон изгоняет всякий страх (1 Ин. 4, 18), чувствуется и видится то, что роднит человека с дьяволом, что совершенно естественно должно произойти при отрицании греха и искупления – и бесы веруют, *и трепещут* (Иак. 2, 19). Вера также не дает счастья.

Видится и языческий, ужасающий страх пред смертью. Древний языческий мир верил и утверждал, что лучше быть на земле живых последним свинопасом, чем царем в царстве теней (мертвых) (Гомер: «Одиссея»), и поэтому судорожно цеплял-

ся за жизнь земную: в наше время, по-видимому, христианский поэт, которого изучают в школах и на произведениях которого воспитываются, в стихотворении о смерти уверяет: «И в жизни той меня она пробудит, где, может быть, неведома печаль, но жизни сей печальной жаль мне будет, да, жаль»... А социализм, это уже чисто языческое явление современности, на том и строит все свои выводы, что никакой жизни будущей нет, что жизнь дана однажды и только на земле, и поэтому ее нужно прожить полно и счастливо в смысле обладания материальными благами, «устроить Царство Небесное на земле» без «гнилых» поверий о Царстве ином, действительно открытом на Небе... Социализм сказал последнее слово в области пережитков язычества в теоретической области и показал, как неизбежно она отражается и на практическом устроении жизни, – разумеет и нравственное освещение ее.

Отметим и здесь те же пережитки язычества.

Когда утверждают, что сила выше права и даже есть источник права, то это есть полное отрицание христианства. Но разве один Вильгельм провозгласил это исповедание? Разве это новость? Он теперь только более дерзкий и наглый выразитель такого исповедания. Но всякая революция, всякая борьба с властью и из-за власти, всякое нарушение долга, всякая политическая так называемая оппозиция, всякая политическая игра, – все это живет языческим упованием и воззрением, что одна сила дает право, и в конце концов есть единственный законодатель и вершитель судеб царств и народов...

Известно, что язычество, как религия, не учило нравственности; от жрецов не требовали и не ждали разрешения нравственных вопросов, не требовали и нравственной жизни; жрецы

исключительно заняты были совершением обрядов, гаданием по полету птиц, по внутренностям животных и т. п. Итак, источником нравственных учений было не откровение воли Бога, а волеизъявление самого человека. Оттого нравственность определяли и указывали мыслители, философы, писатели, а не служители религии. Оттого проверкою голоса совести, определением нравственного и безнравственного, за отсутствием авторитета Божественного Откровения, было условное согласие большинства людей, принятый обычай, принятые на время мнения. Оттого вечных и неизменных норм нравственности не могло быть в язычестве. Оттого нравственность была там чем-то условным и всецело утверждалась только на соображениях удовольствия и выгоды.

Теперь сравните современные воззрения на нравственность. Социализм учит, что все в жизни человека покоится «на экономическом фундаменте», то есть именно на начале выгоды и пользы, а нравственные понятия и учения являются будто бы только «идеологической надстройкой» над экономическим фундаментом человеческой жизни. Тот же социализм (Лассаль) поучает, что «нравственное есть соответствие с всеобщим», что «нравственность капиталиста и нравственность пролетария» далеко не одно и то же. Это идолопоклонство пред «всеобщим» ярко проявляется в той вере в непогрешимость большинства, которою теперь в сущности и управляется вся общественная и государственная жизнь. О грехе первородном, исказившем нравственное сознание и нравственные силы человечества, современная наука совершенно умалчивает и, опираясь на веру во всемогущество человека, без конца повторяет почти всеми теперь разделяемую мысль о том, что для нравственного раз-

вития людей и для освобождения их от пороков и преступлений нужно только одно условие – просвещение ума... В этом отношении даже древние языческие мыслители имели больше проницательности и понимания человеческой природы¹, утверждая, что человек рождается во грехе. Итак, в области нравственных воззрений не стоят ли перед нами ясно пережитки язычества повсюду? Нужно ли говорить, что прославляемое ныне себялюбие как «здоровая основа» жизни и даже, по Толстому, «естественное», следовательно, законное явление и вытекающие отсюда следствия: чувственность в области жизни тела и гордыни в области духа, – нужно ли говорить, что все это есть целиком восстановленное языческое воззрение?

И если так, если гордыня пропитывает все современные «добродетели», то разве не в праве мы назвать их с христианской точки зрения тем, чем назвал их глубокий мыслитель блаженный Августин: блестящими пороками? Здесь и вырастает та нравственная самоуверенность, то преклонение перед своею «честностью», «корректностью», соответствием «общественной этике», – все то, что так холодит и мертвит теперь жизнь, опустошает душу и служит предвестником какой-то мировой катастрофы, нравственного вырождения, печальный и устрашающий образ которого мы видим теперь в лице Вильгельма и его тевтонских полчищ, этих поистине «образованных варваров»...

Все сознают, что современная война во многом нас разочаровала, много верований и воззрений поколебала, многому научила. Однако сильно еще язычество в нравственных воззрениях современности, если и доселе мы не понимаем, что не одна

¹ Ср.: Платон, Софокл, Цицерон, Сенека, Гораций. Общий голос их *Nam vitiiis nemo sine nascitur* (Horatius. Saturae 1. 3, 68).

«общественная дезорганизация» и «техническая отсталость» являются предметами заботливости нашей после уроков настоящей страшной войны. Мы – еще язычники, если в общественной жизни будем и желаем умножать только материальные ценности и организацию, а не духовные ценности прежде всего и выше всего, как первенство и смысл всяких иных приобретений жизни. Мы еще язычники, если государству не поставляем нравственных христианских задач и сводим его, подобно древнему Риму или современной Германии, только к силе и насилию.

Итак, умертвите земные члены ваши, – скажем мы словами апостола. Пересмотрите, – будьте внимательны, будьте осторожны, – пересмотрите ваши воззрения вы, образованные люди, вы, руководители жизни, вы, деятели семьи, школы, общества, государства, – и выбросьте все то, что было у древних язычников: выйдите из среды их и к нечистоте не прикасайтесь [ср.: 2 Кор. 6, 17]. Как бы мы ни смотрели на христианство, все же от его света возвращаться во тьму издохшего язычества – плохой прогресс! Сия есть победа, победившая мир вера наша! (1 Ин. 5, 4). Аминь.

АРХИЕПИСКОП АЛЕКСИЙ († 20 ДЕКАБРЯ 1914 г.)¹

Смертью праведника тихо скончался архиепископ Алексей, член Святейшего Синода, настоятель Донского ставропигиального монастыря в Москве.

Владыка, несмотря на преклонный возраст, – он умер 78 лет, – до последнего времени сохранял бодрость и здоровье, и только в последние два месяца, видимо, стал изнемогать под бременем неожиданно и быстро развившейся болезни – внутренней злокачественной опухоли.

В долгую жизнь свою он, по воле церковной власти, служил последовательно в Вильне, Гродне в сане священника, протоиерея и потом архимандрита и ректора семинарии, а затем занимал кафедры Балахнинскую в Нижегородской епархии, Вятскую, экзаршескую в Тифлисе и Тверскую архиепископскую. На всех местах своего служения он оставил по себе самую светлую память и великое множество искренно любящих его друзей и горячих почитателей среди духовенства и мирян. Это была редкая душа, жившая полностью горящей любовью к Богу, к Церкви и к людям. Это была, – да будет дано дерзновение сказать это слово, – душа святая. Вера его религиозная, заполнившая все его существо, светилась в его взоре, горела в его слове, сказывалась в каждом его действии, во всех отношениях к людям. Сознание иного, незримого мира никогда его не покидало, и, можно сказать, он буквально каждую минуту был готов пред-

---

¹ К годовому дню кончины.

стать в этот горный мир. Любовь и правда господствовали в его жизни. Никому ни в чем не оставайтесь должным, кроме любви [ср.: Рим. 13, 8], – это слово апостола было законом жизни почившего. Ему пришлось служить на западной и на кавказской окраинах в беспокойное время, но ничто не могло поколебать и нарушить великого мира его души, его веры, крепости, любви и смирения, этих неизменных спутников его духовной жизни. Тихо он служил, тихо работал, – а работал много и долго, не покладая рук, тихо любил, тихо страдал этот цельный, чистый, хороший русский человек, и тихо скончался, благословивши всех окружающих близких, вспомнив о всех отсутствующих родных, которым помогал всегда в великой скромности и молчании, тихо выслушал отходные и последние покаянные молитвы, взял свечу в руки, приял крест, облобызал, и тихо отошел к Богу, Которому служил столько лет в простоте крепкого и непорочного сердца. На его гробе хочется читать великое слово: блажени чистии сердцем... Они, по обетованию, Бога узрят [ср.: Мф. 5, 8].

До праха земного склоняется пред его гробом пишуший дрожащею от волнения рукою эти строки его бывший подчиненный, сослужитель Божиих Таин, потом близкий друг и всегда неизменный почитатель...

Читающий это да помолится о праведной душе чистого сердцем архиепископа Алексия!

РЕЛИГИОЗНОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ РАВНОДУШИЕ¹

I

У яслей Вифлеемского Богомладенца сегодня витает мысль верующего христианина. Духовно присутствуя при величайшем Таинстве Боговоплощения, кого мы видим около этих Вифлеемских яслей?

Видим Ангелов, являющихся Иосифу, являющихся пастырям, волхвам, поющих песнь вечной хвалы и вечного благовестия: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Видим пастырей, поклоняющихся Христу, волхвов, приносящих Ему дары, яко Царю и Богу. Все это – чтители Рожденного Богомладенца.

Видим и врага Его – Ирода, мнящегося, злобствующего, готового к преступлению из боязни, что рожденный «Царь Иудейский», Мессия Христос, отнимет у него царство, власть и силу.

Видим, наконец, и людей, равнодушных ко Христу и Его Боговоплощению. Пришли волхвы в Иерусалим. Они возвестили, или собственно напомнили Израилю, что времена седьмин Данииловых исполнились, что приблизилось время рождения Того, Кто есть чаяние языков. Они спрашивали: где есть рождется Царь Иудейский? И при этом объясняли: видехом бо звезду Его на востоце и приидохом поклонитися Ему... И, услышав это, Ирод-царь смутился и весь Иеру-

---

¹ Слово в праздник Рождества Христова 25 декабря 1915 г.

салим с ним, и созвав первосвященников и книжников, он спрашивает их о том, где должен родиться Царь Иудейский. Недолго поседелым в изучении слова Божия книжникам, почивающим на законе, – недолго нужно было изыскивать ответ на полный тайной и злобной тревоги вопрос Ирода: в вещаниях святых пророков могли они сразу найти указания и на Вифлеем как место рождения Мессии Христа и даже на явившуюся звезду. Слова Михея-пророка: «И ты, Вифлееме, доме Евфрафов... из тебе изыдет Вождь, иже упасет люди Моя Израиля» (Мих. 5, 2), уже в древних толкованиях (таргумах), на халдейском языке написанных до Рождества Христова за несколько столетий, для евреев пленения Вавилонского, забывших древний свой язык и говоривших по-халдейски, – эти слова пророка понимались ясно и непререкаемо относились ко Христу. Пророчество Валаама, сказанное некогда на родине волхвов, «Восходит звезда от Иакова и исходит жезл от Израиля» (Чис. 24, 17), говорило о звезде Вифлеема.

Итак, книжники и первосвященники, и вы, жители Иерусалима, – для вас ясно, что родился вам ныне Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове. Идите же с волхвами, соединитесь на пути с пастырями, присоединитесь к хвалебному и славословящему сонму бесплотных небожителей, сочетайте Небо и землю – и «идите в Вифлеемские селенья обрести Христа, сокрытого и положенного в яслях, и поклонитесь Ему» (Блаженный Иероним. Письмо к Павле).

Но спит Иерусалим в ночь Рождества Христова, спят глубоким сном и книжники, и первосвященники. Они на время только взволновались волнением и беспокойством Ирода, и когда

этот злодей и «изобретатель преступлений» в тайниках души молчаливо обдумывал коварный план богоубийства, книжники и первосвященники, вычитав из закона и пророков «справку» о месте Его рождения, теперь почивали в глубоком равнодушии, как будто спасение мира и рождение Спасителя их совсем не касались. Пред ними, как звезда волхвам, ярко горела богооткровенная истина, вокруг них мир переживал единственное и неповторяемое Таинство Боговоплощения, Небо и земля трепетали, даже вола и овцы, по словам церковного предания, согревали Новорожденного Богомладенца своим дыханием в холодную зимнюю ночь и тем проявили участие в том, что совершалось и совершилось: однако, все это было чуждо сознанию книжников, ничто не выводило их из состояния глубокого равнодушия...

Через две тысячи лет стоим и мы, христиане, верующие, познавшие Тайну Боговоплощения, – стоим пред колыбелью Христа Рождшегося. Церковь и теперь воспоминательно изображает перед нами шествие сил Ангельских, возвещает о всемирном значении Рождества Христова: «Ангельския предыдите силы, иже в Вифлееме уготовайте ясли; Слово бо рождается, мудрость происходит, приемлет целование Церковь на радость Богородице, людие рцем – благословен, пришедый Боже наш, слава Тебе!» Церковь призывает нас последовать за пастырями, спутешествовать и дароносить вместе с волхвами. Церковь предостерегает нас от последования настроению Ирода, «яко буесловяща, не ведуща пети – аллилуиа». И человеческая поэзия, не богослужебная, а обычная и мирская, проникается благоговением и вместе призрашливым опасением за нас. Читаем слова поэта:

«Сегодня
Нема и пустынна обитель Господня:
Ушел из Небесных чертогов Христос,
Земле беспокойной Он чистую радость понес.
А Дева Мария,
И Ангелы Божьи, и души святые, –
Все вышли за светлые Рая пороги,
И смотрят, полны напряженной и чуткой тревоги,
Туда, где, как туча, висит над землей темнота:
Узнают ли, примут ли люди Христа?!..»

Где же и с кем нам быть? Ясно, что верующему надобно быть с теми, кто чтит Христа и поклонялись Ему. Ясно, что нам не довольно, по подобию книжников, только знать, где и когда родился наш Спас, но нужно самым делом пойти и всю жизнь поклониться Ему и служить Ему. Но где же и с кем на самом деле находимся мы или, по крайней мере, многие из христиан нашего времени?

Справедливость требует сказать, что во вкусах и наклонностях нашего времени большим вниманием и большим значением пользуется не состояние читателей Христа и Бога, а состояние равнодушных. Оно, это равнодушие, почитается признаком высшего благородства души, терпимости к так называемым инакомыслящим, – даже требованием самого христианства. И вот история и обстоятельства Рождества Христова ярко освещают нам путь жизни и дают разрешение поставленного вопроса.

Где потом оказались книжники и первосвященники? К чему привело их равнодушие ко Христу?

Равнодушие не есть естественное состояние человеческой души, в особенности в отношении к вопросам важнейшим и жизненным. Нельзя не исповедовать и вместе не отрицать истины, как нельзя не жить и вместе не умирать. Нельзя стоять ни направо, ни налево, нельзя у предмета, имеющего две стороны, одну устранить и уничтожить. «Бог изначала сотвори человека, и остави его в руце произволения его... Я предложил тебе огонь и воду, и на что пожелаешь, туда и прострешь ты руку свою... Жизнь и смерть пред человеком, и еже аще изволит, дастся ему», – так говорит древний библейский мудрец (Сир. 15, 14–17). Равнодушие есть уклонение от правды, только молчаливое до времени, это – скрытая враждебность к истине, это – даже особая форма ненависти к истине. Доказательство сказанного мы и видим на примере книжников и первосвященников: они потом оказались теми же иродами. Как Ирод сразу возненавидел Христа, потому что увидел в Нем опасность для своего личного положения как царя иудейского, так и первосвященники с книжниками потом возненавидели Спасителя, когда увидели в Нем опасность для своего личного благополучия и для своего влияния на народ. И как Ирод послал убийц-воинов ко Христу Неворожденному, так и первосвященники с книжниками послали убийц, таких же подневольных воинов, чтобы убить Христа, – и только одно ужасное отличие имеют они от Ирода: что достигли цели своей, свершили грех и позор богоубийства, а Ирод цели не достиг... Вот исход равнодушия!

Бросим же далеко-далеко это лицемерное покрывало равнодушия к вере, к Церкви, ко Христу, к Евангелию, ко всем духовно-религиозным запросам и делам! Не будем лукавить и лицемерить. Слово Самого Бога ясно гласит нам: «Кто не со Мною,

тот против Меня» (Мф. 12, 30), и еще: «Знаю Я дела твои, что ты ни холоден, ни горяч, – за это Я извергну тебя из уст Моих» (Апок. 3, 15–16). Вспомним, что от века в истории мира равнодушие никогда не сделало ничего великого, ничего ценного, и трусливым уклонением от служения истине только вредило ей.

Пойдем в Вифлеемское селенье, обретем Христа, сокрытого в яслях, употребим труд, усилия, подвиг, как волхвы и пастыри, принесем поклонение, принесем дары жизни – действительное служение Христу и Его делу, Его Евангелию, Его заповедям любви к Богу и людям.

Не тупым равнодушием, которое рано или поздно приведет нас в скопище врагов Христа, а бодрою верою, деятельною любовью станем мы искренними читателями и поклонниками Вифлеемского Богомладенца, чтобы с Ангелами возвещать славу на Небе Богу, мир на земле и людям – благоволение Неба. Аминь.

II. ВОИНЫ-ПАПАЧИ И ВОИНЫ-ТУЧЕНИКИ¹

Равнодушие книжников и первосвященников к событию Рождения Богочеловека на все века вызывает удивление и осуждение вдумчивых людей. Если кто, то уж они никоим образом не могут и не могли отговариваться или оправдываться незнанием того, где должен был родиться Спаситель Христос, Избавитель мира, когда и зачем Он должен был, по пророчествам, прийти на землю. Если кто, то уж они должны были в числе первых прийти и поклониться Христу Рождшемуся. Равнодушие их не было даже на самом деле равнодушием: как искра под пеплом, под густым покровом равнодушия в сердцах их таилась вражда

---

¹ Слово воинам 662 дружины в Москве, сказанное за всеобщим бдением 26 декабря 1915 г.

к истине, и это в конце концов привело их к последованию делу и настроению Ирода, то есть в число злобных врагов и убийц Иисуса Христа.

Но есть у яслей Вифлеемских еще равнодушные, это – воины, посланные Иродом для убийства Богомладенца. Они получили приказ избить всех младенцев в Вифлееме и окрестностях его от двух лет возраста и ниже, и избили их четырнадцать тысяч. Необычайным и неслыханным был приказ кровожадного царя. Даже римский император, которому был подчинен Ирод, узнав о таком злодеянии Ирода, пришел в удивление от свирепости царя Иудейского. Впрочем, римский кесарь Август ограничился по этому поводу только остроумным изречением. Зная, что Ирод хотя сам и не еврей и при этом обманом и коварством достигший царской власти, однако, для того, чтобы нравиться иудеям и удобнее ими править, точно исполнял все постановления закона еврейского, и поэтому не ел свинины, – зная это, император Август заметил об Ироде, что в его царстве безопаснее быть свиньей, поросенком, чем человеческим ребенком...

Итак, дано было бесчеловечное приказание. Что же? Видим ли мы, что хоть кто-либо осмелился по этому поводу возразить Ироду? Молчали первосвященники, молчали книжники, молчал несчастный народ, молчали и воины. Воины пошли и беспрекословно исполнили невероятное по жестокости приказание Ирода. Конечно, они менее виновны, чем Ирод, книжники и первосвященники: они творили волю пославшего. Они были бессознательными орудиями бесчеловечного царя. Они могли и могут применить к себе то слово, которое Господь Иисус на суде сказал Пилату: «Более греха на том, кто предал Меня тебе»... (Ин. 19, 11).

Более греха... Но если так, то, следовательно, был грех и на Пилате, есть грех и на воинах. Этот грех – в равнодушном и безразличном отношении к тому делу, какое люди делают. Мы ведь не животные, а люди, разумные и нравственные существа, и отвечаем за свои действия. Мы не машины мертвые и бездушные, мы не рабы, а существа свободные и поэтому опять-таки являемся ответственными за свои деяния. Мы, наконец, христиане и знаем хорошо и ясно, в чем добро и в чем зло, мы знаем, что и повиновению власти бывает предел, что мы во всем должны повиноваться власти, кроме вопросов веры и совести. Иначе мы не люди и не христиане. Мы знаем многих воинов древности во дни гонений на христиан, отказывавшихся умерщвлять христиан за их веру; эти воины часто заявляли при этом о своих собственных христианских верованиях и умирали вместе с мучениками от руки палача: их Святая Церковь прославляет в сонме святых и праведных.

И вот, теперь, в переживаемые дни страшной мировой войны, опять перед нами воины. Где среди них бездушные мучители-палачи, и где мученики? Где воины, равнодушно исполняющие повеления безбожные, кровожадные, зверские, и где воины, идущие умереть за мир всего мира, за благо угнетенных народов, за высшие сокровища веры и правды, завещанные Рожденным ныне в Вифлееме Богомладенцем Иисусом?

Не русские и не союзные с нами войска вызвали кровопролитную войну: они были вынуждены принять в ней участие дерзким вызовом и нападением Германии. Не мы разорили Бельгию, Сербию и Польшу. Не мы издавали приказы вести войну беспощадную, отбросить всякую жалость, не стесняться жестокостями, расстреливать стариков и старух, избивать младенцев,

добивать раненых, выкалывать глаза пленным, вырезывать из них куски мяса и кожи, отравлять противников удушливыми и убивающими газами. Не мы внесли в войну страх и ужас зверских расправ и массовых убийств, грабежей и контрибуций, не мы сожигали и грабили беззащитные города, не мы расстреливали и избивали тысячи невинных людей в древле-православной Галиции, подозревая в шпионстве тех галичан, которые из верности древле-отеческой православной вере принимали Православие и которые ничем не нарушили долга повиновения своему правительству.

Все эти ужасы и зверства, все эти кровожадные повеления давал новый Ирод, кайзер германский Вильгельм, все эти жестокости творили и творят посланные им воины.

Но на престоле христианского православного царства теперь не языческий кесарь Август, а наш Августейший и православно-христианский Царь Николай II. Что же? Неужели христианский Царь христианского народа мог смотреть равнодушно на страдания христианских народов, на жестокости нового Ирода – Вильгельма? Неужели Он мог ограничиться только остроумным изречением, как Август об Ироде?

Нет, Русский Царь, исконный Защитник славян, исконный Носитель Евангельской правды в отношениях между народами мира, и с Ним другие христианские цари, правители и народы, наши союзники, по долгу христианскому, противостали безбожному мучителю и насильнику. И в этом – смысл настоящей тяжелой войны. Пусть она действительно очень тяжела; пусть она вызвала в ряды войск не только молодых, но и пожилых людей; пусть тяжело вам и всем нам нести все и всяческие тяжкие жертвы на войну: мы все, и вы в частности и в особенности, должны

исполнить свой христианский долг и остановить кровавое безумие иродова воинства – германцев, австрийцев и турок. Подлинно, это – иродово воинство, и теперь оно неистовствует там же, где и воины Ирода: ибо в священной Палестине, у града Вифлеема, немцы и турки теперь поставили пушки, все вскопали для будущих сражений и неистовствуют злобно там, где некогда Ангелы небожители возвестили и воспели славу в вышних Богу, мир на земле и благоволение в человеках...

Итак, бодрствуйте, мужайтесь вы, православные наши воины. Вот вы подходите ко кресту и святому Евангелию, вот вы склоняетесь до земли в земном поклоне, – и видим мы и замечаем: блеснет слеза, вырвется подавленный вздох, поднимется к небу одушевленный взор в молитвенном устремлении... О, молитесь, мужайтесь, крепитесь, исполняйтесь святой решимости совершить ваш долг до конца! Проникнитесь мыслью и сознанием, что вы идете против кровавого Ирода и его полчищ, что вы вырываете из рук его избиваемых им невинных младенцев, среди которых был некогда и Христос, что вы и все мы, так или иначе принимающие участие в этой великой войне, отстаиваем Христа, отстаиваем дело Христово в мире, дело возвещения славы Богу в вышних, устройению мира на земле и благоволения в человеках.

Велик ваш подвиг, ваш труд, и если вам суждено будет претерпеть лишения, страдания, изнурение, голод, утомление, раны и самую смерть: то воздаст вам Тот, Кто спас и избавил из рук Ирода новорожденного Христа, управив Иосифа и Матерь Его во Египет, и вы примете в Небе отверстом венцы святых мучеников за Христа, среди которых Святая Церковь сегодня первыми поминает избивенных от Ирода четырнадцать тысяч вифлеемских младенцев. Аминь.

Выпуск 4

МИР ИСТИННЫЙ И ЛЖИМЫЙ¹

Из жизни преподобного Серафима мы знаем об одном его пророчестве: преподобный Серафим предсказал России в будущем тяжелую войну, которая, в конце концов, после обращения народа к вере, покаянию и молитве, принесет России победу, славу и долгие годы мира и покоя.

В текущие дни святых воспоминаний, – дни, возвещающие нам о Рождении Того, Кто принес мир на землю и благоволение в человеках, конечно, тяжело сознавать, что слово о мире теперь звучит для христианских народов, как горький упрек: идет мировая война, она захватывает все большее и большее пространство, она затягивает в борьбу все большее и большее число народов, и ей не видится конца. В ответ на естественный вопрос, скоро ли наступит конец войне и не близится ли мир между воюющими народами, мы услышали так недавно сказанное на полях брани и сегодня, в день Нового года, повторенное слово о том, что решение России и союзных с ней держав остается твердым и неизменным – довести войну до победоносного конца и только тогда дать миру мир, истинный мир и достойный, прочный и неколебимый.

И странное, на первый взгляд, дело: как ни истомились народы войною, как ни тяжки жертвы, которые всем приходится нести на войну, – жертвы и жизнью, и кровью, и материальным достоянием, – тем не менее, слова о том, что Россия не помышляет о мире, отдельном от союзников, произвели на всех самое отрадное и успокоительное впечатление. Это слово и в России,

---

¹ Поучение 1 января 1916 г. за всенощной в церкви Флора и Лавра, на Мясницкой, по поводу празднования преподобного Серафима.

и за границу приветствуют, как конец всяким тревогам и беспокойствам, как конец всяким смущающим толкам и известиям о преждевременном мире.

Ясно, что при всем желании мира, при всех тягостях войны, люди, однако, сознают, что есть мир и мир, и что может быть такой мир, который является более опасным и тяжелым, чем самая лютая война. И этому народному сознанию вполне отвечает и слово Божественного Писания. Святой пророк Иеремия говорит, что будет время, когда все будут говорить: мир, мир, а мира на самом деле нет... (Иер. 6, 4). И Сам Спаситель, о Котором апостол говорит, что Он есть мир наш (Еф. 2, 14), пришедши на землю, чтобы ей, измученной грехом и враждой, дать мир, воспетый Ангелами в час Его Рождения, – однако, не захотел мира с диаволом, с Иудею, с первосвященниками и книжниками, с синедрионом и Пилатом. Его жизнь была борьбою, Его Распятие – есть указание на высший подвиг этой борьбы, Его Воскресение есть Его победа. И Своим ученикам и последователям Он предрек также борьбу, и говорил им: «Думаете ли вы, что Я принес мир земле? Не мир Я принес, но меч и разделение» (Лк. 12, 51). Наконец, и апостолы возвещают нам: «Когда будут говорить мир и безопасность, внезапно найдет на вас пагуба» (1 Сол. 5, 3).

Вот такого-то мира и опасаются народы, ведущие ныне борьбу с воплощением зла – с немецким кайзером Вильгельмом. Германия жаждет мира; она принимает все меры к тому, чтобы народы, воюющие с нею, поодиночке перестали воевать с нею и положили оружие. Особенное внимание ее устремлено на Россию. Она готова предоставить России все выгоды мира. Но такой мир был бы предательством по отношению к союзникам, нарушением данного обещания не заключать отдельного

мира, такой мир только усилил бы Германию и в недалеком будущем сделал бы ее страшною по силе, дал бы ей соблазн нового вооруженного нападения на мирные народы и подчинения своей власти всего мира.

Итак, да не смущается сердце наше тем, что новое лето жизни личной и общечеловеческой мы встречаем в дыму и пламени войны, что нет на земле желанного мира, что голос христианства как бы умолк, что христианские народы, по-видимому, воспевают и славословят не мир, а брань. Нет, все мы знаем, что война есть несчастье, что ею надо тяготиться, что от нее надо освободиться. Как великое несчастье, ее почитал и предсказывал и преподобный Серафим. Все мы знаем, что мир есть вождеднейшее благо на земле как условие для более удобного и успешного достижения цели нашего существования: «да тихое и безмятежное житие поживем во всяком благочестии и чистоте, и что все есть добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины приити» (1 Тим. 2, 2–4). Но не славословя брани, будучи вынуждены к ней, мы, однако, ищем мира прочного и достойного, истинного и не мнимого. К глубокому сожалению, путь к такому миру пролегает чрез войну. Вот почему в первый день новолетия пусть и у нас будет господствовать в душе решимость последовать слову и призыву Родины, решимость и готовность довести войну до победоносного конца, невзирая на все самые тяжкие жертвы и лишения. Вот почему и в молитве к преподобному Серафиму будем мы молить его о Небесной помощи России и воинству в их ратном подвиге.

Пусть враг силен: мы знаем, однако, что близко его истощение, и оно проявится совершенно для нас неожиданно, оно принесет нам радость действительного мира, которого уж не в

силах будет нарушить ослабленный германский народ. Пусть в гордыне немцы уверяют, что их истощения незаметно и следов, что у них всяких запасов хватит на много лет войны: нас не обманет эта хвастливая самоуверенность, а если бы даже она говорила и о действительном богатстве Германии и людьми, и оружием, и жизненными припасами, то мы тем более должны вести войну тоже много лет, пока наш враг опять-таки не перестанет грозить своею силою миру всего мира, пока он не будет доведен до истощения и ослабления.

И только тогда, после истощения злейшего врага, и осуществится слово древнего пророка к древнему Израилю: «Се на горах ноги благовествующего и возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение» (Ис. 52, 7). «Празднуй, Иудо, праздники твоя, торжествуй обеты твоя» (Наум. 1, 15).

Только тогда мы получим истинный мир, о котором молим ежедневно Бога мира и любви: мир всего мира, благостояние святых Божиих Церквей и соединение всех. Тогда речет Господь мир на люди своя (Пс. 84, 9).

Иначе же, – вечно над нами будет исполняться грозное предречение и обличение пророка: говорят мир, мир, – а мира нет. Такой мир есть не прекращение зла, а уступка злу и поощрение. Такой мир есть только усиление и питание вражды и злобы под видом мира.

Пошли же нам, Господи, по молитвам преподобного Серафима победу и одоление над врагом и, по его предречению, одушевление веры народной, и мир его земному Отечеству, нашей дорогой России. Господь крепость людям своим даст, Господь благословит люди своя миром! Аминь.

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ¹

В час полунощной новогодней молитвы воздадим Господу благодарение за все благодеяния, в мимошедшем лете нами виденные и полученные: ибо Его день и Его ночь, в Его руке жизнь и смерть, от Него прияли и мы дар жизни, которая и до сего текущего мгновенья оставлена нам Его милостью с нами.

В час полунощной новогодней молитвы принесем скорбный вздох покаяния за многочисленные грехи, в мимошедшем лете нами зле содеянные: ибо если остаток дней дан нам Творцом нашим, то, конечно, для того, чтобы в мире и покаянии его скончати, чтобы загладить прошлые грехи и жизнь отдать высокой цели, свыше указанной. А цель указана одна: Сия есть воля Божия о вас – святость ваша (1 Сол. 4, 7; Евр. 12, 14).

В час полунощного моления, в час предначатия нового года укрепим слабую и колеблющуюся волю нашу хотя бы этим внешним знаком новолетия. Люди слабой воли имеют обыкновение то или другое событие или обстоятельство жизни избирать, как начальный пункт, как отправную точку для известного определенного решения: так и мы привяжем наше решение к моменту новолетия, – и ленивый к молитве пусть поставит себе отныне закон неопустительного молитвенного правила, посещения храма и говения; невоздержный пусть оставит тот или другой господствующий в его жизни порок и т. д.

---

¹ Поучение на полунощном молебствии в Новый год 1 января 1916 г.

В час полунощного моления в день Нового года, предстоя пред неизвестным будущим, проникнемся сознанием, что это будущее должно быть нами отвоевано для добра, для нашего нравственного совершенства, для угождения Богу, для спасения душевного, – отвоевано трудом, страданием, подвигом, молитвою, великою настойчивостью и великим терпением. В терпении вашем стяжите души ваши (Лк. 21, 19), и – претерпевый до конца той спасется (Мф. 24, 13).

Так в нашей личной жизни, – а из множества жизней личных слагается и жизнь общественная, государственная, достойная жизнь христианского народа. И в ней господствует все тот же нравственный закон: плод она приносит в терпении, как зерно, посеянное на доброй почве (Лк. 8, 15).

И с этой точки зрения минувший год в жизни нашего народа может быть назван годом великого испытания нашего терпения. И с этой точки зрения и грядущий год есть продолжение того же самого урока. Начало минувшего года было полно светлых надежд на успех и скорое окончание теперешней страшной мировой войны: наши доблестные войска теснили врага в Галичине, обладали неприятельскими городами, пролагали пути для Православия в истинно русской и истинно православной Червонной Руси. В других местах мы стояли твердою ногою на границах нашего царства, охраняя его пределы пред лицом сильного, злобного и хорошо изготавившегося врага.

Середина года принесла неожиданные несчастья: наша армия, по-прежнему сильная духом, оказалась слабою в подготовке, она стала испытывать нужду в боевых припасах и снарядах и должна была отходить пред наступающим врагом, уступать крепости и русские города; четырнадцать губерний оказались

занятыми неприятелем, и внутренняя Россия наполнилась несчастными беженцами, не пожелавшими остаться на местах жительства, занятых неприятелем.

Конец года был для нас успокоительным. Страна и народ обратили и приложили все старания для снабжения армии всем необходимым, – и враг везде был остановлен, местами сильно потеснен и должен был возвратить нам часть занятых мест; появление беженцев прекратилось.

В таком течении обстоятельств народной жизни не все оказались на высоте подвига терпения, не все выдержали ниспосланное испытание. Подъем и единение всех в начале войны и в начале истекшего теперь года во дни горестей и неудач на войне быстро сменились упадком духа, унынием, раздражением, несчастною и недостойною склонностью искать виновных и на них «срывать зло» недовольством, направленным против людей, поставленных у власти, часто безумными решениями и безумными разговорами. Замечательное явление: неустойчивыми оказались именно те группы нашего общества, которые далеки от веры и Церкви. Известно, что в глубоком море самая сильная и жестокая буря, производя огромное волнение, однако, не поколеблет всей массы воды: внутренние глубины океана остаются спокойными. Но мелкую лужу выхлестывает до дна и небольшой ветер... Так и с людьми: сыны веры спокойны, когда налетит на них и великая буря скорбей, а отщепенцы веры разлетаются, как пыль, от дуновения ветерка, сталкиваются, волнуются, злобствуют, малодушествуют... Слава Богу, наш верующий народ в огромном большинстве своем оказался именно сыном веры и Церкви. Во дни нарочитого поста и покаяния, заповеданного нам священной властью церковною во

время наших военных неудач, он наполнял храмы и в вере, в молитве находил себе тот покой, который составляет удел душ, верных Богу.

Конец года принес успокоение. Но надолго ли? Для людей маловерных – до первой неудачи. А неудачи всегда возможны. Всего бывает на войне. Как в море, и там не всегда светит солнце счастья и не всегда течение покойно...

Итак, чем же нам вооружиться в этот час новогоднего моления?

Вооружимся и друг друга будем вооружать верою, молитвою, – христианскою преданностью в волю Божию и христианским терпением.

Испытание веры производит терпение, – учит святой апостол; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак. 1, 3–4). Поэтому в скорби нужно быть терпеливым (Рим. 12, 12), ибо терпение дает искусство духовное, опытность, твердость духа (Рим. 5, 4), – ибо Сам Бог именуется Богом терпения (Рим. 15, 4).

Итак, что бы ни судил Ты нам, Господи, в настоящем году, мы – Твои дети, Твои рабы, мы – овцы Твоего стада. Испытаешь ли нас скорбями, поднимешь ли дух радостями, – «в мгле полуночной, в полуденном зное, в скорби и радости, в сладком покое, в тяжелой борьбе, – всюду сияние Солнца Святого, Божия Мудрость и Сила и Слово... Слава Тебе!»

С вами мы духом, наши доблестные воины! Пусть загорится над вами, стоящие и на море, и на суше в подвиге ратном, пусть загорится ныне день новолетия зарею грядущего счастья побед, славы нашей и величия Родины!

Да почиет над вами Божие благословение, и над всею нашею Русью Святою Православною да воссияет свет Божией благодати!

Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече! И милостив, милостив буди, Владыко, о грехах наших и помилуй нас, милостив бо и Человеколюбец Бог еси и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь.

НОВОЕ И СТАРОЕ ПО РАЗУМУ ЦЕРКВИ

Новый год невольно возбуждает мысль о новой жизни и даже о новом счастье, как принято выражаться. Осуждают это стремление к новому, – и напрасно: того естественно ищет человеческий дух, того ищет и слабая наша воля, которая часто бывает склонна привязать то или иное возникшее доброе решение к чему-либо внешнему, пусть это будет переселение в другой край, перемена жизни, какое-либо важное событие, или хотя бы и день Нового года; о том говорит и христианство, заповедуя нам обновляться обновлением ума нашего, освобождаться от живущего в нас ветхого человека, тлеющего в страстях и похотях, и облекаться каждый день в человека нового, созданного по Богу в правде и преподобии истины; ведь и само христианство явилось тем, о чем апостол радостно и торжественно восклицает: «древняя мимоидоша, се бысть вся нова!» [2 Кор. 5, 17].

Осуждают и стремление к новому счастью, – и опять напрасно: желание счастья неистребимо у всякого существа, как неистребимо у него желание жизни; здесь спор может быть только о том, в чем жизнь и в чем счастье.

И природа обновляется каждый год. Пройдет и эта стужа, которая теперь снежным покровом покрыла землю, морозом заковала все вокруг нас в лед и иней; сойдет снег, пригреет солнышко, и вступит в свои права обновленная жизнь природы, придет весна, травой покроются поля, листьями и цветами – деревья.

Но безумно было бы желать и требовать и ждать, что это случится сейчас или завтра, сразу, в один момент, по нашему желанию.

Вековечный строй жизни природы, подчиненный Богом данным законам физическим, не знает усталости, не знает остановки, не знает и скачков. Зачем же люди так часто помышляют о скачках в их внутренней жизни, о переворотах жизни внешней? Отчего они думают, что сразу, без предварительного нравственного и вообще духовного процесса, постепенно назревающего, явятся само собою, внезапно внутреннее перерождение и внутренний духовный переворот? А ведь это собственно и означает выражение «новое счастье»...

Присмотритесь хорошенько вокруг. Понаблюдайте за человеческою мыслью, – за словом или печатью.

«Новый Путь», «Новая Жизнь», «Новь», «Новый Край», «Новая Мысль», «Новое Слово», – вот чем пестрят одни только наименования возникающих и быстро гаснущих газет и журналов. Показатель вразумительный!

Ах, сколько веков и тысячелетий прошло, и люди все еще не познали глубокой истины: внезапного и полного переворота и изменения жизни внутренней, а, следовательно, и внешней, как от нее зависящей, – ни в одной области никогда не было, не будет и быть не может! Все, что насильственно и без связи с прошлым, в разрыве с ним, возникало, – все было искусственно, недолговечно, все подобное рушилось и отмирало, как обреченное на гибель.

Пойдемте теперь в лес или сад: найдем дерево с засохшими листьями. Чем возвратить его к жизни? Только весенним солнцем, а не насильственным обрыванием листьев.

Срывая с дерева засохшие листья,
Вы не разбудите уснувшую природу,
Не вызовете вы сквозь снег и непогоду
Весенней зелени, весенней теплоты.

Не с тем пришла весна, чтоб гневно разорять
Веков минувших плод и дело в мире новом;
Великого удел – творить и исполнять,
Кто разоряет – мал во Царствии Христовом.

Не быть Творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье;
Дух создал старое: лишь в старом он найдет
Основу твердую для нового творенья.

Итак, пусть остается в нас эта благородная жажда нового, эта великая способность стремиться, искать и желать, но почтим и все доброе старое на пороге нового года. Познаем, что новое всегда будет опираться на старом, и новый год, новую открывающуюся нам жизнь поведем так, чтобы в свое время, соделавшись через год тоже старою, она в свою очередь была бы тем наземом, тою богатою почвою, на которой будет возрастать далее в бесконечность наша духовная жизнь. Пусть растут ветви, зеленеют молодые побеги, зеленеют листья и цветы, но не будем рвать корней живого дерева!

А корни эти – вера в Бога, вера в нравственный миропорядок, вера в непреложные духовные законы, которыми живут и отдельные люди и целые общества, вера в окончательное торжество добра в мире, которое хранит, исповедует и возвещает миру Христова Церковь.

Корни эти, далее, – в нашем духовном нравственном процессе и созревании; пусть оно, это созревание, растет непрерывным ростком и непрерывающей жизнью, пусть оно властно и понудительно зовет нас и ведет на новые решимости в том пути нравственного непрерывающегося обновления, – в том пути, который оканчивается с завершением мирового процесса и разрешается в то новое, чего желает часто бессознательно наша душа, о чем тоскует наше сердце и чего часто только не выговорят наши уста: «Нова небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в них же правда живет!» [2 Пет. 3, 13].

ДУХ МИССИОНЕРСТВА¹

Поминаем сегодня в этом миссионерском храме, посвященном имени святого и равноапостольного миссионера Владимира Великого, – поминаем заупокойною молитвою всех потрудившихся на миссионерском поприще делом, словом, житием, писаниями, жертвами и всякого рода поддержкою и помощью святому делу проповеди Евангелия среди народов, неведущих спасения во Христе. И невольно в эти святые и полные самых умилительных воспоминаний рождественские дни восстают пред нами первые благовестники Евангелия, стоящие у колыбели Новорожденного в Вифлееме Богочеловека, как вечные светочи для всех благовестников веры Христовой.

И прежде всего видим, что дело благовестия есть дело Ангелов Божиих, по самому имени их «Ангелов», то есть *вестников*. В час Рождения Спасителя Ангел возвещает пастырям Вифлеемским: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давидове... (Лк. 2, 10–11).

Вдумайтесь, скажите, братие: как еще лучше изобразить проповедь всякого миссионера-проповедника Евангелия, проповедь всех миссионеров христианских – всех мест и всех времен?

И они, подобно Ангелу благовестнику, говорят неведущим Христа: «Не бойтесь». Ибо слово о величайшем чуде воплощения и вочеловечения Божества, действительно, способно вселить боязнь и страх в сердце человека; ибо слово о безмер-

---

¹ Сказано при поминовении усопших членов Православного Миссионерского Общества.

ном истощании и уничтожении Божества, смирившегося даже до яслей и пелен, слово о Боге, Распятом потом на Кресте, и Страдавшем, и Погребенном, – все это благовестие сильно потрясти страхом душу человека до самых ее глубин. На предрассветной заре Нового Завета слышавшие о чудных событиях в семье родителей Иоанна Предтечи, по замечанию евангелиста, проникались страхом (Лк. 1, 65). В пришествие же Господа ужас объял Петра и всех бывших с ним в лодке, когда из чудесного лова рыбы они убедились, что с ними Воплощенный Господь, Сын Божий. Но, помимо величайших и поразительных по силе истин веры, невместимых в разум и, однако, предчувствуемых духом нашим, слово о Божестве, истощившем Себя непреложно, требует от человека помышления подвига (3 Езд. 7, 57), по образу Подвигоположника – Христа, несения Креста, по образу Божественного Крестonosца, требует самоотвержения, самоотречения, целожизненного служения Богу и ближним, постоянного труда нравственного восхождения; слово Христа говорит: будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный есть (Мф. 5, 48). Действительно, такая высота учения веры и заповедей нравственности может утратить неведущего Христа, и он убоится принять глагол сей. Посему-то и проповедники Евангелия также должны, подобно Ангелу, говорить язычнику, мусульманину, еврею: «не бойтесь». Не бойтесь: тайна велика, благовестие возвышенно, но здесь великая радость для всех людей, ибо только Христос есть Спас, только в Нем спасение... Последовать за Его учением слабому человеку страшно, а не последовать – еще страшнее, ибо это для нас есть гибель во времени и вечности.

Слушаем далее евангелиста, повествующего о Рождестве Христовом: «И внезапно бысть со Ангелом множество вой Небес-

ных, хвалящих Бога и глаголющих: Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 14).

Вдумайтесь опять и скажите, – что же иное проповедуют и христианские миссионеры всех мест и всех времен? Уходя и удаляясь в непроходимые горные страны, в леса и удолия Сибири, углубляясь в кочевья и стойбища дикарей, путешествуя в степях кочевников, отправляясь в дальние тундры или знойные пустыни, проникая в страны древнего Дракона, в Китай, Корею, Японию, миссионеры прежде всего проповедуют славу Вышнего Бога. Они учат язычников, как им отойти от идолов и самоизмышленных божеств или скорее – демонов; они ниспровергают поклонение кумирам; они избавляют язычников от рабства злым духам, которым они в трепете служат и приносят жертвы чрез своих жрецов и заклинателей, они объясняют мусульманам учение о Боге Любви, о Боге Троичном в Лицах, Который Сына Своего послал в мир и Духом Святым действует, все оживотворяя, в Церкви, они евреям открывают очи на Того, Кого они ждали, но пришедшего не приняли и распяли; они говорят о Боге Творце мира, о Боге Промыслителе, о Боге Искупителе грешного человека, о Боге Освятителе, о Боге Судии и Царе того вечного Царства славы, которому не будет конца. Они, воистину, громогласно возвещают: «Слава в вышних Богу».

Но, возвещая слово о Боге Любви, о Боге Истинном, об искуплении и спасении, миссионеры-веропрповедники, по заповеди Христа и по Его пророчеству, проповедуют не иное что, как Евангелие покаяния и вместе отпущения грехов во всех языцех (Лк. 24, 27). Да, не одно покаяние проповедуют миссионеры, ибо одно сожаление во грехах, чувство виновности пред Богом и совестью, естественное вообще для человека, ведомое и язык-

нику, – одно покаяние без надежды прощения только усиливает тяжесть душевного состояния, душевного разлада. Но Христос примирил нас с Богом, и дал тот мир, сходящий свыше, мир благой совести, мир и упокоение в сознании, что мы прощены Богом, что мы – сыны, а не враги Божии, – тот мир, который, сошедши на грешную землю, соделался всеобщим достоянием человечества: *и на земли мир*, – вот что приносят, и возвещают неведущим Христа и не знающим путей мира и мир в душе язычникам веропроповедники Евангелия, по образу Ангелов.

А познание Бога, искупление во Христе, сыновство Богу есть вечное и неизменное, непрестающее благоволение Господне в человецех. Не о гневе безжалостного Аллаха, – как учат мусульмане, не о грозном Судии – Иегове, племенном еврейском Боге, Который есть только Бог евреев и враг всех прочих народов, не о духах гор, лесов, морей и пустынь, наводящих болезни, ужасы и смерть, требующих кровавых жертв умилоствления, которым поклоняются язычники, не о Будде, говорящем о смерти и небытии, как о желанном благе, – а о Боге Едином, о Боге Любви, о Боге всех человеков, о Боге Жизни, о Царстве Бога, которое есть праведность, мир и радость, о Духе Святе – *о благоволении* в человеках возвещают миссионеры.

Может быть, скажете и подумаете, что сравнение с Ангелами является слишком возвышенным для людей-миссионеров.

Но вот пред нами и люди, – и прежде всего смиренные пастыри вифлеемских стад: «они, *поспешивши*, пришли и *рассказали* о том, что было возвещено им о Младенце» (Лк. 11, 16–17). Не образ ли это тех, которые сами, прияв верою Богомладенца Христа, рожденного в Вифлееме, и обретши освящение и спасение от Него, пострадавшего на Голгофе, осветив жизнь свою

светом Его Воскресения, в чаянии вечной славы и блаженства на Небе, куда восшел Иисус в Своем Вознесении, и прияв Духа Святого в излиянии даров Его в Таинствах Святой Церкви, – не только сами вышних ищут, горняя мудрствуют, а не земная (Кол. 3, 1), не только сами исповедуют, что наше жительство на Небесех есть (2 Кор. 5, 1; Флп. 3, 20), но и другим возвещают эту единственную и возвышенную премудрость христианства: *поспешают* к язычникам, *приходят* сами в их страны, не дожидаясь, пока к ним придут и попросят показать сокровища веры, *рассказывают* о том, что им возвещено и небожителями о Христе, и Самим Христом в Евангелии?

Или вот волхвы, мудрецы Востока, приходят издали, приносят дары Богомладенцу Иисусу и на пути, пока еще только ищут Его, уже проповедуют о Нем во Иерусалиме, заставляют книжников испытывать пророчество (Мф. 2, 1–6). На страницы священной письменности не занесено и не записано о том, что делали волхвы, когда возвратились в страну свою (Мф. 2, 12). Но Предание Церкви, с одной стороны, история христианства на Востоке – с другой, красноречиво говорят нам о том, что святые волхвы не молчали о Христе в стране своей: там христианство появилось без труда, и апостольская проповедь нашла волхвов, и они крестились сами от одного из апостолов; таким образом, апостольская проповедь пала в странах, где жили волхвы, на подготовленную ими почву в первом же христианском веке, и там потом процвели «Церкви Востока», уже впоследствии, гораздо позже поникшие под ударами мусульманства. И мне Бог привел в Персии видеть древний храм на месте, где, по преданию, погребены два волхва, приходивших ко Христу в Вифлеем, – и то благоговение, которое сохранило память их могил,

то благоговение, которое вызывают их образы, показывает, что они были здесь первыми проповедниками, первыми миссионерами среди народов Востока. Есть еще миссионеры-проповедники о Христе кровью и страданиями своими... И они в числе четырнадцати тысяч младенцев, избитых за Христа в Вифлееме, воспоминаются в Рождественские дни, а сегодня в воспоминаниях Церкви восхваляются *двадцать тысяч* мучеников, в Никомидии сожженных (в 302 году)... Они были приговорены к этой казни – и умерщвлены по приказу безбожного царя Максимиана-язычника в день Рождества Христова: «Огнем страдания приемше, вопиюще Родшемуся от Девы: приими всежжения наша за Тя, якоже дары Персских царей, злато и смирну и ливан, Превечный Боже» (Тропарь).

Представьте себе мысленно на мгновение всю историю миссионерства, – и вы сразу увидите, что не скудна она и эту проповедь крови и страданий за Христа, святым мученичеством христианских миссионеров.

Итак, не в искусственных, не в выдуманных и прикрашенных словах человеческой мудрости мы ныне слышим похвалу миссионерам и миссионерскому делу, а в живых и вечных образах и событиях святого Евангелия. Дух, основу и вечное содержание миссионерского делания возвещает нам святая повесть евангелистов о рождении нашего Спасителя.

Преклонимся же пред высотой подвига веропрповедников, – и усопшим воздадим ныне поминание молитвою, а живущим и подвижающимся поможем и молитвою о ниспослании им Божественной помощи, и сочувствием к их святому делу, и нашею личною преданностью Святой Церкви, и жертвами материальными столь необходимыми для дела проповеди христиан-

ства, – для содержания проповедников, для устройства церквей и школ и всего того, чего естественно требует святое миссионерское дело, которое есть, по преимуществу, дело просвещения духовного и благотворения.

Принесем ныне Христу веру во благовестие Ангелов, принесем чистоту сердца и радость о Христе вифлеемских пастухов, принесем и пытливую, ищущую проповеди веру волхвов, принесем по их примеру и злато, ливан и смирну, – принесем все это Христу, возвещаемому до последних земли в странах язычников. Всеми средствами и всеми путями станем способствовать тому, о чем Ангел Господень возвестил в час Рождения Богочеловека: чтобы возвестить радость велию *всем людям*, яко родися нам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове [Лк. 2, 10–11]. Аминь.

СКОРБИ И НАДЕЖДЫ МИССИИ¹

Сегодня Православное Миссионерское Общество совершает обычное ежегодное поминовение своих усопших членов и всех тех, кто личным трудом, словом, писанием или распорядительною деятельностью, или же жертвами материальными и иными содействовал успеху святого дела проповеди святого Евангелия среди язычников.

Совершаем мы нынешнее поминовение при особо грустных настроениях и даже предчувствиях. Идет тяжелая война и притом – между христианскими народами: какое это огромное препятствие, какая великая задержка Евангельского благовестия, какое прискорбное и слез достойное ослабление силы христианства и его внутреннего величия в глазах неведущих Христа.

Ко всему этому нужды военного времени, необычайные и невиданные по своей тягости, естественно, отвлекают теперь внимание и правительства, и общества, и всего народа от дела миссии, отвлекают от него и жертвы материальные.

Не одна, а много – до четырнадцати губерний заняты теперь врагом; там были наши епархии, были епархиальные комитеты Православного Миссионерского Общества, имевшие целью привлекать пожертвования и средства в помощь Православному Миссионерскому Обществу для проповеди святого Евангелия среди язычников.

Теперь эти комитеты бездействуют, население большею частью обратилось в беженцев, лишено крова и занятий, само нуждается часто в куске насущного хлеба; здесь новое ослабле-

---

¹ Беседа в Неделю пред Просвещением по случаю молитвенного поминовения усопших миссионеров и членов Православного Миссионерского Общества. Сказана при служении председателя Миссионерского Совета при Святейшем Синоде епископа Иннокентия [3 января 1916 г.].

ние средств миссии, ибо доселе она питается и питалась только жертвами православных чад Церкви, собираемыми в храмах, не получая никаких пособий от государства.

Средства миссии, как видим, умаляются, истощаются, а ведь работа миссионерская не может быть прекращена: нельзя закрыть храмы и школы среди крещеных язычников, нельзя прекратить существование приютов, богаделен, общежитий учеников, нельзя уволить священников, причетников, катехизаторов, прекратить всем учреждениям и лицам содержание, а содержание это, и без того малое, при нынешней дороговизне требует не умаления, а усиления, даже в том случае, если бы мы желали не развить дело миссии, а хотя бы оставить его только в прежнем положении.

В тяжелых предчувствиях, стоя пред открывающимся новым годом своей деятельности, Православное Миссионерское Общество и все мы, однако, не должны падать духом. Были времена гораздо более тяжкие, условия прямо невыносимые для дела проповеди, но нередко бывало так, что именно там, где не оставалось ничего для надежд и расчетов человеческих, торжествовала и действовала во благо проповеди сила Божия. Ибо навеки неизменно глагол Господень говорит о вечных запросах и потребностях человеческого духа, жаждущего религиозной истины, жаждущего общения с Богом и спасения: на этой-то жажде бессмертной, на этих-то стремлениях и потребностях не умирающих и основывается, ими питается и живет дело миссии... Когда перестанет на земле звучать речь человека, когда угаснет его дух, когда перестанет биться и волноваться его сердце, только тогда может умереть на земле стремление к познанию истины веры, и только тогда может умолкнуть миссионерское слово проповеди, угаснуть и мисси-

онерское дело. Самые войны нередко даже расширяли его, а не сокращали.

И как будто нарочно и сегодняшнее церковно-уставное воспоминание – Неделя *пред Просвещением*, и чтения Апостольское и Евангельское говорят и напоминают нам об этих отрад-ных истинах.

Неделя *пред Просвещением*... Воистину, хотите ли или не хотите вы, языческие народы и племена, и все, неведущие Христа, – все-таки достигнет до вас Царство Божие, возгремит Его слово, Его призыв огласит ваш слух, и миром ли, войною, торго-вым ли делом, силою и могуществом государств, как в Японии, ослаблением ли, как в Китае, словом ли проповедников, или са-мою практикою жизни христианской, или укладом европейской науки, европейского быта, государственности, – все равно, вы стоите *пред* просвещением христианским. И хотите ли или не хотите вы, христианские народы, если вы живы, а не обрече-ны смерти, все равно вы понудительно обращаетесь в вестни-ков Царства Божия, в рабов Господина вечери – Сына Божия, исшедших в мир весь с высоким проповеданием на Чашу Го-сподню... И тоже войнами, миром, могуществом, бессилием, богатством, нищетою, бедствиями или радостями вы будете со-знательно или даже бессознательно служить делу благовестия Христова, – будете жить, если захотите верно служить этому делу, будете гибнуть, если захотите пребывать в лености и в не-брежении к делу хранения и распространения истины, и тогда на ваше место придут от язык, с закоулков исторического мира, с переулков и пустынных месть прежде бывшие на путях и ха-лугах нищие, слепые и хромые и возлягут в Царствии Божиим, и будут возвещать о нем. Да, вы, христианские народы, всегда бу-дете стоять неизбежно *пред просвещением* языческого мира по

оному слову: «Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Господи, знаменая на нас, в разуме поющих: пришел еси и явился еси, Свет неприступный!» А света нельзя не видеть имеющим очи видеть...

Один раз в году в воскресный день возглашается сегодня слышанное начало благовестия святого Марка.

Зачало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия... О, вечно будет возглашаться зачало Евангелия сего, пока не проповестся всей твари, по слову и пророчеству изрекшего Евангелия Царствия. Вечно будет возглашаться зачало Евангелия и среди познавших Христа народов, ибо оно воспринимается не только слухом, не только памятью, умом и сердцем, но паче жизнью и делом, как оная закваска, которая положена в тесто и поднимает его все...

Действие его есть не внешний и механический, а внутренний и нравственный духовный процесс созревания человечества для Царства Божия, и когда он окончится, этот процесс, тогда только *конец*, и Сын Божий предаст Царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24), но тогда и пред нами будет новое зачало вечного Евангелия в Царстве славы, куда идут народы и все человечество, ведомые Божественным Промыслом Любви и Благодати.

Зачало Евангелия, – и тотчас святой евангелист указывает и его миссионера, проповедника, указанного уже древними пророками (Мал. 3, 1; Ис. 40, 3): «Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для отпущения грехов» (ст. 4). Нигде и никогда не бывает совершенно бесплодно дело проповеди. Если ее послушает только один человек, – тогда этот сын веры, как Ной среди обреченного смерти человечества, как Авраам среди заблудшего и омрачившегося язычеством мира, сияет вечными светом и носит в себе семена жизни духовной

для земли, семена будущего торжества истины. Так случилось и с Иоанном: «И выходили к нему вся страна Иудейская и иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои» (ст. 5). Вот какой был успех этого первомиissionера и проповедника о Христе, ибо слово его гласило именно о Нем, о Спасителе мира. «Идет за мною, – говорил он, – Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его»; слово, которое должно быть в устах у всякого проповедника христианства, – ибо и он есть только предтеча, предвестник Того, Кто придет вслед за проповедью в души и сердца, жаждущие вечности и спасения. «Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (ст. 8): ничего своего не говорит и проповедник-миissionер, ничего своего не обещает, не дает. Он приносит только весть о Божественной благодати, открытой для всякого, кто желает принять ее сердцем после того, как склонит слух к слышанию и послушанию веры. Всегда была и будет небогата с внешней стороны жизнь проповедника: «Иоанн носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих и ел акриды и дикий мед» (ст. 6). Но миissionер приносит с собою неиздидваемое духовное богатство для народов и племен, среди которых он проповедует, и это чувствуется по крайней мере теми, кто способен чувствовать нечто высшее земли и земных интересов, и оттого приемлет слово благовестия с верою. Какое здесь вековечное ободрение всем труждающимся во благовестии Евангелия, и всем, кто содействует этим труженикам в их высоком и святом деле!

Да и ныне миissionеры говорят только о Христе, и ныне они являются предтечами пред пришествием Христа к языческим народам, и ныне уготовляют путь для Него по проречению древнего пророка: «Вот Я посылаю Ангела-вестника Моего пред

лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою (Мал. 3, 1); глас вопиющего в пустыни: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его (Ис. 40, 3)». Пустыня эта, однако, не останется пустыней, пустыня наполнится и наполняется слушающими слово проповеди, и об этом громко и согласно свидетельствуют и Алтай, и Якутск, и Камчатка, и Япония, и Китай.

Хотите ли вы приобщиться к подвигам Предтечи? Тогда помогите и помогайте словом молитвы, сочувствием, жертвою и помощью миссионерскому делу...

Выслушаем далее и бодрое слово апостола-миссионера, проповедника Евангелия во языцех. Он пишет его пред смертью мученической и мучительною; он пишет, старый и больной, находясь в мрачной подземной темнице Рима. Все кругом – и гонения Нерона, и ереси в Церкви, и измена некоторых сотрудников апостола, и его личное положение, и скоро грядущая казнь, – все давало бы только уныние и отчаяние и ими заполняло бы сознание и настроение святого Павла. Но не таков дух христианского миссионерства. К любимому сыну веры, к преемнику своего служения, к возлюбленному чаду Тимофею, которого Павел оставляет епископом во Ефесе, он пишет среди этих тяжелых обстоятельств полные силы и бодрости заповедные слова: «*Заклинаю* тебя перед Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых, в явлении Его и Царствии Его, – *проповедуй слово*» (2 Тим. 4, 1–2).

Тимофею ли одному это повеление? К миссионерам ли только оно относится? О, это слово обращено, можно сказать, ко всему миру, ко всему христианскому человечеству. Христианское человечество будет не на высоте призвания, если не проповедует словом и делом Евангелия Христа. Оно тогда – раб неключимый и никуда негодный, если молчит о Евангелии. Оно –

раб лукавый и злой, закопавший талант, данный ему, в землю, если купли не деет на слово Небесного откровения, если не приумножает семени слова Божия во всем мире, посреди народов и племен, Христа не ведущих.

Впрочем, повторяем, хотят ли христиане, или не хотят, христианство будет двигаться и движется собственной внутренней силой. Так, в Японии оно плещет своими волнами самую практикою и укладом жизни, отпечатлевает там себя на праве, на государственности, в суде, в науке, в общественных воззрениях. Но в таком случае, если нет проповедующего, вся заслуга в самой силе христианства, а не в деятельности христианских народов. Зато сколь велика награда для того, кто научит и сотворит собственною волею, собственным словом, собственным подвигом! Какая награда тому, кто обратит грешника словом своим от заблуждения пути его: он покроет множество грехов!

Тяжко было положение апостола в узах и темнице, тяжело было при нем положение благовестия, везде и всюду обреченного на мученичество, кровь и смерть, – конечно, гораздо более тяжело, чем теперь. «Аз убо жрен бываю, то есть я уже обречен на жертву, и время моего отшествия наста», – так определяет со всею ясностью свое положение святой апостол. И, однако, какой же вывод отсюда для его преемника Тимофея? «Ты будь бдителен во всем, переноси скорби, *совершай дело благовестника*, исполняй служение твое» (ст. 5–6). И, умирая, апостол, устремляя взор в будущее, связанный узами, утешает и утешается одною ободряющею мыслью: «Слово Божие не вяжется», то есть для слова Божия нет уз... [2 Тим. 2, 9].

Исповеданием своего достоинства, сознанием исполненного долга звучит заключительное слово апостола, грядущего к смерти: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил,

веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, Праведный Судия, в день оный, – и не только мне, но и всем возлюбившим пришествие Его» (ст. 7–8).

Всем возлюбившим пришествие Его...

О, возлюбите, братие, возлюбите, сыны веры, возлюбите, христиане, пришествие Господа Иисуса Христа на землю, чтобы сретить и второе славное Его пришествие в день оный. Тогда вы неизбежно и непременно полюбите и Его святое миссионерское дело веропроповедничества. Воздохните о нем пред Богом, и если что можете и в силах, – помогите, помогите проповедникам Евангелия Христова среди народов неверных.

И пред вашим взором пройдут сонмы святых и избранных душ, краса мира и оправдания самого его бытия, пройдут потрудившиеся до изнеможения и смерти на деле благовестия: и преславный апостольский лик, и пророческое хвалебное число, и пресветлое мученическое воинство, и великие учителя и отцы Церкви, и вся она – исповедующая Христа по всей вселенной Святая Церковь. Пройдут равноапостольные Константин и Елена, Кирилл и Мефодий, Владимир и Ольга, лики которых смотрят на нас в этом святом храме; пройдут образы святого Стефана Пермского, в дебрях лесов зырянских, святого Иннокентия Иркутского, в горах и удолиях Даурии, во языцех монгольских, – проповедовавших Христово Евангелие.

И пройдут образы веропроповедников и всех деятелей миссии усопших, чаще всего бывших и ходивших в верблюжьих одеждах с кожаными поясами, тоже питавшихся акридами, то есть бывших в великом утеснении и нужде. Им возгласим вечную память, а дело их святое, дело миссии, тоже пребывающей и донныне в материальной нужде и забвении, почтим любовью, сочувствием и посильною жертвою! Аминь.

ПРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ¹

Дело призрения и устройства беженцев привлекает к себе все большее и большее внимание и Церкви, и государства, и общества. Сегодняшнее соединенное собрание Комитетов имени Великой Княжны Татианы Николаевны, столичного и губернского, работающих для этого дела, говорит о том, что для него наступает время и более правильной и упорядоченной организации.

Нам, служителям Церкви, конечно, прежде всего и впереди других нужно подойти и словом сочувствия, и участливым трудом к высокому христиански благотворительному и патриотическому подвигу лучших сынов России, понимающих, что отравление нашего тыла беженским движением и расстройство жизни, производимое им, больше всего входят в планы нашего упорного и злобного врага и являются для него прямою и желанною помощью.

И посему да будет горяча и вседушевна наша сегодняшняя молитва, да будет действительно благословение архипастыря, тоже беженца, возглавляющего наше нынешнее молитвенное собрание, в сослужении пастырей-беженцев, – и его благословением милость Божия да изольется на наше дело.

Я только что прибыл с праздника тысячи детей-беженцев, устроенного на щедрое пособие, полученное от Татианинского

---

¹ Речь в соединенном собрании Московского столичного и губернского Комитетов имени Татианы Николаевны 12 января 1916 г.

Комитета. Пусть же присоединятся сегодня к нашим молитвам и хоры детских голосов, выражающих благодарность добрым людям за ласку и заботливость.

Не новое это явление – беженцы и беженские скорби. Посреди побед и видимых успехов оружия Господь уже предопределял к гибели Навуходоносоров, Салманассаров, Иродов и прочих тиранов человечества, удары которых обрушивались на народ, Богом предуказанный для всемирного служения и приготовления к принятию Спасителя: но народу богоизбранному не раз приходилось отступать пред лицом злобного врага и видеть сынов своих в положении беженцев. С нравственной стороны это был призыв народу к покаянию и исправлению, отдельным же сынам народа это был случай оказать милосердие к тем, кто в состоянии беженства являл собою как бы всенародную жертву умилостивления Бога.

У пророка Исаии читаем мало кому ведомые слова: «Несите воды навстречу жаждущим, с хлебом встречайте бегущих! Ибо они от мечей бегут, от меча обнаженного, и от лука натянутого, и от лютой войны. Ибо так сказал мне Господь: еще год – и вся слава Кидарова исчезнет, и луков у храбрых сынов Кидара останется немного: так сказал Господь, Бог Израилев» (Ис. 21, 14–16).

О, если бы это слово было словом пророческим и о тевтонах, если бы судьба слуг кайзера была судьбою сынов Кидара! О, если бы призыв пророка нести хлеб и воду бегущим от лютой войны дошел до слуха всех русских людей!

Не в нашем праве разуметь времена и сроки: их Отец Небесный положил во Своей власти. Не в нашем праве судить и о том повороте войны, которым создано явление беженства, –

Божье ли это наказание, Божье ли испытание. Ирод гнал Самого Христа, освятившего беженство пребыванием в Египте. Нероны гнали первенствующую и Святую Церковь; неверные Тамерланы и Аттилы сокрушали христианские народы; дикари опустошали христианские культурные страны... Победители не всегда являются носителями нравственной силы и нравственного права!..

И теперешний тиран Вильгельм, как новый Навуходоносор и Ирод, может иметь временный успех насилия: повторяем, – Бог и победное оружие посреди побед предопределяет к гибели, если оно служит злу, а не добру.

Но для народа русского одно должно иметь в виду пред лицом тяжкого несчастья многих его сынов, обреченных на беженство: смотреть на их страдания, как на жертву всенародную, чувствовать эти страдания, как свои собственные, и стремиться утешать их всеми доступными для нас силами и средствами. Не одно правительство: все здоровые силы общества и государства должны быть призваны к этому делу.

Так явление чисто политической жизни в сознании и деятельности христианина приобретает всегда нравственный характер. Сам Христос указал это вековечное нравственное начало. Когда спрашивали Его апостолы при виде слепорожденного, кто согрешил, он ли, сам слепорожденный, или родители его, Спаситель указал только на неизбежное следствие из этого несчастья, – на дело Свое, как Божественного Учителя милосердия: «Он слепым родился, – сказал Он, – и вот явятся дела Божии на нем» [ср.: Ин. 9, 2–3], и затем даровал слепому исцеление.

Святой апостол даже о грехе говорит, что где изобилует грех, там умножается и благодать... [Рим. 5, 20].

Не будем скрывать от себя того, что по отношению к беженству и самим беженцам назревает раздражение в русском обществе. Беженцев упрекают и в лени, и в склонности к тунеядству, и в других некрасивых склонностях и свойствах. Так ли это, или не так, – Он, наш Божественный Учитель, оставил нам в завет Свое слово: «Не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»... (Ин. 3, 17).

Не такие времена теперь, чтобы упрекать или судить: теперь надо только делать, работать, помогать, врачевать, жертвовать собою и своими силами, своим достоянием, своим трудом на общее благо. Для суда и суждений придет свое время...

В этом смысл и единственно должное направление в организации общественной помощи беженцам.

И да будет вам, достопочтенное собрание, и благословение Господа, и благоволение всех добрых людей!

ВО СЛАВУ СЯТГО ИОАННА БЛАЖЕННОГО¹

І. «СТРАНЕН ВО СВОСІ ЯЗЫЦЕ»

У нас нет сегодня времени для пространной и обильной трапезы слова за продолжительностью богослужения.

Но мы не исполнили бы веления нашего сердца, если бы не исповедали ныне, что, наконец, в нашем древнем соборе теперь разрешается, так сказать, живое и колющее наше сознание какое-то историческое недоумение. Оно в течение почти трехсот лет, несомненно, тревожило наиболее чуткие верующие души. Мы разумеем нынешнее наше торжество освящения первого престола во имя святого Иоанна Блаженного, и притом в каком знаменательном месте! Там, где он возлег на вечный покой по собственной просьбе и завещанию; там, где открылись его мощи во благоухании святыни; там, где чтут его и привыкли припадать к нему православные люди; там, где во множестве совершались и совершаются чудеса исцелений у его гробницы; там, где чрез него чудодействует милующая и спасающая нас благодать Божия.

Слава Богу, даровавшему нам эту чистую радость, сподобившему нас совершить на священную память векам и родам это великое дело!

Прославляем святого, столь мало похожего на других святых... Ибо многоцветна и дивна разнообразием духовная краса святыни! Он не был святителем, не был подвижником-монахом,

---

¹ Два слова – за всенощным бдением и литургией 16–17 января [1916 г.] по случаю освящения первого престола и придела в память святого Иоанна Блаженного в Покровском соборе.

не был в той среде, где обычно мы видим как бы питомник святых, Богом и Церковью насажденный. Он не был церковным или государственным правителем, защитником веры или внешнего быта и бытия своего народа, – не был среди тех, кого обычно долго помнят с благодарною хвалою благодарные и благородные потомки. Он был простой крестьянин из далекой Вологодской страны, – «странен в своем языке»: юродивый, блаженный, представляющий часто для современников только предмет насмешек.

Но этот праведник теперь с великим дерзновением стоит пред лицом тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его. Они же, увидевши, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его. И раскаиваясь, и вздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: «Это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим и жребий его – со святыми?» (Прем. 5, 1–5).

Не думайте, что это слова – слова мои, как проповедника. Это пророчество древнее, за 800 лет до Христа сказанное премудрым.

Мы, конечно, не станем вопрошать о святом Иоанне, не станем удивляться, почему удел его со святыми. Ибо мы – ученики Премудрого Слова Божия, ученики Нового Завета, и слышим от апостола, что часто премудрость в очах людей есть безумие пред Богом, и безумие в очах людей есть величайшая премудрость пред Богом. Мы – ученики того Слова Воплощенного, Распятого на кресте, о Коем гласит вечная проповедь: «Слово крестное погибающим *юродство* есть, а спасаемым нам сила

Божия есть. Ибо написано: погублю премудрость премудрых, и разум разумных отвергну. Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу *юродством проповеди спасти верующих*» (1 Кор. 1, 18–21).

И святой Иоанн, блаженный и юродивый, юродством гласной целожизненной проповеди своей да спасет всех верующих!

Он учит нас, как правильно расценивать жизнь и жизненные явления. Ибо если мы пойдем путем добродетели христианской до конца, особенно же подвигом терпения, смирения, веры и любви, исполнения долга, то и из нас каждый будет казаться «странным во своем языке», юродивым, достойным только насмешек и глумлений, иногда же преследований и ненависти.

Итак, что же значит в области нравственной так называемое общественное мнение? Что значит приговор людей и большинства?

Да, имей его, этот приговор, в виду, руководствуйся им, если он говорит то же, что и Закон Божий. «Если же он не говорит, как это слово, слово закона, то нет в нем света» (Ис. 8, 20). Тогда отвергнемся немудрой мудрости сего мира, а последуем стопам юродивых и блаженных, хотя бы мы и почитались тогда странными во своем языке...

Ибо немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков (1 Кор. 1, 25). Аминь.

II. ИСТИННАЯ ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ

Немного можем мы сказать и сегодня по поводу освящения первого храма и престола во славу святого и блаженного Иоанна на месте его вечного упокоения.

И поучение наше пусть будет опять выражено словом Божиим, – учением древнего библейского мудреца, которое так выразительно и глубоко поучительно звучит именно на гробе такого подвижника, как блаженный Иоанн.

«Неправо умствующие говорили сами в себе: коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти... Случайно мы рождены, и после будем, как небывшие... И имя наше забудется со временем... Ибо жизнь наша – прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается... Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью. Преисполнимся дорогим вином, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни. Никто из нас не лишай себя участия в наслаждении, везде оставим мы следы веселия, ибо это – наша доля и наш жребий. Будем притеснять бедняка-праведника, не пощадим вдовы, не постыдимся многолетних седин старца. Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным» (Прем. 2, 1–11).

«Так они умствовали и ошиблись, ибо злоба ослепила их. И они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды души непорочных. *Бог создал человека для нетления* и сделал его образом вечного бытия Своего» [Прем. 2, 21–23].

«А души праведных в руке Божией, и не прикоснется их мука. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считают погибелью, и отшествие от нас – уничтожением: но они пребывают в мире... надежда их полна бессмертия. Бог испытал их, и нашел их достойными Его, – испытал их, как золото в горниле, и принял их, как жертву всесовершен-

ную. Во время воздаяния им они воссияют, как искры, бегущие по стеблю... и над ними будет Господь царствовать во веки» (Прем. 3, 1–8).

Вот образ праведных, – и в их числе святой блаженный Иоанн. В очах людей его жизнь была юродством и безумием, но конец его – слава, и в очах Божиих бессмертна память его.

И здесь – истинное величие человека и истинная духовная ценность его!

Есть много видов славы человеческой. Есть слава великого ума, великих умственных дарований, слава мыслителя, оратора, писателя.

Есть слава правителей, государственных деятелей, завоевателей, благодетелей своего народа, героев истории.

Есть слава мирных работников культуры, науки, искусства, слава экономических деятелей, изобретателей, художников и так далее без конца.

Но ни с каким видом человеческой силы не сравнится сила духовно-нравственная: она превыше их, и мало того, – без нее блекнет и тускнеет всякая иная сила человеческая. Ни с каким видом величия и славы не сравнится величие нравственное, величие святых: оно превыше всего земного, и мало того: без нравственного величия всякое иное величие – не добро, а зло, не истина, а ложь.

Таков истинный, возвышеннейший взгляд на жизнь русского народа, воспитанного святым Православием, и в этом смысле святой Иоанн блаженный есть истинный наш *народный* русский святой. Ни один христианский народ не дал святых, подобных нашим блаженным и Христа ради юродивым, и ни один народ не признал бы таких людей, как Василий и Иоанн, Христа ради

юродивые, святыми и праведными, достойными почитания в веках и родах.

Но вот на Руси дивное видение: у смертного одра блаженного Василия мы видим царя с царицею и его детьми, а гроб этого нищего «нагоходца», 60 лет ходившего по Москве и бывшего предметом посмешек толпы, несут царь и ближайшие его бояре.

Иоанна блаженного хоронят на счет царского дома, и отпевает его здесь, в нашем соборе, святой Ермоген, тогда митрополит Казанский, впоследствии патриарх Всероссийский: и он вдыхал воздух этого храма, и его стопы касались этой земной персти, и он благоговел к памяти и духовному образу блаженного Иоанна.

Вот громогласное свидетельство бессмертия, вот свидетельство нравственного величия человека и той покоряющей силы нравственной чистоты, с которой ничто в мире не может сравниться, и ее же ничто же в мире нужнейши...

Последуем этому единственному, воистину золотому и единственно ценному правилу жизни человека!

Аминь.

БЛАГОРОДНАЯ ДУША¹

*Ты же отыдеши ко отцем твоим в мире,
препитан в старости добрей...
[Быт. 15, 15].*

То был Ветхий Завет, ветхий закон, – старое, давнее время, когда было дано это обетование Аврааму, – обетование глубокого долголетия, мирной кончины в старости добрей и перехода – «приложения» к отцам своим в мире.

То был Ветхий Завет... Но напрасно к Ветхому Завету в последнее время усвоено по неразумию какое-то отрицательное настроение. Это настроение современности растет и находится в связи вообще с отрицательным отношением ко всякому прошлому, особенно в области уклада мысли, быта, жизни, всего мировоззрения старого доброго времени, людей старого воспитания. Здесь и неправда религиозная, здесь и неразумие житейское, здесь более того, – неблагородство нравственное.

Спаситель благоговел к Ветхому Завету и часто на него ссылался. Новозаветные Писания столь часто упоминают о нем, что приведенные из него выписки и ссылки заняли бы не менее половины всего Новозаветного Откровения. И Церковь назидает нас ветхозаветными псалмами и чтениями. Особенно для семьи и внешнего быта верующих она постоянно и неизменно указывает образы и примеры Ветхого Завета.

Ты отойдешь к отцам твоим в мире... Это слово применимо к той усопшей, которую сегодня сонмом священнослужителей мы провожаем, окруженную родными и близкими, в путь всея земли, в путь вечного покоя. Ее род – старый дворянский исторический

---

¹ Речь при погребении статс-дамы А. М. Апраксиной 21 января 1916 г.

род. Ее отцы, ее предки, веды в русской жизни в течение не одного столетия. Как в Ветхом Завете, не только по особенностям жизни тогдашнего времени, но и по особым целям Божественного воспитания мира особо высоко ценилось семейное начало, свято хранилась память о предках, и это налагало печать особого же и долга и ответственности на целые роды, так и то древледворянское происхождение, знающее перечень предков до отдаленнейших времен, которое украшало и почившую, расценивалось ею не столько с точки зрения права, сколько с точки зрения долга и обязанностей. Она не уронила славы и чести своего исторического рода. И как в Ветхом Завете благоговение к семейному началу делало то, что, невзирая на грубость тогдашнего времени, на жестокость нравов, на господство рабства и подавление личности человека, создало удивительное отношение главенствующих в роде даже к слугам, которые именовались трогательным именованием домочадцев: так и почившая, невзирая на то, что годы молодости ее, конечно, захватили крепостное право, тем не менее, создала такую атмосферу любви вокруг себя, в своем доме, в своей семье, что самые слуги ее воистину были у нее домочадцами, – и это сказалось даже в предсмертных заботах о них покойной.

Она отходит теперь к отцам своим воистину в мире, ибо достойно носила имя лучших из их представителей, живших и работавших для своего народа.

Препитан в старости добрей... Да, и это благо земной жизни приjala она из рук Творца. Ветхий Завет высоко ценил его, но разве в Новом Завете оно не ценится? И Симеон Богоприимец: и Анна пророчица, и Иоанн Богослов, достигшие глубокой старости, – разве не почитаются в самом долголетии своим носителями Божией милости? Добрая старость – какой завидный удел! Она дает умудренность опыта, она сообщает спокойное отношение к

жизни, она приближает мысль к Небу и вечности, она постепенно погребает и уничтожает в сердце все те самолюбивые, себялюбивые, злобные тревоги и счеты, которыми ныне так преисполнена жизнь молодых поколений.

И все это прияла в дар покойная. Ни высота происхождения, ни высокое положение, ни обеспеченность, ни привычка к власти и окружающему уважению, – ничто не всколебало покоя ее души и той кротости, которая дается много думавшим и пожившим в благочестии старцам.

Она жила только любовью к окружающим, она отзывалась на нужды того мира, который, казалось, далеко-далеко от нее плескал и бурлил своими мутными волнами, – и больше всего жила она тихую, сосредоточенную жизнью в Боге, в своей набожности не имея ни крикливой фразы, ни вычурной позы, ни желания проявить свою власть и положение в отношении к той семье Божией на земле, в которой царит и живет такое прекрасное и единственно возможное на земле равенство, и которая именуется Христовою Церковью.

И вот, час пришел и предстал ей Ангел смерти с глаголом изволения Господня:

«Ты отыдеши ко отцем твоим в мире, препитана в старости добрей!»

Иди же в благодатном покое к отцам твоим, кроткая, вдумчивая и благородная душа! О старости знает только земля. Небо не ведает старости. Там обновится, яко орля, – воспарит, как молодой орленок, к Небу духовная юность твоя [ср.: Пс. 102, 5]. Там свет незаходимый, там свет невечерний, там солнце немеркнущее. Там Христос. Там Церковь первенцев, там души праведников, достигших совершенства... [Евр. 12, 23]. Иди к отцам твоим в мире! Аминь.

ДЕЮ ЛЮБИ К СЕМЬЯМ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ¹

1. НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ ИИСУ

*Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко,
по глаголу Твоему с миром
(Лк. 2, 29).*

Почти две тысячи лет весь мир повторяет эту чудную, вдохновенную песнь Симеона Богоприимца и будет повторять ее до толе, пока не явятся новое небо и новая земля, где будет жить вечная правда (2 Пет. 3, 13).

Знаем, что на нашей теперешней земле зло смешано с добром, праведные живут рядом с неправедными; пшеница и плевелы, по изображению притчи Господней, растут вместе (Мф. 13, 29).

Почему же, однако, торжественную и радостную песнь святого старца Симеона, невзирая на существующее в мире зло, повторяют все христиане? Почему эту песнь можно вложить в уста всякого отдельного человека и всего человечества?

Потому что с пришествием Христа Спасителя на землю люди действительно, как и Симеон, *очами своими увидели спасение*; потому что действительно языкам, народам дан и открыт теперь *свет во откровение*, – во откровение новой жизни.

Только бы нам самим не уходить от вечного спасения! Только бы нам не закрывать глаза на свет!

¹ Примерные поучения по случаю сбора пожертвований на нужды семейств воинов, призванных на войну, собираемых повсеместно в России, 2 февраля 1916 г.

Откровение новое, конечно, есть прежде всего открытое людям чрез Христа правое понятие об истинном Боге, о Боге Едином, Промыслителе и Спасителе человечества. Но правое понятие о Боге есть и правое откровение Его воли, Его закона, Его заповедей. Вот почему правая вера есть и правая жизнь.

В чем была неправда жизни до Христа?

В том, что люди грех почитали добродетелью, злобу, жестокость, ненависть считали не только позволительными и законными чувствами, но даже признаком достоинства в человеке и твердости его духа. Один великий языческий философ сказал своему другу: «Неужели ты настолько унизился, что подал помощь бедному, и этим продолжил его бедственное существование?»

При таких понятиях люди задыхались и погибали от жестокости и бессердечия.

Но пришел Христос, ныне встреченный святым Симеоном в храме, и слово Его стало действительно Евангелием, благою вестью для всего мира, и особенно для всех бедных, нуждающихся, скорбных и страдающих. Блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны кроткие, блаженны милостивые, – вот что услышал впервые мир, погибавший от злобы.

Правда, мир сразу не преобразился. На земле остаются и доныне и останутся люди злые, не внимающие благой вести Христовой: вечная правда будет жить только на новом небе и новой земле. И теперь мы видим на земле – какие жестокие войны, какие злобные чувства! Все это происходит от невнимания к новому откровению Спасителя всему миру. Но как среди тьмы ярче горят звезды, так среди греховного мира ярче горят любовью истинные христиане. Уже то для нас благо, что очи наши теперь видели спасение, и знаем мы – в чем это спасение: в вере, любви и

смирении. Уже то благо, что нам теперь дано и всем нам ведомо новое откровение народам, и оно есть откровение той же веры, той же любви и того же смирения. Люди теперь уже не могут в заблуждении злобу и жестокость считать и называть добродетелью. О, если бы мы действительно не отходили от спасения! О, если бы не закрывали глаз от этого спасения!

Братие, не теперь ли пред нами открывается особенно широкое поле для деятельной любви? Совершай дело любви для Родины – умирай и страдай за нее в эту тяжкую войну. Помогай больным и раненым воинам, защитникам Отечества. Дай им теплую одежду, дай все необходимое на войне. Приюти и сироту, и беженца, пришедшего из мест, занятых неприятелем.

Различен милования образ и широка заповедь любви, – так учит нас святая наша вера.

Сегодня и завтра¹, за всеми богослужениями нам открывается еще новый образ служения любви: *пожертвовать от нашего достатка в пользу семейств воинов, призванных на поле брани*. Помочь женам, матерям, детям, малым и старым, помочь тем, чьи кормильцы и работники там, на полях брани, охраняют наш мир и покой и безопасность, – разве это не высший подвиг любви?

Будем же достойны имени Христа, нашего Божественного Учителя любви, примем и исполним Его новое откровение миру, будем достойны вечной песни Симеона Богоприимца, возвестившего радость всему миру, будем стараться доставить такую святую радость нашим воинам и их семьям, дадим им нашу помощь, наши жертвы от всего сердца, чтобы и они, видя нагляд-

---

¹ Предполагается, что это поучение-воззвание будет сказано за всеобщую или вечернюю накануне праздника.

но дело любви, сказали в радости слово Богоприимца: Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, ибо очи наши увидели спасение Твое, свет во откровение языком [ср.: Лк. 2, 30–31]. Аминь.

III¹

Ныне Пречистая Матерь и Дева приносит во храм Божественного Сына, Спасителя мира (Лк. 2, 22–40).

Ныне Церковь ветхозаветная благословляет семью в лице Иосифа, Марии и Рожденного от Девы Матери, по наитию Святого Духа, Богомладенца.

Ныне Церковь Христова и мир христианский видят, что благословенные семьи Ветхого Завета дали плод благословенный в лице Марии Девы, Иоанна Предтечи и приутожили миру спасение. Ибо как не может корабль, нагруженный сокровищами, подойти к берегу, если не имеет надлежащей, удобной, хорошей пристани, так и Сокровище наше, Христос Господь, мог быть принят только достойною Матерью, Пречистою Девой Марией.

Благословим же ныне, братие, добрую, благословенную от Бога семью, эту «домашнюю Церковь», по выражению святого апостола, эту школу любви, самоотречения и самоотвержения, этот рассадник и питомник чад Святой Церкви, спасаемых чад человеческого рода.

Но ныне же слышим мы и скорбное предречение Деве Марии, Матери Божией: «Тебе Самой душу пройдет оружие»... (Лк. 2, 35). В час ужасный, в час страшный, когда небо и земля содрогались на Голгофе, когда солнце лучи свои потаило и земля трепещущи тряслася, познала Пресвятая Мария, что означало

---

¹ Предполагается к произнесению за литургией.

это пророчество Богоприимца Симеона, – познала, видя Сына Своего и Бога, Невиннейшего и Прекраснейшего из рожденных на земле, в смертных муках на кресте.

О, братие! Скольким матерям, скольким семьям и теперь оружие проходит душу во дни переживаемой тяжелой войны! Страдают и мучатся семьи за своих сыновей, братьев, мужей, отшедших на войну, беспокоятся за их жизнь, за их здоровье и безопасность. Но и дома, в семье своей, лишившейся кормильцев и работников, они нередко видят лишения, испытывают бедность, недостатки. Не говорит ли нам сердце наше, что им надо помочь?

Не горит совесть наша упреком, что мы мало оказываем внимания и помощи семьям защитников Родины, призванных на войну?

Святой Симеон, предрекая Пресвятой Деве Марии о том, что Ей оружие, меч скорби, пройдет душу, при этом прибавил: «яко да откроются от многих сердец помышления»... (Лк. 2, 35).

И вот нам теперь случай и повод, когда откроются и наши сердца, наши чувства и помыслы, откроется то, достойны ли мы с вами имени последователей Христа, Богомладенца и Спасителя мира, осиял ли нас свет Его явления во откровение языков (ст. 32)?

Сегодня по всей России производится сбор пожертвований в пользу семейств лиц, призванных на войну. Опустите, братие, ваши жертвы на это высокое, святое, христианское и патриотическое дело. Явите любовь вашу, благодарную любовь к защитникам Родины, почтите семью, пожалейте нуждающихся, откройте помышления сердец ваших и покажите, что помышления эти направлены к вечному делу вечной любви, во имя Христа благодворящей. Аминь.

ПУТИ ПРОМЫСЛІ

*На реках Вавилонских тамо седохом и плакохом,
внегда помянути нам Сиона...
(Пс. 136).*

Сидели и плакали о погибшей Родине, сидели и плакали, вспоминая о своем Отечестве, сидели и плакали о судьбе родного народа! Вот тоска по Родине, вот свидетельство того, как глубоко запечатлена в сердце человека любовь к Отечеству, как бесконечно оно дорого человеку.

Уничтожьте наше тело, – тогда только вы можете согласиться с нелепым учением Толстого, тридцать лет жизни отдавшего на труд вытравления из русских сердец чувства патриотизма. Уничтожьте разум и сердце в человеке, – и только тогда вы можете согласиться с безумным уверением Толстого, что надобно желать зла своему Отечеству, чтобы достигнуть легче уничтожения всякого патриотизма. Уничтожьте влияние местности, климата, близкой семьи, близких людей, родной язык, уничтожьте совсем дар слова, – и только тогда вы подавите в человеке чувство Родины. И те мыслители, те руководители умственной жизни современных людей, которые хотели бы привить людям идеи космополитизма, являются, – простите за резкое слово, – духовными бездомными бродягами, не помнящими родства, и к этому состоянию они призывают и желают привести своих последователей. О евреях, которые плакали на реках Вавилона, поэт, рисуя их скорбное положение, говорит, что у них «остались

---

¹ Из речи по случаю взятия Эрзерума, сказанной в Покровском и святого Василия Блаженного соборе в Неделю блудного сына 7 февраля 1916 г.

одни гробницы»... О, если бы были хотя гробницы! Но есть состояние и положение, безмерно худшее и тяжкое, когда нет и гробниц, потому что нет Родины!

Вот почему надо дорожить уроками такого времени, как нами теперь переживаемое, когда во дни войны чувство любви к Родине особенно живо и глубоко переживается. Сегодня же и из этих дней войны – день особенный, день радостного благодарения Господу за дарованную нашему воинству победу и за взятие неприступного Эрзерума. На реках Вавилонских, на верховьях Тигра и Евфрата, но не пленниками, а победителями стали теперь твердою стопкою наши воины. Радость нежданная! На весь мир прославлены теперь наши герои, которые совершили прямо сказочные подвиги. Нужно побывать там, на месте, чтобы видеть эти неприступные горы, эти твердыни, эти обледенелые скалы, по которым, под гром тысячи орудий, осыпаемые снарядами с фортов и укреплений, выдалбливая себе во льду ступеньки, наши солдаты восходили в заоблачные высоты, спустились потом к обледенелому и замерзшему болоту на равнинах, и брали форт за фортом, тесня врага повсюду, не зная ни страха, ни усталости.

Богу благодарение за радость победы!

Военные писатели и обозреватели в газетах объяснили и объясняют значение этой победы для нашего политического положения и для всего хода войны.

Мне, как священнику, хочется остановиться вниманием на другой стороне совершившегося события.

Что такое Эрзерум?

Это передовой оплот европейского, сначала еще языческого влияния в Малой Азии, начиная со II века. Но это был век, ког-

да сила христианства, невзирая на гонения языческой римской власти, уже шла вслед за этою властью повсюду, стремилась навстречу христианской проповеди в Малой Азии, предначатой апостолом Павлом из знаменитой Антиохии. И действительно, как только наступил IV век, когда объявлено было христианство сначала дозволенною, а потом господствующею религией, – Эрзерум уже стал Феодосиополем, в честь славного императора Феодосия, покровителя Православия, созвавшего второй Вселенский собор. Феодосиополь сделался и теперь остается местом пребывания христианского епископа, главным городом обширной епархии, и стал тяготеть именно к древней матери Церкви Востока, к апостольской Антиохии.

Знаете ли, что значит по-турецки «урум», – слово, которое слышится в наименовании Эрзерума?

Урум значит: римлянин, значит: Ромей, – как называли себя византийцы и как доселе называют себя греки, живущие в Турции. И урум поэтому значит – *православный*. «Город православный» – вот что в этом смысле значит слово Эрзерум. Итак, вот где теперь стоят наши орлы, наши воины!

Дай же Бог, чтобы это движение русского православного воинства в глубь Малой Азии привело нас на пути, по которым некогда из Антиохии и Атталии, чрез Листру, Иконию, Дервию, где теперь немцы в разбойничьих и грабительских покушениях на Востоке провели железный путь, шел с проповедью Евангелия святой апостол Павел. Дай Бог, чтобы чрез знаменитые Киликийские ворота, последний предел ныне освобожденной нашими войсками Армении, Святая Русь подошла к Святой Земле... Дай Бог, чтобы русское православное воинство принесло единство веры, объединение в Православии всех христиан Малой

Азии и древнего христианского Востока. Дай Бог, чтобы Российская Церковь стала во главу Церквей православного Востока, как о том молились и помышляли сыны древней нашей Москвы, как третьего Рима, как о том помышлял всеми силами своей гениальной души знаменитейший наш церковный ревнитель, Святейший Патриарх Никон...

Пути Промысла ведут наш народ повелительно и неуклонно в Малую Азию, к местам, освященным проповедническими стопами апостолов, к восстановлению славы и святой жатвы апостольского времени...

Братия! Богу благодарение, что мы имеем Родину, Богу благодарение, что мы ее любим, Богу благодарение, что мы имеем таких доблестных сынов, как наши герои-воины, – Богу благодарение, всегда победители нас творящему о Христе Иисусе! Аминь.

ПРИМИРЕНИЕ. К ПРОЩЕНОМУ ВОСКРЕСЕНЬЮ

Когда после житейских трудов, борьбы, волнений, иногда и даже часто после суеты жизни, после всех впечатлений и переживаний сердца и ума по поводу общественных и государственных забот, интересов, запросов вступаешь под сень храма в начале Великого поста, – какую благодарность чувствуешь к Церкви, которая в «прощеное воскресенье» зовет нас к примирению совести, к миру и единению с людьми, к забвению всяких обид и всяких житейских счетов!

Боже, как устало сердце от дел, от забот, от волнений, от споров и борьбы! Как хочется мира, отрады и покоя! Как ищешь этого царства мира и всепрощения! Боже, как все эти волнения суетны пред лицом вечных и неизживаемых запросов человеческого духа, которых ничем подменить невозможно, и как хочется остаться наедине после этого многолюдства и многопопечительности большой жизни больших городов, или интересов, навеваемых чтением о том, что творится, что говорится в центрах умственной и государственной жизни страны.

Есть рассказ о том, как мудрый старец-отец привел к исправлению сына, который, казалось, уже окончательно, бесповоротно вступил на путь нравственной гибели – пьянства, мотовства и распутства. «Сын мой – сказал ему отец, умирая, – когда меня не станет, исполнишь ли ты одну мою небольшую и легкую просьбу?» Получив согласие и обещание, отец продолжал: «После моей смерти в течение месяца приходи в эту ком-

нату и в полном одиночестве проводи здесь ежедневно только один час». Сын недоумевал, что означает просьба, и так как она не представляла трудностей в выполнении, то после смерти отца он, действительно, стал делать то, о чем просил его отец, хотя находил его завещание странным и считал просто капризом умирающего старика.

Что же случилось? Каждый день до некоторой степени у него становился ум упорядоченным, чего прежде не было, и каждый день давал ему время для уединенных размышлений, для беседы с самим собою, со своею совестью. Все это создало в нем полный душевный переворот и направило к новой и лучшей жизни. Не такое ли уединение дает нам теперь и во дни войны грядущего поста Церковь? Пусть умирятся помыслы, пусть успокоится мятущееся сердце, пусть замолкнут звуки земли, пусть отверзется дверь неба; «Душе моя, душе, моя, восстани, что спиши? Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог!»...

Умиротворенность духа... Какое это великое счастье! Как мы радуемся за наших родных и близких, когда видим, что после бурных проявлений вражды, гнева, иногда в течение десятилетий живших в душе того или другого человека, мы вдруг замечаем в нем примирение, покой и полное забвение старой злобы! Как мы радуемся за дорогих нам людей, когда видим их при смерти примиренными и глубоко спокойными! О, мног мир у любящих Господа, и несть им преткновения! Так говорит царь и пророк, много волнений испытывавший в своей жизни!

Есть русский поэт, который много страниц своих талантливых произведений посвятил интересам дня, – «злободневным интересам», как принято выражаться, слишком много принимал участия в этой злободневной, мелочной борьбе, и оттого

так обидно забытый русскими образованными людьми, когда-то считавшими его своим кумиром. Много строк его стихотворений продиктованы злобою, хотя бы и вызванною чувством любви к Родине, но все же злобою. И вот, в минуту просветления и в жажде примирения он сознается, что при виде Родины-матери он «душою смирился, любящим сыном к ней воротился»: ибо «злобою сердце питаться устало, много в ней правды, да радости мало»...

Ах, как часто надо бы напоминать теперь себе и другим эту вечную истину, это свойство даже праведного гнева – все же не созидать жизни, не созидать и души, мало давать радости! Почему, спросите, именно теперь? Почему? Да потому, что наши дни, с их господствующим настроением, как бы пропитаны ненавистию и злобою в общественной и государственной жизни: все кричит, вопит, осуждает, требует изгнания и наказания, хвалит себя, бранит других... Кажется, нажмите газетную страницу, и поверх ее покажется и сразу выступит злоба, зависть, клевета, зложелательство, кровожадность и жестокость, брань, и брань без конца! А если вспомнить, что эти настроения насаждаются и взращиваются в русской жизни в течение не менее как ста лет, и притом теми общественными кругами и теми лицами, которые стоят во главе и в положении руководителей нашего образованного общества; если принять во внимание, что злобность, осуждение, клеветничество, открыто допускаемые и оправдываемые в партийной борьбе, возведены даже в признак особого достоинства человека и даже в печать геройства в отстаивании-де прав гражданина и человека; если, наконец, обратим внимание на то, что в таких настроениях выросло и воспиталось непрерывно и преемственно несколько поколений

русских образованных людей, стоящих впереди и во главе жизни, – то поистине страх возьмет за судьбу нашу, поистине не удивишься, если жизнь наша так бедна талантами, честностью, работою, порядком, вообще положительными сторонами, ибо плоды злобности – всегда отрицательные, хотя бы она прикрывалась или даже искренно руководилась намерениями и побуждениями благими...

При таких настроениях, при таких справедливых опасениях за будущее, при таком тяжком сознании недугов нашей жизни – тем более убедительно и властно звучит сегодня призыв Святой Церкви к общей душевной примиренности. Примиритесь с Богом в сознании греха и покаяния; примиритесь с близкими во взаимном прощении обид; примиритесь с жизнью в ослаблении и даже изгнании этого раздражающего всех и все тона дозора, упрека, злорадных обвинений, торжествующих укоров, подпочвою для которых в большинстве служит тайная зависть, самолюбие и самохвальство. Примиренными вступим в дни святого поста и постараемся сохранить и удержать в себе то душевное равновесие, ту благожелательность, то постоянное постановление себя пред судом Бога и Его вечного закона, – все то, что делает человека человеком и христианином.

Ибо гнев человека правды Божией не соделовает [Иак. 1, 20], – говорит апостол, – не созидает он и правды человеческой! Аминь.

ДУХ ПРАВОСЛАВИЯ¹

При всем желании продолжать сегодня беседу, начатую вчера о православной вере, как аскетической, подвижнической, мне сегодня с болью сердца, повинуюсь необходимости, приходится начать речь несколькими словами, касающимися меня лично. Многие из вас неспокойны и слишком горячо приняли к сердцу то грубое оскорбление, которому подвергся я лично, как священник, и притом с кафедры Государственной Думы, в речи одного крайнего левого депутата, а следовательно, и в печати пред лицом читающей России. Я получил множество письменных и устных по этому поводу заявлений сочувствия, просьб и предложений. Из них одна только просьба меня обязывает; она гласит: «Успокойте нас духовно вашим спокойным и наставительским словом»...

Это я и должен сделать, не ради, конечно, оправдания личного, не ради ответа оскорбившему, а ради именно вашего успокоения и к нашему общему назиданию.

Уже вчерашняя наша беседа должна послужить ответом и разъяснением ваших недоумений и тяжелых переживаний. В самом деле, если вера наша есть вера смиренномудрия и подвига, то как же по духу Православия должны мы себя вести в случае получения тяжких оскорблений и ударов?

Думают, пишут, говорят и предполагают те, что обращаются теперь ко мне, что грубое оскорбление является невыносимую

---

¹ В Неделю Православия [28 февраля 1916 г.]; сказано по поводу волнений среди богомольцев Покровского собора после напечатанной речи крайнего левого депутата Суханова в Государственной Думе с площадными ругательствами по адресу автора.

горечью для сердца и должно совершенно вывести нас из нашего душевного равновесия.

Но, братие, тогда нас надобно спросить словом Христовым: где же вера ваша?

Ибо вера в ее наличии и силе именно и свидетельствуется тем внутренним равновесием, которое она дает человеку. Не то ли мы видим в мучениках и борцах за Православие, которых сегодня благодарно вспоминает и прославляет Святая Церковь в день Торжества Православия? Не о том ли говорит сегодня и святой апостол, упоминая о святых героях долга, о величайших мужах древности, о судиях и пророках, *их же не бе достоин весь мир*, с которыми, следовательно, мы даже не можем идти в сравнение? Они именно, при своих достоинствах, при знамениях Божественной благодати и благоволения, однако, руганием и ранами были искушаемы, побиваемы камнями, ввергаемы в темницы, убийством меча умроша, а жили – лишени, скорбяще, озлоблени... (Евр. 11, 36–38).

Вот почему и нам, особенно после того, как мы, почти все, здесь присутствующие, в минувшую Неделю верою приступили к исповеди и общению с Богом в Тайне Тела и Крови Христа нашего, подобает свидетельствовать веру нашу тем глубоким спокойствием духа, которого не в состоянии вывести из равновесия никакие удары человеческой злобы.

Указывают далее на то, что оскорбления тем тяжелее бывают, что они незаслужены и несправедливы. Но христианин шире должен смотреть на виновность и невиновность в области личной нравственной самооценки. У святого Ефрема Сирина, молитвой которого мы так назидаемся и услаждаемся во дни святого поста, мы встречаем указание на то, что безвинным в страданиях Своих

на земле был в собственном смысле только Один Иисус Христос. Все прочие люди так или иначе заслужили наказание по грехам своим, и притом гораздо больше, чем им дано. О себе самом святой муж этот говорит, что, переживая одно время ряд ударов и несчастий, недоумевая, за что они его постигают, он вспомнил об одном грехе юности, и в сердце своем услышал ясное указание, что страдания постигали его не безвинно. То же постоянно должны памятовать и мы, грехами покрытые.

Притом же ведь мы должны непрестанно возрастать нравственно, а рост и злаков в природе не совершается, напротив, даже прекращается под непрерывным теплом и светом солнца, без смены дня и ночи, ветра и ненастья, без снега, холода и влаги. И Господь посылает нам эти бури и холод жизни, оскорбления и огорчения, воспитывая нас в том тесном пути, который один верно ведет к Царствию Божию. И что было бы, если бы нас только хвалили? Полезно ли, созидательно ли было бы это для нашего духа, и без того, по прирожденной греховности, склонного к гордыне?

Нет, слава Богу за все, и лишь бы Господь, наказуя нас и попуская скорби, посещая жезлом неправды наши, не отступал от нас! Поэтому-то святые иногда даже искали страданий, искали огорчений от человеческой клеветы и злобы, и когда не видели их, то трепетали и страшились, тревожно вопрошая себя, не признак ли это гнева Божия?..

Говорят, советуют, требуют привлечения к суду человеческому тяжкого оскорбителя. Но не ведают тогда духа Православия, духа смиренномудрия и самоотречения: святой апостол в послании к Коринфянам, особенно склонным к судам и распрям, пишет, что не следует христианину в вопросах не только

нравственных, но даже в житейских тяжбах обращаться к суду внешних. «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? – спрашивает апостол, – «для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор. 6, 7).

И разве гнев мужа правду Божию соделовает? (Иак. 1, 20).

Говорят, что созидательное для оскорбленного оскорбление, однако, невыносимо для близких и любящих его, и поэтому некоторые вызываются отправиться к оскорбителю, нанести ему удар и словом, и делом... Но ведь это было бы, конечно, самую худшую услугу для оскорбленного! Дух Православия напоминает нам слова апостола о злословящих: «Михаил Архангел, когда говорил с дьяволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: да запретит тебя Господь»... (Иуд. 9). Дух Православия напоминает нам святоотеческое наставление о том, что грязной одежды в грязной воде не вымыть, не сделать чистою и белою... И что нам скажет Тот, Кто укоряем, противу не укоряше, стражда, не прещаше, но предавал все Судии Праведному, Тот, Кто не одобрил ученика, извлекшего нож на защиту Учителя, и не восхотел вызвать готовых творить Его волю и волю Отца Его двенадцать легионов Ангелов?

Иные говорят, утешая, и думают, что они близки к духу христианства, когда советуют замкнуться в презрении к оскорблению и к оскорбителю, именуя его различными презрительными и унижительными отзовами и словами... Нет, это не дух Православия! Читаем у преподобного Аввы Дорофея, – которого, кстати сказать, так полезно нам теперь, во дни поста, почасту иметь своим учителем:

«В общежитии, прежде моего удаления оттуда, был один брат, которого я никогда не видал смутившимся, или скорбя-

щим, или разгневанным на кого-либо, тогда как я замечал, что многие из братии часто досаждали ему и оскорбляли его. А этот юноша так переносил оскорбление от каждого из них, как будто никто вовсе не смущал его. Я же всегда удивлялся чрезвычайному незлобию его и желал узнать, как он приобрел эту добродетель. Однажды отвел я его в сторону и, поклонившись ему, просил его сказать мне, какой помысел он всегда имеет в сердце своем, что, подвергаясь оскорблениям или перенося от кого-либо обиду, он показывает такое долготерпение. Он отвечал мне *презрительно* без всякого смущения: «Мне ли обращать внимание на их недостатки или принимать от них обиды, как от людей? Это – лающие псы!» Услышав это, я преклонил голову в печали и сказал себе: «Нашел путь брат мой!» – и, перекрестясь, удалился от него, моля Бога, чтобы Он покрыл меня и его».

Да, не в языческом презрении к людям, кто бы они ни были, – дух Православия, а в любви к ним и в молитве о них. Ненавидь грех, но жалея грешника!...

Наконец, предлагают то, что измыслил мир для достижения успехов в жизни: выступать с заявлениями, так называемыми адресами, газетными обращениями, подписями и т. д. Неужели же от того истина бывает истиною, что она свидетельствует тысячею подписей? Разве под клеветою и ложью нельзя собрать этих подписей десятки тысяч? Пусть этим занимаются любители так называемой мирской популярности, а христианин знает, что против Христа толпа вопила: «Распни Его», а антихрист, напротив, будет принят так называемым большинством голосов... (См. епископа Феофана Толкование на 2 главу 2 послания к Солунянам). Нет, не в таком человеческом суде правда Божия!

Вот все, что мне хотелось сказать по данному поводу. Спасибо за любовь, но пусть прекратятся волнения за меня, ибо я совершенно спокоен, как сами видите, и продолжаю свое священническое дело. Пусть все это забудется и больше не вспомнянется.

Одно надо иметь в виду, – что в данном случае перед нами, по-видимому, как повод к грубому оскорблению, указывается ревность о Православии, хотя и нашедшая такое несвойственное духу Православия выражение. Что же? Сама по себе ревность о силе, об успехе Православия, о преуспевании Православной Церкви – это высокая добродетель, за которую сегодня Святая Церковь восхваляет борцов и мучеников, тружеников и подвижников за веру и Церковь.

В чем же мы должны видеть успех и расцвет Православия?

В одушевлении святой веры, в усилении молитвенного подвига православного народа, в послушании Богу и Святой Церкви, в исполнении божественных заповедей, в единстве веры, в верности учению церковному, в крепком, дружном и любовном союзе пастырей и пасомых, в правильном воззрении на веру и жизнь, как непрестающий подвиг...

Почему же теперь в суждениях и спорах о Православной Церкви мы именно об этом-то и не слышим, а слышим об учреждениях, об управлении, о достойных и недостойных лицах и о суде над ними, о деньгах, о церковном имуществе, – обо всем, кроме веры и благочестия? Оттого, конечно, что веры и благочестия нет у тех, кто берет на себя обсуждение дела благоустройства Церкви; оттого, что к Церкви подходят не по-церковному и о ней судят, как об учреждении мирском, забывая, что ее воодушевляет, движет и живит дух веры и непрестанное стремление

христианина к Небу. И здесь – нам урок в направлении нашей ревности о Православии.

Нам говорят теперь люди, вообще в прошлом видящие только тьму, невежество и рабство, – говорят, в противоречие себе самим, о прошлом Церкви с восхищением: там они видят учреждения и формы жизни, которых теперь нет, и которыми бы они хотели украсить современную церковную жизнь: там приход, приходские учреждения, там правильное управление, там пастыри, исполненные ревности и мужества и т. д. Но спросили ли они, что было главное в церковной жизни наших предков? Почему проглядели они в наших предках глубокую воодушевляющую их веру, боязнь впасть в ересь, послушание Церкви и пастырям, единство церковного уклада, подчинение руководству Церкви всей жизни, строгость поста, святость обряда, постоянное участие в Таинствах Церкви, усердное посещение общественной молитвы, усердное исполнение молитвы частной? Есть ли все это у современных ревнителей Православия? И что было раньше у предков наших: вера и преданность Церкви, – или сначала церковные учреждения, а потом вера?

И опять нам урок в нашей ревности о Православии и о Церкви: будем всеми средствами, всеми усилиями духа жить живою жизнью в Церкви и с Церковью, и прежде всего, и больше всего в области веры, молитвы, послушания Церкви и непрестающего подвига религиозной и нравственной деятельности, а все прочее само приложится нам. И тогда Православие будет процветать истинным и достойным его преуспеванием духовным, и Святая Церковь будет в радости осуществлять свое назначение – вести верующих чад своих чрез подвиги веры и жизни от земли к Небу. Аминь.

ПОКАЯНИЕ¹

*Прииде пост, мати целомудрия,
обличитель грехов, проповедник покаяния...
(Стихира великопостная).*

Но и пост и покаяние могут быть действительными и спасительными только в Церкви. Если справедливо сказанное апостолом слово: «все, еже не от веры, грех есть» [Рим. 14, 23], – то оно вполне приложимо и к посту, и к покаянию.

Давно ли говорилось во имя науки, что «человек есть то, что он ест»? (Молешотт). Давно ли уверяли во имя медицины, что если кто хочет быть здоровым, то должен питаться мясною пищею? Давно ли во имя педагогики и психологии утверждали: «если хочешь быть умным, то ешь мясо?»

И вот, исконное учение Библии и вековая практика Церкви теперь восторжествовали над мнимую наукою, ибо настоящая наука теперь уверяет, что медицина в последние пятьдесят лет систематически перекармливала человечество и чрез это привила людям множество опаснейших болезней, и едва ли теперь найдется врач, который советовал бы для здоровья есть одно мясо и отвергал бы благодетельность церковного поста, как едва ли найдется и педагог, который бы теперь во имя науки стал бы связывать умственное развитие питомца с количеством потребляемого им мяса.

Война тяжелая, потребовавшая для армии огромные запасы всяких пищевых продуктов, принесла нам еще одно подтверждение истины церковного поста: само правительство стало вводить

¹ Поучение во дни Великого поста.

«мясопуст», принудительный пост, располагая дни такого воздержания по указаниям церковного устава. Не ясное ли здесь указание голоса природы, которая говорит нам точными цифрами, что если бы все человечество беспрерывно питалось мясом, то чрез полгода на всем земном шаре не осталось бы ни одного живого существа, все было бы съедено: знак и доказательство, что в плане, в экономии, в расчете природы не может быть допустимо, чтобы человек питался одними мясом и ел бы его беспрерывно.

И все же эти голоса и приветствия посту не дают ему нравственного значения: матерью целомудрия, обличителем грехов, проповедником покаяния, веселием Ангелов и спасением человеков пост является только в Церкви. Только в Церкви пост есть и нравственная заслуга, вменяемая Богом человеку, ибо только здесь он является не расчетом, не покупкою здоровья, а подвигом, притом совершаемым добровольно и во имя Божие. стыдно становится за человека, когда вспоминаешь, что когда Церковь настойчиво и повелительно звала и зовет к воздержанию и посту, то люди образованные или мнящие себя таковыми, нарушали и нарушают постановления Церкви с такою легкостью, в таком всеобщем согласии, с таким единодушием, что кажется, будто бы, ни уважения к вере, ни страха духовной ответственности за непослушание Церкви давно уже в людях не существует. Когда же, не во имя духовного здравия, как Церковь заповедует, а поднимает властный голос медицина и говорит во имя только пользы тела, то те же гордые представители знания и умственного развития покорно и робко следуют сомнительным изменчивым советам и предписаниям так называемой диеты... И таким образом то, что столь недавно ставилось христианству в укор уже объявляется не только простою полезностью, но даже какою-то доблестью.

Так меняются воззрения и настроения, если все измеряется одною мерою пользы: эта мера пригодна лишь для животных, не знающих ни совести, ни нравственного чувства, ни нравственной свободы, живущих только по началам необходимости и принуждения. Такой животный характер приобретает и пост, проповедуемый теперь только по соображениям пользы, но не имеющий тех высших нравственных и духовных побуждений и целей, которые дает ему святая вера, которыми водится Святая Церковь.

Давно ли, далее, считалось признаком отсталости и непонимания достойных человеческих отношений указывать другим правила поведения? Давно ли говорилось, что это есть невольнительное вмешательство в частную жизнь и оскорбление чужой личности, неуважение чужой свободы? Давно ли в стенах высшего государственного учреждения, призванного законодательствовать, резко разграничивались области закона и нравственности, и делались заявления, буквально гласящие, что учреждение это «призвано не морализировать, а законодательствовать...?»

А теперь в том же учреждении мы слышим осуждение «бесстыдства тыла» и той распущенности нравов во время войны, которая действительно похожа на «пир во время чумы». Теперь мы там же слышим осуждение роскоши и мотовства, слышим из уст тех людей, которые так не хотели «морализировать»... Теперь мы видим и слышим служительниц современного театра, не без оснований получивших печальную известность расточительниц, преданных щегольству, роскоши и легкости нравов, — слышим их призыв к женщинам быть скромными, быть бережливыми, отказаться от роскоши в одежде и убранстве.

И опять заметим: все эти заявления и призывы – писание на воде, ничтожное биение воздуха – и только, если только мы не дадим всему этому нравственный и, главное, нравственно-религиозный характер, если не освятим всех этих призывов в Церкви, Церковью и чрез Церковь... Ибо почему же я в самом деле должен быть бережлив, если у меня есть деньги? Почему это я должен быть скромн, ограничивать себя в роскоши, если эта роскошь доставляет мне удовольствие, и если для того, чтобы пользоваться роскошью, экипажами, бриллиантами, дорогими костюмами, театрами, увеселениями, я имею свои деньги, присылаемые, скажем для примера, мужем с войны жене или близким человеком своей родственнице?...

Здесь опять выступает соображение пользы общества и государства. Но подумайте, как шатко и неопределенно это соображение. Ведь пользу или вред узнаешь окончательно и доказательно не раньше совершения того или другого дела, а после него, когда явятся ощутительные его последствия; ведь пользу, далее, можно советовать, но никак не ставить в обязательство следовать ей, наконец, полезное и неполезное не всегда различишь, потому что та же самая роскошь вредна для одних, и полезна для других, притом бедных, ибо дает им постоянный хороший заработок...

И только в религиозно-нравственном и христианском освещении и понимании жизни мы найдем прочную основу для того, чтобы насадить правду и отбросить порок. Отвергай и пресекай блуд не потому, что он вреден, а потому, что он есть грех; оставь распущенность и роскошь не потому, что это вредно, а потому, что это дурно и порочно, что это поработщает божественное и неработное твое достоинство низшему началу жизни: только

тогда ты можешь обличать и роскошь, и распущенность, и «бесстыдство тыла» в переживаемые дни. А с точки зрения пользы – смотри и остерегайся, как бы вместо того, чтобы осудить эти отрицательные явления жизни, ты бы не оправдал их!..

Во всяком случае слово твое не будет «со властью» и едва ли твоя проповедь будет иметь успех.

Даже религиозные основы такой проповеди, – но религиозные не в смысле церковно-христианском, а в духе самочиния и гордыни, – все равно ни к чему не приводят. Пробовал Толстой учредить вечный пост, так называемое «безубойное питание», пробовал звать «опроститься», отказаться от роскоши, и сам стал шить сапоги, облекся в рубаху, но кому же теперь не ведомо, что это было одною из причуд именно величайшей роскоши, в которой жил всю жизнь Толстой, позволяя себе в безграничном довольстве и достатке роскошь и почудить насчет сапога и блуз?

Кому неизвестно, что и последователи его слишком мало усвоили с этой стороны его учение, и если завели в столицах для безубойного питания столовые, то имеют в них «потребителей», которые руководствуются в посещении их или дешевизною, или советами врачей и соображениями здоровья, то есть побуждениями пользы, а не нравственности. И снова все сведено к той же животности...

Нет, дух, подвиг, нравственное преуспеяние мы найдем только в вере и Церкви. И пост, как душеспасительный подвиг, и воздержание, и борьба с распущенностью жизни во всех ее видах, – все это мы найдем только в Церкви.

Прииде пост, мати целомудрия, обличитель грехов, проповедник покаяния... Аминь.

СЛОВО КРЕСТНОЕ¹

*Слово крестное погибающим юродство есть,
а спасаемым нам сила Божия есть
(1 Кор. 1, 18).*

Широко и всеобъемлюще содержание слова – *Крест* в христианстве; бесконечно много значений оно имеет: это и Крест Христов вещественный, на котором Он распят, это и Его учение, которое говорит о крестоношении, это и вся жизнь христианина, это и скорби, выпадающие нам в жребий, и так далее без конца. Не человеческое здесь желание, не наш произвол – давать многообразное толкование слову – *Крест*. Сам Спаситель, очевидно, не в буквальном смысле разумел крест, когда, как сказано в Евангелии, *призвал народы со учениками Своими*, и этим показав необычайную важность того, что Он хотел сказать, дал заповедь: «кто хочет за Мной идти, пусть отвергнется себя и возьмет крест *свой*, и следует за Мной» [ср.: Мф. 16, 24]. И апостол, конечно, не в буквальном смысле понимает слово Крест, когда о себе говорит, что хвалится крестом, чрез который для него мир распят и он – для мира, когда неправо мудрствующих в вере именует врагами Креста Христова.

Он же научил нас и в учении христианской веры, сущность которой есть искупление человека-грешника, по вере его, Распятым на кресте Господом Иисусом, и все учение христианской нравственности, сущность которого есть смирение, самоотречение и самоотвержение – все учение христианское святой апо-

---

¹ К Неделе Крестопоклонной [13 марта 1916 г.].

стол научил нас именовать словом крестным, словом о Кресте (1 Кор. 1, 18).

Предстоя сегодня Кресту Господню, полагаем, особенно благовременно размыслить нам об этом слове крестном. К тому, как, увидим, властно располагают нас и переживаемые ныне и нами и всем миром события великого мирового столкновения народов, а за ними – столкновения целых духовных настроений и даже мировоззрений.

То, что говорил святой апостол о слове крестном, исполняется в полной мере и донныне: для иудеев слово о Боге Распятом есть соблазн, а для эллинов это слово, и слово о смирении и самоотречении есть безумие.

Пред нами вооруженные с ног до головы, закованные в железо, владеющие чудесами человекоистребительных орудий и всей военной техники, народы Средней Европы, во главе их – Вильгельм, как их вождь и вместе выразитель их мирозерцания, их настроений, желаний и стремлений. Если имя Вавилона некогда в Священном Писании стало общим именем язычества со всею его нравственною гордынею, злобою, жестокостью и распущенностью, то по справедливости имя Германия является теперь не географическим только термином, и имя Вильгельма – не указанием только определенного лица, а общим наименованием целого духовного настроения.

Что же такое это настроение? Что это – слово крестное, заповеданное Христом, или это то самое древнее язычество, для которого слово крестное есть безумие?

Не со вчерашнего дня наш теперешний враг стал на путь именно язычества. Германия – родина протестантства, этой религии, обожествившей человеческую гордыню и отринув-

шей то, что в христианстве есть существенного, именно смиренномудрие, подвиг, то что по преимуществу является словом крестным. От религии зависит и жизнь. Посмотрите на нашего русского крестьянина после того, как он уйдет из Православия в какую-либо немецкого, протестанского характера секту, – как сразу просыпается в нем гордость и заносчивость, как растет самохвальство и самомнение, как резко проявляется его самолюбивая обидчивость! За указание всякого недостатка как растет у него ненависть и презрение ко всем несектантам, как растет в нем далее стяжатель, как изменяется его внешний уклад жизни, и идеалом ее становится сытость, достаток, земные стяжания, – как жесткость захватывает его сердце!..

Представьте же себе, что целый народ в течении пятисот лет воспитывался в этом духе – и пред вами совершенно понятным и объяснимым явится все то, о чем заявлял и заявляет, что делал и делает теперь немецкий народ.

Эта война теперь начата Германией, по собственному признанию ее вождей, уже не с целями «ограниченными», как было в прежних войнах, а с целями «неограниченными», то есть с целями создания мирового немецкого националистического государства, имеющего целью обратить все прочие нации в навоз и удобрение для жизни Германии, в рабство и подневольное состояние. Эти заявления о том что «сила выше права», это желание стереть с лица земли и вычеркнуть из истории и жизни отдельные небольшие народности и государства, эти жестокости, обманы, устрашения, подкупы, эти страшные орудия и технические изобретения орудий для истребления людей, это предусмотрительное и хорошо рассчитанное скопление неисчислимых запасов золота, орудий, снарядов, эти реки крови, уже пролитые Герма-

нией, и имеющие теперь опять и скоро политься вместе с вешними водами – что это все, как не результат отступления немцев от слова крестного и замены его подлогом христианства, носящим и наименование характерное – протестантства, то есть в самой основе имеющим начало протеста, противления, борьбы против всего, что стесняет гордыню человеческого духа.

Пред миллионами окровавленных трупов может ли теперь Вильгельм сказать то, что говорил даже язычник император Римской Тит при виде множества убитых и раненых при осаде Иерусалима: «О Боже, Ты видишь и ведаешь, что не я вызвал это кровопролитие?..»

Слово крестное воистину обратилось в безумие для народов Центральной Европы, и это знаменательный и страшный призрак грядущей их гибели, грядущего отвержения их из Царства Христова...

Глубоко запечатлел в сердце православно-славянский мир слово крестное, слово о смирении, о подвиге, о тесном и узком пути спасения. Те, что отпали от союза с этим миром, хотя и именуются православными, именно болгары, своими действиями, заявлениями ясно показали, что наперед они отошли именно от этого религиозно-православного начала жизни и давно уже оказались духовно сродными с немцами и турками. К глубокому сожалению, и среди нас, русских, не всегда, не везде и не у всех замечается это разумение слова крестного, слышатся и теперь суждения, которые, даже при вполне отрицательном отношении к немцам, однако показывают, что духовно немцы поработили православные души и прельстили их своим языческим отношением к слову крестному. Видимые успехи немецкой жестокости вызывают на разговоры о подражании немцам, а видимые успе-

хи немецкой техники вызывают воодушевленные стремления к тому, чтобы целью устройства православной русской Родины нашей поставить ту же внешнюю организацию жизни и те же успехи техники, с полным забвением о развитии духа народного на основе святого Православия, этого слова крестного...

О, стяжи умиление, русский православный народ, стяжи смирение, православный русский человек, сохрани слово крестное!..

Не увлекайтесь, русские люди, успехами Германии: история знает примеры, когда внешняя организация жизни с течением времени совершенно подавляла дух и вела народы к гибели. Рим не спасли его железные легионы. Царство Македонское отцвело, не успевши расцвести. Египет, Ассирия, Вавилон, Персия пали падением великим. Не увлекайтесь, не восхищайтесь до самозабвения техникой воинскою в Германии: все великие ученые, правители, вожди, военачальники говорят в один голос, что побеждает прежде всего дух человека, а не одна техника. За тройными стенами города, представлявшего из себя чудо укреплений и защиты для войска, по-видимому, поставленного в условия и возможность оставаться в полной безопасности и одновременно смертельно поражать врага, Валтасар, беспечно пировавший с вельможами, не сохранил себя и Вавилона от ударов царя Персидского...

Все нужно: и организация жизни, и развитие техники. Но прежде всего нужно сохранить дух, доселе одушевлявший наш народ, и если русский воин на брани всемирной теперь удивляет и друзей, и врагов, и всю Россию, без различия политических партий и направлений, своею доблестью, терпением, выносливостью, то он этим обязан тому самому слову крестному, которое воспитывало наш народ в течение тысячи лет.

Откуда, в самом деле, откуда, как не от этого слова крестного взял русский воин эту силу самопожертвования? Русская народная поэзия из глубины веков отвечает на это яснее ясного. Велика доблесть русского воина:

И тут мы брякнем оружием завоеванным,
 И да мы топнем этой правой белой ноженькой,
 И где нет пути-дороги, тут протариваем,
 И где мхи да болота, тут орлом летим,
     И мы ходили то, солдаты, по колен в крови,
     И мы плавали, солдаты, на плотках телах...
     И ручьями кровь да туды-сюды разливается,
     И наше храброе сердечко да разгарается,
 Тут одна рука не може, другая пали.
 Тут одна нога упала, другая стои,
 И где ведь пулей не-йдем, там грудью берем,
А где грудь не бере, душу Богу отдаем

Откуда берет народ наш силу выносить тягости войны, и спокойно, как теперь, вся необъятная деревенская Русь нести непосильное тяжкое испытание? На «общей обедне богомольной» он черпает эту силу.

И може Господи Владыко-свет помилует,
 И Пресвятая Мати Богородица заступится,
 И сохранит да ведь Микола Многомилостивый...
 Люди добрые остановили всю крестьянскую работушку,
 Поспешились к обедне богомольной
 И на солдацки слезушки они смотрели
 И за походного солдатушка молились.

Скорбная мать, сестра, жена, скорбная Русь в одном находит источник духовной бодрости:

Я пойду да в Божью церковь посвященную,
И помолюсь да я Богу от желаньца,
Штоб Господи Владыка-свет помиловал,
И Пресвятая Мати Богородица заступилась,
И утолили бы печаль неутолимую,
И утолили бы тоску неугасимую, –
И на моем да на бесчастном ретливом сердце.
И тут головушка моя да возвеселится,
И кручинушка моя да утишается
И тут злодий эта обида поуходится.

А вот и самая молитва.

И спаси, Господи, Русию подселенную,
И благоверного царя Ты Русийскаго...
И сраженьце война да уходилась бы,
И порознесло бы дым да по чистым полям,
И горесть-чад да по лугам бы по зеленым...

Пусть бы вдумались в это тысячелетнюю мудрость Креста, усвоенную народом нашим, те, которые теперь теряют равновесие духа от приступов злобы, осуждения, от жажды мести и борьбы, направляемой, увы, не на врага внешнего, а на своих собственных братьев внутри России... Пусть бы вдумались в эту мудрость те, которые, заявляя о ненависти к Вильгельму, однако, открыто признают, что у него надо учиться этому презрению ко всем духовным, религиозным основам жизни, и все упования возлагают на внешнюю технику и на внешнюю организацию жизни...

Если управлять жизнью, рассуждать о ней и направлять ее, это значит предвидеть, то нельзя не предвидеть одного: народ, забывший о Небе, недостоин жить на земле, нельзя не предвидеть, что народы, потерявшие духовные основы жизни и заменившие их только внешним устройством, рано или поздно придут к неизбежной гибели. И народы Европы, теперь зажегшие и поднявшие пожар войны всемирной, потерявшие самым делом связь с христианством, презревшие слово крестное, все равно обречены гибели. Это так же несомненно, как предсказание о закате солнца, хотя бы и сказанное в момент его восхода. Но по слову поэта-христианина, «другой стране смиренной, полной веры и чудес, Бог отдаст судьбу вселенной, власть земли и глас небес» (Хомяков).

Пусть даже случится то, что мы отвергаем всеми силами души, – пусть мы пострадаем в войне, потерпим урон, лишения – мы все-таки не можем, не должны, и всенародно, и от имени народа обязаны сказать, что мы не в силах отречься от слова крестного.

Мы не должны забыть мудрости Креста, зная, что Крест есть символ страдания, но увенчанного Воскресением, то есть полною и всесовершенною Победою. И что бы ни случилось, победа в конце концов будет непременно уделом того народа, который сумеет сохранить при всех испытаниях и ударах слово крестное и при всех соблазнах перейти на путь только мирских, но противохристианских успехов, устоит против соблазнов.

Слово крестное только для погибающих, хотя бы и не сознающих этой гибели, видящих только успехи в жизни, юродство есть, а для спасаемых нас сила Божия есть. Аминь.

ХРАМ ДЛЯ ВОИНОВ

I. ВОИНСТВО ВЕРНОЕ¹

Канон святого Андрея Критского слышали мы сегодня, – покаянный канон поста, в совпадении с торжеством освящения храма для воинов в этом убежище больных и раненых. Казалось бы, какое отношение имеет торжество освящения храма к войне и воинам? И как внутренне можно связать то и другое?

Но святая вера живет среди людей с первых дней существования мира, – и это такая сила, которая охватывает решительно всю жизнь человека. Не может она не касаться и войны, этого явления извечного и повсюдного, этого хотя и бедствия тяжкого, но, – хотели бы мы того или не хотели, – все-таки неизбежного в истории человечества. И вот почему заключительное слово великого покаянного канона упоминает и о войне, и о воинах.

«Град Твой сохраняй, Богородительнице Пречистая», слышим мы в последнем молении канона, – «в Тебе бо сей верно царствуяй», – то есть под Твоею защитою *он царствует с верою*, – «в Тебе и утверждается, и Тобою побеждай, побеждает всякое искушение, и пленяет ратники, и проходит послушание», – то есть берет в плен врагов и держит их в повиновении.

К сожалению, на языке славянском мысль молитвы не ясна сразу; мы привели ее вам по-русски, и вы можете видеть, что завершительное слово канона покаянного прямо и непосредственно касается войны и воинства.

¹ Сказано воинам 23 марта 1916 г. после чтения канона святого Андрея Критского, в канун освящения храма в 11 военном госпитале на 600 человек.

Град Богородительницы, который царствует, – здесь, конечно, разумеется город Константинополь, древняя столица византийских царей, посвященный Покрову Богоматери. Но, конечно, под градом разумеется все тогдашнее православное царство, а ныне – и православное царство русское, которое тоже имеет над собою Покров Богоматери, которое тоже есть, так сказать, страна дивных знамений Богородицы, как говорит нам тысячелетняя наша история.

Итак, что же нужно царству, чтобы пленять врагов, чтобы держать их в покорности?

Ему надобно *верно царствовать*, то есть царствовать с верою. Народ, забывший о Боге, недостоин жить и на земле: давно сказано это слово, и оно неизгладимыми чертами, огненными буквами надписано над историей человечества. Из этого правила мирового, из этого закона вековечного, история не может указать ни одного исключения. Царство человеческое не есть собрание животных, хотя бы и умных, хотя бы по виду и культурных: оно есть собрание людей, существ разумных, духовно свободных, нравственных. Поэтому и в жизни, и в устроении царства должно иметь в виду не одни чисто материальные интересы и потребности, – это свойственно и животным, – но и запросы духовные, а среди них первый и самый возвышенный есть святая вера. Поэтому и война у христианского народа не есть только торжество над врагом, но и подвиг самопожертвования, готовность на все лишения, страдания и смерть. Поэтому и успех брани заключается не в одном мужестве, не в одной приготовленности относительно орудий, снарядов, денег, но успех, победа, торжество зависят и от высоты духовного настроения воинства. А духовное настроение дает опять только вера.

С верою царствовать, с верою жить, с верою служить царству, с верою служить Родине, с верою идти на брань, с верою нести крест воинский, с верою переносить лишения, раны, болезни, с верою быть готовым и на смерть – вот что нужно православному народу, вот где условие и залог победы!

Мало в нас веры? Тогда будем молить Господа, как молили Его святые апостолы: «Умножь в нас, приложи нам веру!» Мало в нас веры? Будем молить Господа и словами отца глухонемого отрока: «Верую, Господи, помози моему неверию!» Мало в нас веры? Будем каяться, будем повторять слова великого и умирительного канона покаянного, сегодня нами прослушанного, и его трогающий душу припев «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

И будет тогда царство наше верно царствовать, и будет воинство воинствовать с верою, и получит крепость, и неотразимо будет побеждать всякое бедствие, и пленит врага надменного и приведет его к покорности и подчинению. Так гласит великий канон покаянный. Аминь.

II. ЧАША ЖИЗНИ¹

С Чашею Завета Нового, с Телом и Кровию Господа исходим мы к вам, возлюбленные, сегодня, в день освящения храма, назначенного для больных и раненых воинов.

Вчера говорили мы о значении веры святой для царства, для народа и для того, что есть цвет народной жизни, – для его воинства. Теперь пред Чашею Жизни естественно спросить: для

---

¹ Сказано в день освящения храма в 11 военном госпитале пред причащением больных и раненых воинов, 24 марта 1916 г.

чего же воинам нужно столь частое причащение Тела и Крови, что для этого освящается для них особый храм?

Для чего?

Но как же жить и действовать верою во Христа, не имея с Ним общения? Это было бы подобно тому, если бы лечение больного и раненого было без врача, без лекарств, без воздуха и света...

Для чего еще? Но как же совершать подвиг труднейший, подвиг воина, и не иметь укрепления?

«И ел хлеб, и укрепился», – нередко читаем мы в Библии. Вот он Хлеб Небесный, в этой Святой Чаше, вот Хлеб, сшедший с Небесе, который, по обетованию Самого Христа, дает нам такую крепость, что открывает и питает не только жизнь временную земную, но даже жизнь вечную.

Читаем в Библии, что Бог послал хлеб святому пророку Илии, этому величайшему ревнителю веры и воителю, подвижнику за веру, в то время, когда он изнемог от борьбы. Он ел хлеб, укрепился, и, сказано в Библии, – «иде в крепости ядитоя» [3 Цар. 19, 8], то есть пищи той, сорок дней и ночей непрерывно до горы Хорива... И вы, воины, шли много в труде, и вам еще идти много предстоит в подвиге, и воинство вообще идет вперед без усталости и отдыха: и вот вам крепость яди духовной, единственной пищи, укрепляющей дух и тело до высоты неизреченной!

«И умре, и приложится к отцам своим» [Деян. 13, 36], – говорится в Библии об умирающих праведниках: кончина должна предстоять духовному взору и воина, всегда находящегося в смертельной опасности. Он может бестрепетно принять ее, только укрепившись Святыми Тайнами, соединившись со Хри-

стом, к Которому он придет по смерти, и надеясь приложиться к отцам своим, к праведникам, ранее нас вошедшим на Небо в единение с Христом. Ибо навеки сказано: Кто не будет вкушать Тела и не будет пить Крови Христовой, тот не может иметь жизни в себе [ср.: Ин. 6, 53]. Жизнь – в Чаше Жизни!

«В Бозе почивает», – говорится об умерших христианах. В Бозе почивают и мученики-воины, положившие душу за веру, Царя и Отечество. Но как же почивать в Бозе, не соединяясь с Ним? А здесь в Святых Тайнах мы соединяемся с Ним самым крепким и неразрывным союзом.

«Не может погибнуть овца меченая», – поучает наш русский святой святитель Алексей, митрополит Московский. А наша мета, наше отличие есть, говорит он, – Кровь Христова. Ею ознаменованные, ею отмеченные, предстанем мы по смерти ко Христу, и Он узнает в нас Своих, Ему близких, Ему родных, Его Телу и Крови причастных...

Итак, приидите, воины, приступите к Чаше Живоносной с верою и любовью, примите Божественные Дары Христовы во исцеление, освящение и укрепление души и тела, и будем, причастники, возглашать с умилением наше вечное исповедание пред Христом, грядущим во Святых Тайнах:

«Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти!»...

*Религиозно-просветительное
издание*

Священномученик Иоанн Восторгов

ВО ДНИ ВОЙНЫ. ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 3–4

Редакторы – протоиерей Павел Самойленко,
священник Евгений Шишкин
Дизайн и верстка – Любовь Галкина

ISBN 978-5-6053150-0-1

Подписано в печать 25.09.2024 г. Формат 72x104/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,6. Тираж 500 экз.

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru, www.stpds.ru

Отпечатано в типографии ИП Ютишев А. А.
344033, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-я Круговая, 86
Тел.: (863) 263-05-56. E-mail: office@omegaprint.ru
Заказ № ... 2024 г.

Издание осуществлено при поддержке
общины храма во имя великомученика
и Целителя Пантелеимона г. Ставрополя